

Леонид Федорович
Содарья жизнь
или
ПАЗА ДЛЗ ЭСТРАДЫА С ОРКЕСТРОМ

«Звонок в дверь.

*— Вы пришли на похороны? Давайте
ваши веночки, поставим их пока на бал-
коне. Вынужден вас разочаровать, я ещё
жив... Хохма в том, что мне пока не
удалось собрать нужную сумму, весьма
сожалею...»*

Леонид Федорчук
Собачья жизнь или
ПАУЗА ДЛЯ ЭСТРАДИНА С ОРКЕСТРОМ

ЖИТОМИР «РУТА» 2009

Федорчук Л. І.

Ф33 Собаче життя чи пауза для естрадина з оркестром. Проза та поезія. Рос. мовою — Житомир: «Рута», 2009. — 352 с.

ISBN 000-000-000-0

В 60-е годы прошлого столетия в советских изданиях вовсю дебатировалась тема: кто по жизни предпочтительнее, удачливее и полезнее — физики или лирики? Автор книги, которую вы, читатель, держите в руках, никогда этой двойственности не ощущал, потому что всегда счастливо соединял в себе любовь к радиотехнике и к поэзии. С молодых ногтей, можно сказать, ощущал. Хотя, казалось бы, предпочтение Леонид Федорчук отдал всё-таки физике, поскольку стоял у истоков отечественной электромусыки вместе с такими её титанами как Лев Термен, Игорь Симонов, Андрей Володин, Карлис Грундштейн, Леонид Кузнецов, Вадим Гордеев, Владимир Григорьев, Александр Сахаровский, Вячеслав Мещерин. Возможно, поэтому в книге много, содержательно и интересно повествуется о становлении и развитии в бывшем СССР электромусыки. Но другие новеллы «Собачьей жизни» ничуть не менее интересны. А всё потому, что «законченный лирик» Леонид Иванович блестяще владеет слогом и виртуозно юмором. Поверьте, это довольно редкое сочетание и вы, читатель, им насладитесь, если даже бегло перелистаете эту книгу. Ну, а когда начнёте её читать — вам можно просто позавидовать.

Михаил Захарчук, писатель

ББК00(0Укр—0Ж)

ISBN 000-000-000-0

© Л. І. Федорчук, 2009.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Здравствуйте, дорогие читатели!

Меня зовут Антон. Я познакомился с этим человеком совершенно случайно. Было утро воскресенья; я копался в своём гараже, собираясь выехать с семьёй на дачу. И тут появился Он. Старик, как старик. Голова седая, худощавый, даже слишком, одет чистенько. С ним — маленькая чёрная собачонка, левая лапа белая, глазки умненькие.

— Простите, вы не видели, под соседним контейнером щенилась Лизуха? Такая овчаристая собака чёрной масти с рыжим лицом... Простите, рыжеватой мордахой... Мы вот с Фроськой пришли её проведать и покормить. Лизуха-то бездомная, ей тяжело придётся со щенками...

— А, я знаю, о ком вы говорите! Только дворничиха сказала, что собаку зовут Жуля. Мы её тоже подкармливаем возле своего третьего подъезда.

— Понял. То-то я смотрю, что она часто лежала в тени у третьего подъезда, вроде, кого поджидая. Правда, мне дворничиха говорила, что её зовут Муха... Но это неважно — Муха, или Жуля. Она в прошлом году здесь появилась маленьким щеночком...

— Её кто-то из жильцов выбросил из дома. Так часто бывает, дети приносят в дом собачонку, а родители не знают потом, как от неё избавиться. Жалко, она такая ласковая, приветливая...

— Да, она всегда Фроську радостно встречала и облизывала ей мордашку, из-за чего я и назвал её Лизухой. Да, простите, мы живём с Фроськой вдвоём в первом подъезде этого же дома.

— Так что соседи! Очень приятно. Я — Антон.
— А как по-отчеству?
— По-отчеству не положено, — улыбнулся я. — Мне-то всего тридцать три, рано величать.

— Меня зовут Леонид Иванович, — протянул руку дед, — живу здесь недавно, около полтора лет. Ещё не совсем освоился. Но уже местных собак всех знаю. У меня шиза такая: люблю собак. Мы вот с Фроськой одинокие, мне уже семьдесят, живём в однокомнатной квартирке. Переселились сюда, когда я жену потерял...

— А где раньше жили?

— В районе Ново-Сенной улицы. В самом начале её, в переулке. Там у нас дом был частный, с усадьбой: сад, огород... А ещё раньше — на улице Короленко. В детстве — на Русской Слободке, сейчас это «хвостик» Провиантской улицы.

И рассказывал дед подробности...

Он родился в Житомире и большую часть жизни провёл в нём, хотя и путешествовал достаточно, знал лучших людей Житомира, дружил с ними...

Потом мы часто встречались. Мне нравилось с ним общаться, его рассказы были удивительны, трагичны и веселы одновременно, более того, они были полны образности, юмора и приключений. Дед был очень открыт, не стеснялся своих слабостей и недостатков. Я всегда попадал под очарование блеска его глаз, передо мной проходили этапы его необыкновенной жизни. «Почему вы не напишете об этом всём?— удивлялся я.— Какие у вас очаровательные стихи, их обязательно надо издать,»— увещевал я его. «Да ну, очаровательные...— отмахивался он.— Все влюблённые идиоты в какое-то время пишут стихи!» «Ну, а о вашей работе, вы же были пионером электромузыкальных инструментов. Это же предмет гордости для нашего Житомира!»

«Что я хочу сказать вам, Антон,— отвечал дед.— Вот у нас здесь недалеко есть улица Б.Тенна. Пойдите на эту улицу и опросите сотню прохожих, кто такой Б.Тен и что он сделал замечательного? Вы будете шокированы: никто не знает, кто это и что он изваял. Кто-то (редко) скажет, что это писатель (или поэт), но никто не назовёт его настоящую фамилию. И уж точно, никто не читал его. Кто решил назвать улицу его именем? Не знаю. Я удивлялся: многие в Житомире путают Королёва с Короленко! А вот Владимир Елисеев или Борис Портной — гениальные житомирские художники. Где улица Елисеева или Портного? Её нет, и вряд ли будет, хотя они оба умерли. Вот точно так же ни одна сука в Житомире не знает Леонида Федорчука. Хотя,— дед заулыбался,— я уверен, что наши местные суки: Лизуха, Фроська, Лали хорошо знают меня!»

«Житомир — особый город,— далее вёл он.— В нём нет места для божков. Все житомирцы и житомиряне — особые люди. Им не нужны кумиры. Они не знают, как с ними обращаться, поэтому проще не замечать их. Гордиться кем-то, кроме самого себя, здесь попросту не умеют, это вам не Одесса! Кроме того, я алкаш запойный,— засмеялся он,— хотя и Есенин, и Высоцкий, которых очень люблю, тоже были алкашами. Такова жизнь, но мои шансы на славу заметно скромнее, согласитесь...»

И вот в какой-то момент я решился на непривычный для себя поступок. Я раскопал из хлама на антресолях портативный диктофон, почистил его и наладил. И стал записывать всё, что дед мне рассказывал. А затем вечерами переносил записанное в диктофон на бумагу, сохраняя, по возможности, тексты как можно ближе к оригиналу. Попросил деда повторить некоторые моменты, и очень удивился, что они звучали уже иначе. На моё удивление дед среа-

гировал так: «Когда я рассказываю, я творю. Иначе этот рассказ будет пресным. Но вы, Антон, не обращайтесь на это внимания, потому что различие моих редакций не есть поправление правды. Кроме того, наша память никогда не сохраняет информацию в первозданном виде, что подделаешь. Знаете, иногда небольшая доля вымысла только улучшает художественное повествование. А потому плюньте и слушайте дальше!» Ну что тут скажешь?

Таким образом рождалась книга, которую вы держите в руках. Автор у неё, исключая это (моё) предисловие и вынужденные диалоги, один — Леонид Иванович Федорчук или fedo, как он светится в Интернете. Так что, желаю вам, читатель, получить такое же удовольствие, какое получал я, но уже без моего адского труда переноса текстов с диктофона. Любите жизнь, собак, женщин и работу так, как это делал автор, ваш, уважаемый мною, земляк — Федо.

...А Лизуха в тот день прибежала, повиляла мне хвостом, облизала Фроську, приласкалась к деду, поела требухи, что он принес. И жизнь продолжалась...

Фактическая справка: Борис Тен, переводчик, поэт (настоящее имя Николай Васильевич Хомичевский (1897—1982). Бористен — античное наименование Днепра (точнее, Борисфен). Хорошие переводы на украинский «Илиады» и «Одиссеи» Гомера. Стихи. Улица Бориса Тена, где он жил, называлась ранее Кашперовской, Сталинградской, XXII партсъезда.

ГЛУБОКОЕ БУРЕНИЕ ЗА ПАНСКОЙ СКАЛОЙ

Блин, смачная история... Относится она к лету 1982 года.

Только я не знаю, как передать её — столько сопутствующей информации! И как подать эту информацию: то ли преамбулами, то ли в отступлениях от повествования? Ну да ладно, как получится... Но — надо начать, а там ангел-хранитель поможет. Как и в тот раз...

Знаете, лучшего отдыха, чем рыбалка в июле, не придумаешь. И лучшего места, чем плёс Гнилопяти за Панской Скалой, просто не бывает. А ещё рыбалка хороша, когда вместе с тобой рыбачат точно такие же идиоты, которых ты любишь до безумия. А это — моя правая рука Лёвчик Фукс и моя левая рука — Эдик Кулаженко. Эдик и не мог быть правой рукой, потому что он от рождения левша. Значит, меня как заведующего НИО, вначале замещал завлаб Фукс, затем его замещал завлаб Эдик, затем я возвращался к своим обязанностям.

Именно поэтому вместе рыбачить нам удавалось в выходные, а во время отпуска — с чувством, с толком, с расстановкой — весьма редко. Вот потому и в этот раз судьба и график отпусков распорядились так, что первым ухожу на отдых я, потом с интервалом в две недели — Лёвчик, и ещё через две недели — Эдик. Таким образом, я, имея месяц в запасе, должен был справляться с заданиями в одиночку, затем ко мне присоединился Лев, а уж на исходе отпуска я мог повидаться и с Эдиком. Но организация отдыха проводилась совместно: в первую же субботу перед понедельником, с которого начинался мой отпуск, произошла массовая высадка с гружёных всяческим скарбом лодок

на излюбленном берегу. В этом принимали участие не только мы трое, но и Змей, Алик Кульчицкий из нашего родного цеха, Зайчик и Мишка Титаренко, как всегда «после вчерашнего», и Мишаня Мандрыгин. У них у всех был свой интерес — оборудовать стоянку, чтоб затем, по мере возможности, наезжать на готовенькое.

Работа шла с размахом: кроме общей громадной армейской палатки — «столовой», были в лучших местах размещены ещё пять «жилых», вырыт погреб для овощных припасов и консервов, а с крутого бережка вплоть до середины лагеря прорыт ход в песчаном грунте, который увенчался уникальным сооружением — коптильней конструкции Эдика. Это была «нормательная», как выражался Эдик, «дыра холодного копчения», на выходе которой в брезентовых «штанах» был установлен каркас для подвески просолённых лещей, а на входе — в метрах двадцати от «штанов» — постоянно должен был тлеть костерок. Запомните, для этой цели подходила только древесина, начинающаяся на букву «О» — орешник, осина, ольха, — и чем сырее, тем лучше: тепла меньше, а дыма больше. Естественная тяга гнала дым через весь вырытый туннель до самых «штанов», где его дожидались лещи, защищённые от мух брезентовыми «штанами» и невыносимым для летучих зверей духом дыма.

Вокруг — абсолютно волшебные места. История этих мест такова. С севера через Житомир протекает река Тетерев — среди скал и отрогов Волыно-Подольской возвышенности. Река эта небогатая и порожистая. А с запада, возле самого Житомира, в неё впадают рядышком две равнинные речки — Гуйва и Гнилопять. Для города в триста тысяч населения — весь водный баланс — три мелкие речушки. Естественно, воды населению не хватало, поэтому «отцы» города решили соорудить плоти-

ну на Тетереве среди живописных скал, которые как нельзя лучше могли служить естественными берегами нового водохранилища. И всё кругом изменилось с тех пор. Повыше по Тетереву образовался невиданный ранее разлив, уровень воды резко поднялся, а Гуйва и Гнилопять стали широкими реками с медленным течением. Левый низкий берег Тетерева стал городской пляжной зоной отдыха, а правый — высокий — из-за ширины и глубины реки получился практически недоступным для народных масс. Тем более — его притоки, куда добираться можно было только на лодках, и то самым настырным, потому что грести часами не каждому дано. Вокруг притоков — леса и полное бездорожье, так что автотуристам добрать-

ся до этих мест — тоже фантастика. Не удивительно, что у Панской Скалы, где мы предпочитали рыбачить, полно грибов и ягод, хотя город вроде бы рядом. Энтузиасты-рыболовы вскладчину попробовали зарыбить новое водохранилище — и у них это получилось. Вначале они настойчиво контролировали водные просторы, взимая плату с рыбачков, а позже им это надоело — процесс пошёл, и выловить размножающуюся рыбу стало поистине невозможно ввиду малой доступности всех просторов. Рыбнадзор иногда контролировал постановку сетей, но тоже — только для порядка, потому что в городе не было традиций промыслового лова и наследственных браконьеров тоже не было. А мелкие нарушения любителей похулиганить сразу пресекались грубо и беспощадно, из-за чего традиции браконьерства так и не развились...

А вот на удочку — даже с лодок — выловить что-то стоящее было проблематично, хотя среди рыболовов ходили слухи-легенды о том, что некто где-то вылавливал пятикилограммовых замшелых лещей и почти пудовых карпов! А вот нашей команде всегда везло: мы даже предпочитали поймать пяток килограммовых лещей, чем одного престарелого великана. Более того, мы с Мишаней Мандрыгиным разработали свою «рыбную» теорию, благодаря которой мы всегда были с уловом. Заякоримся мы с ним на своих лодках и потихоньку тягем рыбку, а недалеко стоят рыболовы, у которых ничего не клюёт. Смотрим, подтягиваются они к нам поближе, некоторые нагло почти рядом якорятся — а результат тот же. Не выдерживает кое-кто из конкурентов и начинает расспрашивать, а в чём-де у нас с ним разница. Я хитрю, говорю, что поплавков у меня такой особый, самодельный с длинной бамбуковой антенкой, выкрашенной в красный или оранжевый цвет. А Мишка врать не умеет

и правду-матку режет. Говорит односложно: «Думать надо! Вот в этом — весь секрет».

Потому что когда думать станешь, то всё проясняется. У леща такое тело — широкое, высокое. А что жрёт он? Всякую живность со дна выкапывает — мотыля, трубочника... Таким образом, его нормальная рабочая стойка — головой вниз и медленное рытьё в иле. Чтобы прокормиться, надо сутками так висеть — вниз головой. Попробуйте сами: хоть на время обеда прикрепитесь к люстре и повисите над столом вниз головой... Чувствуете удовольствие?

По правде, здесь понятной становится и моя причуда — с поплавком. Если у вас нет антенки, а просто поплавков-пробка, то клёва леща вы не увидите. Он не такой, как пролетающие мимо плотвичка или окунёк, которые хватают вашу наживку — украл и рад! — и быстро прочь, из-за чего поплавков может поплыть в сторону или даже утонуть. А лещ — он хозяин водоёма, ему спешить некуда. Он взял вашу насадку и с чувством кладоискателя, вырывшего сокровище, решается разогнуть натруженную спину — то есть, из вертикального или наклонного положения головой вниз переходит в горизонтальное. Другими словами, он, прежде чем смаковать добычу, поднимает её. Если грузило на вашей леске расположено так, что расстояние от крючка до него — меньше половины ширины леща, то поплавков начнёт наклоняться, может даже лечь на воду. Но чаще это совсем незначительный наклон антенки, во время которого и надо подсекать.

И лещ ещё, как и человек, — существо свободное, и может выбирать. В отличие от некоторых рыбаков, он думает. И придумывает наконец, что выгоднее: стоять целыми днями вниз головой или найти пищу на вертикальной или сильно наклонной поверхности? А такими поверхностями являются боковые стороны русла

реки. У берегов — исключено по леща́чьей технике безопасности. Другое дело — боковина ямы на дне реки, а ещё лучше — бок старого русла реки — ведь у разлившейся Гнилопяти были раньше совсем другие рамки! Вот так лещ придумал, где лучше питаться, увидел, что это хорошо, и передал свой опыт другим собратьям, и те, не будь дураками, кормятся с тех пор на скалах омутов и старых русел. Понятно, что наживка с крючком должна точно лечь на этот скат, для чего нужно ещё немного подумать, промерить глубины и заякорить лодку именно так, чтобы учесть длину удочки и лески. С точностью до сантиметров! Иначе будет ваш крючок-червячок валяться без дела, и не поможет даже то, что вы станете совсем рядом со мною — я то предварительно всё вымеривал и пристреливал, забивал колья и к ним лодку вязал. И когда на берег схожу, то свои кольяставляю на месте!

Ладно, вернёмся к нашим бара... э-э, к благоустройству лагеря. К часам четырёх всё было закончено, даже сигнальный флажок расцвечивания, который Змей привёз некогда с берега Охотского моря, где зашибал деньгу в студенческом стройотряде, был приколот к древку и торжественно водружён на одинокую ольху, на самом крае обрывистого берега. Затем мы сообразили на всех лёгкий перекус из картошки с тушёнкой, запивая всё это не молодым вином, как аргонавты — у нас свои традиции — а обыкновенной беленькой. После обеда ребята все отчалили, пожелав мне удачи, и я остался один, если не считать моего постоянного спутника — человекообразного пса, сокращённо — ЧОП. Тот внимательно осматривал территорию лагеря и тщательно помечал его границы — чтобы всё было законно, понимаете ли.

Вовремя вспомнил я о законности! Не так-то всё просто было — прикатали, разбили ла-

герь — и, гуляй, Вася! Нет. Жили мы в иные времена. Более того, мы своей рыбалкой вполне могли подорвать обороноспособность Советского Союза. Ибо на противоположном низменном берегу Гнилопяти расположен был военный полигон. Он тянулся и вдоль Тетерева не менее, чем на двадцать километров, а сколько вдоль Гнилопяти — одному Министерству известно. Я бывал иногда на этом забытом Богом клочке суши — суглинки и пески, покрытые редкими и чахлыми бурьянами, изрытые воронками и — ни одного деревца. Именно поэтому в первое же наше появление за Панской Скалой к нам подкатил катер, и мужик в спецуниформе, представившийся военным лесничим, предупредил нас, что разбивать в этих местах палатки для отдыха можно только по письменному разрешению Военного Лесничества. И с тех пор, дабы не искушать судьбу, каждый год я отправлялся в село Заречаны, добирался до Военного Лесничества, представлял нужные справки, писал заявление по форме, где указывал, кто и на какой срок собирается отдыхать и в каком конкретно месте. Так и в этот раз, я заранее получил «ксиву», разрешающую гр. Федорчуку Л. И. и с ним пяти человекам (перечислены) установку в квадрате 745/1712 пяти палаток для отдыха и рыбалки со второго июля по двенадцатое августа. Гр. Федорчук предупреждён об уголовной ответственности за несоблюдение «Правил пользования лесным участком»: не рубить, не разводить огонь, не браконьерить, не засорять стеклотарой и т.д.

И сколько я там отдыхал, ни разу не наблюдал какие-либо манёвры на полигоне. Нет, вру. Единожды были события, которые лишь с натяжкой можно было назвать манёврами: на противоположном берегу появился танк, который весело въехал в топкий болотистый заливчик и с рёвом в нём поёрзал. Затем продвинулся поглуб-

же, к краю кувшинок, и застыл. Из башни вылезли вояки, и, раздевшись до трусов, стали нырять с брони. От нас до них было километра полтора, поэтому мы слышали только самые эмоциональные возгласы — день был жаркий, и купание явно доставляло солдатам удовольствие. Ну, купаются служивые, Бог с ними... Однако, через пару часов, танк вновь ожил, взревел натужно, но не двигался с места, причём нам показалось, что он начал погружаться глубже в воду. Часа полтора рёва, а когда вода достигла уровня башни, танк умолк. Снова на его броню высыпал экипаж, попрыгал в воду, но уже без радостных воплей. Плавали, ныряли, доставая охапки чёрных водорослей. Мало ли что, решили мы и отправились на вечерний клёв. Когда возвратились, Зайчик (вообще-то, Зайчук правильно) говорит:

— Кажется, увяз экипаж машины боевой...

— Да ну,— засомневался я,— танки запросто по дну реки ходят, в кино видел.

Темнело, бойцы грустно сидели на башне танка, а один из них, одевшись по всей форме, направился в глубь полигона и вскоре исчез из виду.

Уже в крошечной тьме июльской ночи, когда мы сидели у костерка, ковыряясь в зубах после вкусного ужина, послышался плеск вёсел, и из тьмы показалась фигура в кителе прапорщика, накинутом прямо на голое тело.

— Вольно!— сказала фигура.— Привет рыбакам! Мужики, у вас водка есть? Я бы купил.

— А что взамен дадите?— поинтересовался Зайчик.

— А что вам надо за бутылку?

— Пару гранат, чтоб рыбу глушить,— пошутил Мишка Титаренко.

— Э, были бы у нас гранаты, мы бы сами уже всю рыбу здесь переглушили,— отпарировал прапор.— Нет, товарищи, боеприпасов у нас нет. Могу за две бутылки отдать танковый аккумулятор.

— А на хрена нам ваш аккумулятор?

— Ну, мало ли... Будете радио слушать, свет в палатки проведёте...

— Вы же наверняка в болоте увязли,— ковыряя резиновым сапогом землю, сказал Зайчик,— что ж вы будете без аккумулятора делать? Как выбираться?

— Да он сел, нам без тягача всё равно не выбраться...

— Так вы хотите за две бутылки сплавить нам севший аккумулятор?— удивился Мишка.

— Подумаешь, куча делов: зарядите его и продадите. Ну, одну бутылку давайте, сейчас его сгружу.

Зайчик принял вдруг позу независимого эксперта:

— Это же как понимать, товарищ прапорщик? Вы предлагаете нам принять участие в разбазаривании воинского имущества? Мы своим честным трудом постоянно пытаемся повысить обороноспособность Родины, а вы её хотите продать за бутылку?

— Ну как хотите,— вдруг растерялся пришелец,— дело ваше. Можете имущество части не брать. Но бутылку, может, так отдадите? Понимаете, сидят мои парни на холодной броне, замёрзли, зубами стучат... Жалко их.

— Солдатам бы дали,— сказал Зайчик, — но ты же, сука, сам её выпьешь ещё по дороге. Знаю я вашу породу!

— Ребята, а давайте ему поверим,— сказал я и полез в палатку за бутылкой.— Не все же прапоры сволочи...

На сём прапор с аккумулятором и бутылкой плюс пару копчёных лещей нырнул в темноту лодки — где он только раздобыл её ночью?

Через некоторое время с противоположного берега до нас донеслось дружное скандирование нескольких голосов: «Спа-си-бо! Спа-си-бо!»

— Вот видишь, Зайчик, а ты сомневался в морально-боевом духе нашей Армии,— поёрничал я...

— Иваныч, вы просто душа-человек, наивный до предела! Он точно выдул вашу бутылку по дороге, а солдат заставил кричать забесплатно! Знаю я этих прапоров, как облупленных...

И завершился этот вечер серией анекдотов о прапорщиках...

А танк мокнул ещё дня два. Когда и как его вытащили — мы пропустили, потому как уплывали рыбачить далече.

Но в этот раз всё было иначе. Натужный рокот моторов доносился днём и ночью, и совсем не со стороны полигона, а из лесу, из-за Панской Скалы. Чоп беспокоился и лаял в направлении леса. Утром, когда мы вместе с ним ходили к роднику за питьевой водой, мимо нас, поднимая облака пыли и дыма, промчалось несколько танков. Как-то шумно и неудобно стало. Но рыбалка была хорошей, я почти каждое утро засаливал полведра подлещиков — по граммов триста-четыреста каждый. И коптильня работала на полную мощность. Совсем рядом с лагерем собрал массу молодых подосиновиков и тушил в соусе, но их было так много, что пришлось все нанизывать на леску и развешивать на солнце. Словом, было всё хорошо, если бы не...

Пришли неожиданные гости. Отделение солдат и офицер кавказской наружности с тремя большими звёздами на погонах. Спросил, кто хозяин лагеря. Представился, но не буду врать, фамилию уже сейчас не помню: что-то вроде «амбара» или «ангара» с окончанием «цумян». Армянин, значит. Потребовал предъявить документы. Я достал паспорт и гербовую бумагу из Военного Лесничества.

Вот здесь начинается самое интересное.

— Так, товарищ Федорчук... Откуда мне знакома эта фамилия? Вы один здесь?

— Нет, с собакой. А позже подъедут другие лица, перечисленные в разрешении Лесничества.

— А что это за флаг у вас на дереве? Странные цвета — красный и жёлтый...

— Понимаете, это просто ориентир. Чтобы друзья, когда появятся на лодке из-за Панской Скалы, могли легко взять направление на лагерь — ведь разлив большущий и весь горизонт охватывает линия сплошного леса...

— Хорошо, это понятно. Но вы могли же повесить наш, советский красный флаг?

— Товарищ полковник, я как-то об этом не думал. Мне вообще этот флаг не нужен, ребята повесили.

— Так что же означают эти цвета — сверху красный, снизу жёлтый?

— Не знаю, честно. Но могу предположить,— решил пошутить я, чтобы смягчить уж слишком официальный тон офицера.— Красное — это то, что мы отдаём здесь комарам, а жёлтое — это то, что мы отдаём мухам.

— Каким комарам, каким мухам!— разъярился полковник.— Вы что за чушь несёте?!

Явно шутку мою не понял, либо игнорировал.

— Понимаете, вы же военный человек — это один из флажков расцвечивания, не более того. Служит он для сигнализации с кораблей. Друг был в Охотске, вот и привёз оттуда как сувенир. Скорее всего, он означает какую-то букву. Допустим, на корабле поднимают несколько таких флажков-букв, и вот адмирал, которому такая азбука известна, может прочесть фразу: «Приветствуем командующего флотом!»

— Так какую же букву обозначает ваш флаг?

Меня начала раздражать тупость и неприимчивость этого армянина.

— Ну, допустим, что букву «Ю»,— ответил спокойно, но с предчувствием клёва.

— А зачем, в этом случае, вам буква «Ю»?

Я промолчал и посмотрел в сторону группы солдат.

Солдаты рассмеялись. Видимо, знают эту пошлую шутку... Полковник строго глянул на них. Смех мгновенно умолк.

— Вот что я вам скажу, гражданин! Это вражеский флаг. Думаю, что испанский. То есть, это флаг враждебного нам военного блока НАТО. Может, с его помощью вы передаёте кому-то сведения, которые здесь собираете. А здесь происходят испытания нового советского секретного оружия. Поэтому приказываю: (обращаясь к солдатам) флаг снять!

Один солдатик попытался взобраться на ольху. Но кирзачи его всё соскальзывали со ствола, и вскоре он начал выбиваться из сил. К нему на помощь кинулись ещё двое, стали его подсаживать и поддерживать, но всё было как-то неумело и смешно. Парень по-прежнему скользил, беспомощно суча ногами. Подскочили ещё несколько, стали прыгать, хвататься за ствол повыше. Наконец, пригнули ствол, сломали верхушку деревца и подлый вражеский флаг был повержен. Ткань сорвали с древка и передали офицеру. Он аккуратно сложил флажок и спрятал его в карман брюк. Я, чтобы разрядить обстановку, сказал:

— Ну и хорошо. Не возражаю, если вы будете использовать его как носовой платок! Надеюсь, больше здесь ничего вражеского нет?

— Приказываю вам, гражданин...э-э... Федорчук. Немедленно свернуть лагерь и покинуть территорию военного полигона!

— Но позвольте, у меня же есть официальное разрешение...

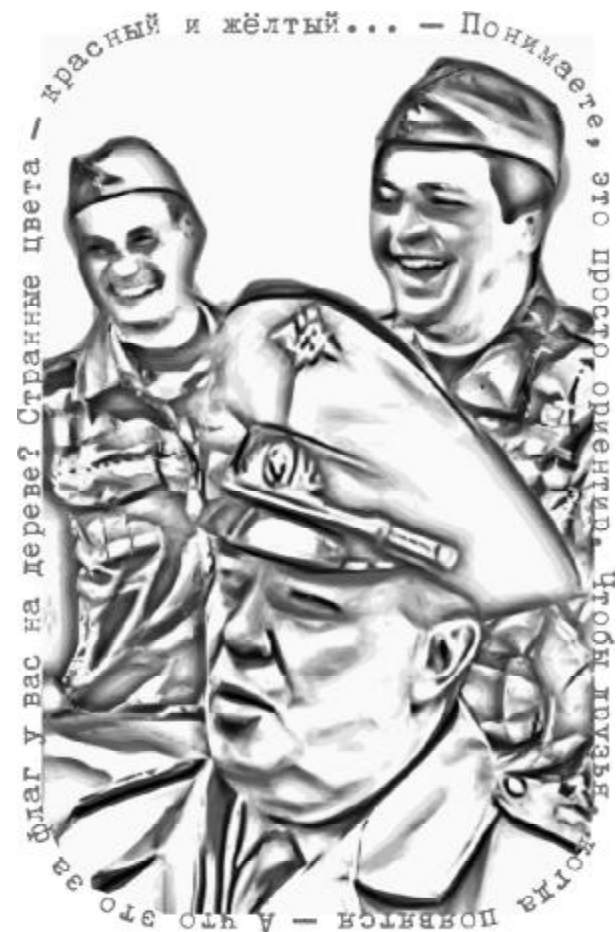
— А насрать мне на ваше разрешение! Считайте, что я его аннулировал.

— Вы требуете невозможного. Этот лагерь разворачивали вшестером. Если даже я сверну

его сам, то не смогу эвакуировать на одной-единственной лодке.

— Тогда мы погрузим всё ваше имущество на бронетранспортёр и выбросим его на шоссе в районе села Сингуры. Итак, даю вам 24 часа. Завтра,— полковник глянул на свои часы,— в 11.15 я прибуду сюда со взводом солдат. Если вы ещё будете здесь, мы ликвидируем лагерь сами. Всего вам доброго!

И взял под козырёк.

Представляете моё состояние? Что делать? Напомню, что мобильных в то время ещё не существовало. Единственный способ связаться с друзьями и получить помощь — это за несколько часов догresti до ближайшего села Тетеревка и попытаться оттуда позвонить сотоварищам. Это будет уже вечер, то есть прибыть сюда на лодках они смогут только к середине завтрашнего дня, если я ещё застану кого-то на работе. А если нет? Ехать на бронетранспортере вместе с вещами до Сингуров? А что там делать? Пока пойду искать телефон — всё имущество растащат. И ведь не моё оно! Ну, надо же, угораздило! Что же придумать?

Ходил-бродил по берегу, теряя драгоценное время. Голова лихорадочно работала, но решение не приходило. Интересно, если бы я не пустился на глупые шуточки, смог бы уговорить этого упёртого полковника? Нет, вряд ли...

В самом начале рассказа я упомянул ангел-хранителя. И не зря, ибо более ничем не могу объяснить дальнейшее.

Увидев рядом с Панской Скалой одинокую лодочку, не придал тому никакого значения. Так далеко до неё было, что разглядеть — два или три человека в ней — ну, никак невозможно. Был рабочий день, и надеяться, что приплывёт кто-то из моих товарищей — просто глупо... Но вот лодка ближе и ближе, уже вижу, что трое в ней... что-то едва знакомое угадывается в движениях гребца... Ещё чуть-чуть ближе... Неужели это Славчик Вихарев?

И опять приходится делать отступление... Рассказать в частности о том, что представлял собою наш НИО (Научно-исследовательский отдел). Костяк его составлял десяток личностей, которые на самом деле были Личностями с большой буквы. Скажем так — четверо отменно владели пером и писали хорошие стихи. Трое были музыкантами — один клавишник и

баянист, два гитариста. Был один кинолюбитель, сумевший себя образовать до хорошего режиссёра, хотя талантами постановки и режиссуры владели неплохо ещё двое. Двое умели хорошо рисовать. Трое хорошо пели. Словом, все были талантливы. А талант — это такая штука — если в чём-то талантлив, то талантлив во всём. И все они были инженерами-электронщиками с яркими творческими задатками. Как же получилось, что во всём СКТБ только у нас в НИО существовал такой ансамбль? Очень просто. Все эти люди были отвергнуты другими завНИО и завлабами. Примитивное мышление этих мелких царьков заводской науки заставляло бояться людей талантливых; боялись «подсидживания», окружали себя поддакивающими тупицами. А я был прост и наивен, мне доставляло радость общение с людьми, которые были умнее и талантливее меня, я искренне каждым из них восхищался. И потом понял, что это и у меня был особый талант окружать себя именно такими людьми, потому что за двадцать с лишним лет совместной работы ни с одним случаем раздора, каверз или подсидживания я не столкнулся. Каждый из наших, куда бы он ни попал — то ли в колхоз, то ли на овощную базу, то ли на стройку, куда в те времена принято было гонять инженеров для бесплатного труда, — везде наш становился осевой фигурой, вокруг которой вращался весь окружающий мир. А вместе мы составляли силу, которая была способна дать фору любому техническому направлению. И законом нашей жизни был неписанный устав дружбы, взаимопомощи и уважения друг к другу. То-то мы и в старости дружны — те кто ещё жив — и приходим к выводу, что время, проведённое вместе, было лучшим из того, что с нами в жизни случилось...

Славчик Вихарев был одним из таких, он был душой любого коллектива, он хорошо пел,

аккомпанируя себе на гитаре, сам сочинял песни, был молод, высок, строен, красив и телом и душой. И инженером был великолепным. Жаль только, всего года три он у нас проработал, как стали его клеить органы. Где-то он пересёкся в компании с кагэбистами, и они в него влюбились. Он был растерян до слёз; Комитет Глубокого Бурения мог дать ему то, что не мог получить никто из нас: квартиру, высокий оклад и прочее. Тяжело было нам расставаться, но сила солому ломит. В него вцепились яко клещами, а он и боялся КГБ, и всё же хотел решить свои личные проблемы... С камнем на душе я написал ему отличную характеристику и отпустил с Богом...

И вот — давно не виделись! И встретились... Плывёт к нам Славчик, давно от меня заразившийся рыбалкой. И везёт с собою двух своих новых друзей — приобщать к ценностям окружающей природы... И пока он подплывал, у меня вдруг созрел план как решить проблему со «своим» полковником. Я знал, что кагэбистам строго запрещено афишировать в любом виде свою служебную принадлежность, использовать мощь Конторы в личных целях. Поэтому я и продумал дело так, чтобы они были в моей пьесе лишь статистами...

Ну-с, дружеские объятия, знакомство. Правда, одного из его спутников, Бориса, я знал и раньше; он был представителем Конторы на нашем заводе, ходил по отделам и цехам, беседовал, принимался... Но это — их дело.

— Ну, как ты, Славчик? Что нового?

— Вот видите, Иваныч, приехали к вам. Дадите нам хорошенько порыбачить? Мне Лёвчик сказал, что вы здесь обосновались, а у нас отгулы за прогулы накопились. Вот и решили махнуть к вам под крылышко. Есть время до завтра до обеда. Грех не воспользоваться... Правда, Контора требует оставлять точные координаты,

наты, где мы находимся даже в свободное время. Но, надеюсь, не так легко они нас отсюда выцарапают...

— Какие сдвиги у тебя?

— Да, занимаюсь в основном техникой, там до чёртиков аппаратуры разной. Вот Серёжа, — кивнул на второго паренька, — тоже технарь. Квартиру я получил, Иваныч, возле Сельхозвыставки, знаете, там высоты такие, двенадцатизатки. Любка счастлива до колик, садик рядом для пацана, определили. Так что, пока всё путём, я доволен. Ну, давайте, показывайте, где что... Мы хотели вечерний клёв тоже захватить маненько!

— Элементарно! Видите — мои колья торчат? Место хорошее, вяжитесь к кольям — с носа и кормы, чтоб лодка была за ними. И закидывайте с борта — в сторону берега. Аккурат попадёте на стаю.

— А переночевать нам найдётся где?

— Выбирайте любую из четырёх свободных палаток. Там всё барахло есть — спальники, надувные матрасы. А хочешь, давай в мою па-

латку, поболтаем вволю. А я на хозяйстве побуду, картошки начищу, костерок разведу.

Посидели они на лодке почти до сумерек. Славчик, как более опытный, вытащил трёх хороших подлещиков, а ребята его ничего не поймали, но завелись: утренний клёв всегда покруче вечернего! Так что, пожарив их добычу, я уверял, что завтра точно повезёт. Привезли они с собою пару бутылок хорошего коньячку, мы выпили за удачу, за хорошую погоду и за гостеприимство хозяев. А затем, когда «клиент созрел», я задал следующий вопрос:

— Ребята, а если придут сюда военные люди и потребуют предъявить документы, вы сможете показать свои удостоверения?

— Если военные, то, разумеется, да. А в чём суть дела?

Я вкратце рассказал о своём конфликте с полковником. И заверил их, что никак не собираюсь пользоваться их добрым ко мне отношением и желанием помочь, а лишь хочу разыграть ситуацию особым образом. А требуется от них, примерно, следующее: на любые вопросы полковника отвечать нейтрально, но с интонацией значительности, которую к делу не подошьёшь. Например, на вопрос: «Что вы здесь делаете?» надо отвечать просто: «Мы здесь ловим рыбу!» Это совершенно естественный ответ, но интонация может говорить совсем о другом, если значительно нажать на слово «ловим» или «рыбу». Мы посмеялись и утвердили совместный проект под кодовым названием «Глубокое бурение».

С половины пятого мои гости уже были на ногах. Гладь плёса была похожа на розовую сметану, густую-густую — никакой ряби, лишь плавные вздохи большой массы воды. То в одном месте, то в другом плавились медленно круги от нетерпеливых рыбёшек. Отчалили, привязались, стали рыбачить. Я был прав —

тянули лещей все поровну и очень активно. Плохо то, что был только один подсак — не успевал им воспользоваться один, как уже требовался другому. Потом новичок Серёжа признавался, что никогда такого кайфа не ловил. К половине одиннадцатого интенсивность поклёвок значительно уменьшилась, но парни продолжали упорно высиживать добычу.

Точность, — скажу по-новому — вежливость полковников. Остаётся лишь напомнить читателю, что описываемые события происходили тогда, когда главой КГБ СССР был мой однофамилец.

Полковник появился на поляне, как и обещал, ровно в 11.15. За ним следовал робкий табунчик солдат.

— Ну что, вы решили игнорировать мой приказ? — начал мой дорогой армянин.

— Обстоятельства резко изменились, товарищ полковник! — с лучезарной улыбкой отвечал я ему. — Скажите, мой друг, как у вас со здоровьем, как вы переносите волнения? Нет предрасположенности к инфарктам?

— Причём тут здоровье?! Какие нах инфаркты? — заревел он.

— А при том, что я вам сейчас принесу некоторые огорчения. Вы готовы выслушать всё спокойно?

— Какой..., — начал было он в прежнем тоне, но я вежливо перебил:

— Вы вчера поставили меня в тупик, не давая какого-либо шанса на выход. И я вынужден был плыть в Тетеревку и звонить своему дяде.

— Какой дядя?! — продолжал реветь мой «цумян».

— Ну как же? Я ведь показывал вам свои документы, и вы сказали, что вам знакома эта фамилия.

— Какая, к чёрту, фамилия, какой дядя? Не понимаю. Дайте ваши документы!

— Пожалуйста, — как можно спокойнее и вежливее сказал я, протягивая ему приготовленный паспорт. И продолжал:

— Я дозволился к нему, и он, выслушав, сказал: «Пошли ты этого полковника нах..! Никуда не съезжай из лагеря, отдыхай спокойно. Давай его фамилию, он послезавтра будет майором!» Вы меня простите, но вы мне не оставили выбора, я вынужден был назвать вашу фамилию.

Пока полковник выслушивал меня и читал паспорт, на его лице происходили удивительные изменения, которых я описать не в силах, ибо в колоритах живописных не силён. И ещё — он потел! Крупная испарина выступила на его лбу! Наконец он выдал из себя:

— Вы хотите сказать, что Федорчук — это тот самый Федорчук???

— Именно. Более того, дядя из местной конторы прислал мне в помощь троих чекистов, с которыми вам сейчас предстоит познакомиться. Прошу!

И полковник, как сомнамбула последовал за мною к берегу.

— Видите, они пока мирно ловят рыбу, — продолжал я.

— Вы кто такие? — заорал полковник. — Давайте заканчивать рыбалку, надо разобраться.

— А чего тут разбираться? — лениво спросил Славчик, — Мы давно во всём разобрались!

— А вот мне необходимо разобраться, — уже капризно потребовал полковник. — Я требую, сматывайтесь и выходите на берег. Будьте готовы предъявить документы!

Ребята медленно, с явной неохотой прерывать своё занятие, свернулись и, наконец, причалили к берегу.

— Документы! — настойчиво продолжил шеф. Апофеоз спектакля. Торжество реализма над буднями.

Немая сцена: полковник молча берёт в руки одно за другим три таких шикарно оформлен-

ных кожей с золотым тиснением удостоверения с пугающими всех словами и государственным гербом. Руки выдают его состояние — они дрожат! Вот она, награда режиссёру спектакля! Дальнейшее уже не имело никакого значения, кроме символического. Наш полковник произнёс примерно такую речь:

— Товарищи, я принял решение. Стойте здесь лагерем, сколько хотите. Но — прошу — за тропу в ста метрах отсюда — не переходить! Я поставлю там посты. К роднику можете ходить, но там тоже будет пост. Дальше за родник — ни шагу. Вы должны понять государственное значение события — мы проводим сейчас испытания новейшей машины. Она строго засекречена. То есть, меры, которые мы принимаем, вынуждены. Всё. Желаю приятного отдыха, — и он натянуто улыбнулся впервые за всё время. Мы тоже заулыбались и что-то говорили совсем несурзное, типа «Удачи», «Всего вам хорошего», «Будьте здоровы».

Солдаты последовали за своим вождём.

Ребята-чекисты нашего предыдущего разговора с полковником, естественно, слышать не могли, а я им и не стал ничего рассказывать. Чтобы спали спокойнее.

Если думаете, что на этом всё закончилось, и концы в воду — вы ошибаетесь. Армянину, видимо, не спалось. Примерно, дня через три он появился в лагере снова и не один... С ним пришёл другой полковник. Новый поразил меня хорошей улыбкой и интеллигентным лицом, каких (да простит меня Захарчук! — мой кроссвордный полковник) в нашей армии не так уж и часто случается видеть.

Мой родной полковник представил мне нового полковника как начальника Особого отдела, после чего новый полковник спросил, где мы можем посидеть и побеседовать наедине. Я пригласил его к столику, сколоченному Эдиком. Он жестом дал понять моему «родному»

полковнику, что просит его посидеть в сторонке. И символично, что тот присел на травке у поломанной по его вине ольхи.

А у меня тогда гостил зам. главного инженера завода Валера Краснощёков. Он подбежал к столику, протянул руку, представился, начал болтовню о рыбалке, предложил даже «выпить по стаканчику с дорогими гостями» и, согласно моим предположениям, начальник Особого отдела очень спокойно, вежливо и тактично в течение трёх минут избавился от Краснощёкова тоже. Я его зауважал.

Первый вопрос, который он мне задал, звучал примерно так:

— Какому дяде вы звонили такого-то числа?

Я ответил:

— Алексею Кузьмичу. Он был в Тетеревке председателем колхоза, теперь на пенсии.

Полковник посмотрел на меня с глубоким сожалением:

— Леонид Иванович, нет и не было в Тетеревке председателя колхоза с фамилией Федорчук!

— Надо же,— сказал я, улыбаясь.

— Хорошо, я задам вопрос иначе. Находитесь ли вы в родственных отношениях с Председателем КГБ СССР?

— Нет. Мы просто однофамильцы.

— А откуда появилась бригада чекистов, которая вас охраняла?

— Охраняла — это преувеличение. Это просто знакомые ребята и оказались здесь совершенно случайно.

— Случайно? Именно в тот день, когда вас собирались отсюда вытурить?— Он улыбнулся, — Позвольте вам не поверить.

— Хорошо, не верьте. Но это на самом деле так.

— А что это за история с флагом НАТО?

Я подробно рассказал обо всём, как было.

— Да...,— полковник призадумался.— А где и кем вы работаете?

Я рассказал.

— Член партии?

— Да, с 1965 года.

— Вы знаете, у меня сложное впечатление.

Вы или слишком просты, или хитры донельзя!

— Прост я. Очень прост.

— А кто это обещал угостить нас стаканчиком водочки?

— Валера. А я угощу копчёными лещами.

— Хорошо у вас здесь! Так по-хозяйски и с любовью всё сделано! Давайте ваших лещей, угощайте. А на Амбарцумяна зла не держите. Это тот случай, когда дурак с инициативой опаснее просто дурака. Я понимаю, что вы мне до конца не раскроетесь. Но и не надо. Есть у вас родство с Председателем КГБ или нет — не так важно. От вашего присутствия здесь вреда никакого. Нам же безопаснее принять версию, что вы в родстве. Так что спокойно отдыхайте и забудьте об инциденте. А сейчас тащите вашу водочку!

И пригласили мы тут же нашего главного полковника. И выпили отменно. И потом го- няли анекдоты. Все вчетвером.

Фактическая справка: Виталий Васильевич Федорчук с июля 1970г. Председатель КГБ Украинской ССР, с мая 1982г. Председатель КГБ СССР. Он не был членом команды Андропова, потому с декабря 1982г. переведён Министром внутренних дел ССР; после того, как некий майор КГБ был убит милиционерами, а в КГБ Федорчук был заменён Чебриковым. Задачу навести порядок в милиции выполнял самими драконовскими пособиями, увольняя по первому доносу. Хотя он родом из Житомирской области, но к моему роду-племени не имел никакого отношения.

ЧЕБУРЕКИ С ПСИНОЙ

Что больше — килограмм или десяток? Задайте этот вопрос одесситу. Он вам скажет, что всё зависит от реалий — прибавка в весе килограмма не так страшна, как десяток волос в супе. Москвич скажет: «Разве не понятно? Килограмм семечек больше, чем десяток семечек, а килограмм арбузов преступно мал даже по сравнению с одним арбузом». А вот в Житомире этот вопрос вовсе не выглядит настолько праздным, потому что продуман, как житомирянке надуть житомирца. И заработать на этом.

Кстати, о терминологии. Жители Житомира, в отличие от пресловутых одесситов и москвичей, уже более 1100 лет разделяются на две касты — житомиряне и житомирцы. Можете этот факт проверить по словарю: независимо и равнозначно существуют два способа наименования нас. Сколько ни присматривайтесь к нам, вы, как человек посторонний, сразу и не поймёте, представитель какой касты перед вами. Ради справедливости должен заметить, что не так просто разобраться самому человеку, кто он — житомирец или житомирянин. Бывает так, что в одной семье прекрасно уживаются муж житомирец и жена житомирянка. Или оба супруга — житомиряне, а сын — выродок-житомирец. Я наблюдаю за ними более семидесяти лет и то не сразу скажу вам, ху есть кто, и кто есть ху. Но внимательное наблюдение позволит вам постепенно овладеть материалом и начать различать эти создания.

Для иллюстрации постараемся описать некоторые свойства обеих каст. Итак:

Житомиряне:

а) житомиряне любят говорить «пойти тудю» или «пойти сюдою» вместо «пойти так

или иначе». И ещё слово «кило́метр» с ударением на «о».

б) для житомирян встречный человек как бы прозрачен — они идут и его не видят. Остаётся только наткнуться или срочно отпрыгивать в сторону. Уверенность в том, что путь впереди всегда свободен, приводит к привычке интересоваться тем, что находится сбоку или сзади, поэтому часто им характерно движение с головой, повернутой от курса на угол 90 градусов или даже более.

в) житомиряне всегда на выборах голосуют за человека с прицелом, чтобы через некоторое время ходить на митинги и кричать в его адрес «Геть!!!».

г) если житомиряне находятся на месте, где может пройти только один человек, они хватают приятеля и начинают с ним разговаривать именно в этом месте, не заботясь об удобстве других. Если приятель житомирца, то тандем быстро разрушится. А вот если в узком месте встречаются два житомирянина, то процесс практически бесконечен — такой кайф испытывают оба.

Житомирцы:

а) житомирцы говорят, как правило «звонят» (с ударением на «о»), а не «звонят» (с ударением на «я»), как бы основное слово происходит от слова «вонь». А ещё они обожают слова «ондо» (для далёкого) и «озьдо» (для близкого).

б) деньги в общественном транспорте житомирцы (обязательно!) передают не через сидящих, у которых руки, как правило, свободны, а через стоящих пассажиров, в первую очередь через тех, у кого обе руки заняты ношей.

в) житомирцы вообще стараются не ходить на выборы, так как уверены, что любому человеку надо заранее кричать «Геть!!!»

г) если житомирца не на автомобиле, то он практически безвреден. Но если он за рулём,

то обязательно остановится в таком месте, что другим уже не проехать.

Чтобы не волновать народ, житомирец выключает авто, закрывает его и надолго уходит по делам.

Особенности «житомирян» и «житомирцев» отнюдь не национальное. Когда в Житомире проживало много евреев, они тоже примыкали выборочно к одной или другой касте. Пункт в) позволяет легко определить процент житомирцев по отношению к житомирянам. Мне дороги обе этих касты, так как я прожил вместе с ними много лет и привык к ним, как к родным. Потому я иногда говорю «тудую, сюдою», а иногда «звонят» с ударением на «о». А ещё я очень рад за своих земляков, потому что они умудряются замечательно экономить на метро.

Вернёмся, однако, к вопросу, что больше — килограмм или десяток? Именно житомирян непосредственно он касается — причём практически. Когда цены на привозные херсонские или крымские огурцы падают, то житомиряне начинают скупать мелкие огурчики, весом каждый менее 100 граммов по цене, скажем, 3 грн. 50 коп. за килограмм, и, «внедряясь» в ряды сельских тружеников, продающих на десятки, пытаются продавать эти огурчики житомирцам по цене 5 грн. за десяток. Ну и как же тут житомирец поступит? Естественно — ему хочется купить настоящий огородный огурец! А ведь только огородные огурцы продают десятками!

Ай, молодцы — житомиряне! Ай, да молодцы — житомирцы!

Житомирцы в свою очередь надувают житомирян на других товарах... Так-то...

Есть, по правде говоря, в городе Житомире ещё одна внесистемная группа граждан. Я обнаружил её случайно. К нам с Фроськой неожиданно прибилась молодая игривая овчаристая бездомная сука, которую мы называли Лай-

ма. Мы её подкармливали. Потом заметили, что её подкармливают в двух соседних домах переулочка, который она осваивала. Фроська не очень к ней благоволила, потому что Лайма была задорная, требовала играть с ней, а маленькой Фроське уже пять лет, семь раз рожала, потому ей уже не до этих детских игр. И на участке пути, где Лайма проявляла свою назойливость, Фроська чувствовала себя не очень уютно.

Потом Лайма неожиданно исчезла. Вначале мы думали, что это случайность — бывают и у собак экстремальные случаи занятости. Но нет, она пропала навсегда... Через некоторое время я об этом рассказал человеку, который торговал на базаре и в перерывах опекал стайку бездомных собак «Муха-Чернуха-Барсик» во дворе торговой фирмы «Гейзер».

— А, знаю я этих крокодилов, — ответил он. — Они содержат чебуречную у входа на рынок, видели? Там баба жарит чебуреки в кипящем масле. Так что ваша четвероногая подруга пошла на фарш в чебуреки. Вы не замечали, что в юго-восточном углу нашего квартала, вдоль Гоголевской, практически нет бездомных собак? Берегите свою Фроську, пока она вне чебурека...

Вот какая человеческая плата за собачью доверчивость, преданность и порядочность. А проголодавшиеся житомирцы и житомиряне вовсю жрут эти чебуреки!

НЕМНОГО О СОБАЧЬЕЙ ЖИЗНИ

(1970-1985)

Когда моей дочери исполнилось пять лет, она попросила купить ей щенка. А мы к тому времени получили квартиру. С этого и началась моя история знакомства с Чопом...

Вообще-то, наши дети могут очень хорошо нас воспитывать. Идя навстречу мимолётным увлечениям дочери и пытаюсь помогать ей в меру своих сил, я приобретал неожиданные занятия, которые, в силу склада характера, доводил до мыслимого совершенства, в то время как она забывала об этих увлечениях через месяц-другой. Однажды она захотела щенка — и я стал заядлым любителем собак, потом увидела у подруги шар с плавающей рыбкой — и я заболел на долгие годы аквариумом. Далее ей захотелось рисовать — и я, пытаюсь обучить ребенка азам искусств, погрузился в литературу и в результате — сам стал художником. Собственно, всю свою жизнь я доделывал то, что начали мои дети, да так и не закончили. Таким образом, я есть продукт дилетантизма своих детей. Я вылеплен ими.

Вернёмся всё же к Чопу. Впервые я увидел его на Птичке в Киеве, куда, собственно, за щенком специально и поехал. Сидел он меж двух грязных сапог и смотрел прямо мне в глаза. Брови, как у Брежнева, баки — как у Карандашевой Кляксы: седой малыш с умными глазами.

— Двадцать пять рублей, аффен-пинчер,— услышал я над ухом, поднял глаза и увидел лицо обладателя грязных сапог, неопровержимо свидетельствующее о том, что солнце встало выше ели, а на опохмелку денег как не было, так и нет...

— Боже мой, какая красота!— всплеснула руками моя супруга и присела, чтобы погладить щенка. Я мигом сориентировался:

— Где ты видишь красоту?! Вот эта облезлая серобуромалиновой масти мышь и есть красота?

— Отдам за двадцать,— долетело до меня вместе с перегаром.

— Ни за что!— отрубил я.— Лучше пива выпью,— а это уже был продуманный удар ниже пояса.

— Пат-над-цать,— заикаясь, упавшим голосом сказал обладатель.

— Лёня, ты что, посмотри, какая прелесть, какие глаза... ммм... мальчик опять же,— мешала жена, женщины, конечно, мудры, но не в таких случаях тончайшей дипломатии...

— Мужик, порода недоказуема, родословной нет, прививок, наверняка — тоже... Словом, держи червонец, пока меня смягчает жена,— твёрдо сказал я и протянул бумажку, свидетельствуя об окончательности своего решения.

Я был тактически прав, потому что стратегические планы хозяина щенка на большее и не тянули, что позволило нам, в итоге, остаться довольными и сделкой, и друг другом.

Посадили мы седого парнишу в хозяйственную кошёлку и начали долгий путь домой. В автобусе парень зашевелился и попытался выбраться нуружу. Я помог. Он прочалапал до середины прохода и задумался. О чём были его мысли, легко можно было догадаться: тёмный ручеёк побежал к загородке водителя... Я оглянулся. Несколько пар доброжелательных глаз понимающе и отнюдь не предосудительно созерцали этот ритуал облегчения. Кроха-парень явно вызывал к себе симпатию. Особенно, когда, кончив дело, почалапал снова к сумке и стал в неё забираться...

— Боже мой, какая умница,— супруга продолжала пребывать в своём восторге. Но меня

тоже удивило такое неожиданное проявление самодисциплины у двухмесячного парня. Он явно набирал очки...

Вот так, ни разу не пикнув, не заскулив, прибыл Чоп на место постоянного жительства и поразил меня снова, потому что для очередного облегчения выбрал туалет, дверь которого была слегка приоткрыта.

Итак, почему появилось имя Чоп? Не от умильного звукоподражания поступи маленько-

го медвежонка, откуда являются разные Топы и Чапы. Чоп — это не кличка, а констатация: аббревиатура, означающая «Человекообразный пёс».

Прежде всего, он, за исключением форс-мажоров (об этом отдельно), был необычайно послушен и понятлив: дважды повторять не было нужды, а это природный дар. Кроме того, он был необычайно способен к обучению. Ежедневно в определённое время я ему говорил: «Чоп, начинаем заниматься!» (Дочь окрестила эти занятия «занимасками»).

Чоп непременно выражал по этому поводу необычайную радость, с которой он обычно воспринимал фразу «Идём гулять».

Я его дрессировал, пользуясь маленькими кусочками варёной колбасы. Странно: он мог отказаться от пригоршни кусочков той же колбасы, лежащих в блюде; но никогда не отказывался даже от корочки хлеба, если она была вознаграждением за его успехи! Это были заработанные собачьим трудом кусочки!

Всегда меня воодушевляла его внимательность. Он так старался меня понять, так внимательно слушал, наклоняя голову набок... Давать лапу, сидеть, лежать, служить, носить предметы, прыгать через барьер, подавать голос — это всё делалось ловко и с удовольствием. Он пел, на команду «Тише, ещё тише!» он снижал громкость лая, пока просто беззвучно не выдыхал воздух...

А форс-мажоры... Это нечто особое, не подававшееся его собачьему сознанию. Это инстинкты. Подросший, он слушался замечательно до тех пор, пока не замечал особу противоположного собачьего пола. Тогда не помогали никакие предварительные «занимаски». Можно было орать вслед и рвать на себе волосы, но повлиять на него уже было невозможно... Видимо, несущий в своих генах программу улучшения рода, он предпочитал самых крупных сук — овчарок,

догаресс, боксёрш... И был неотразим, этот крошечный седой Донжуан. Когда мы появлялись с ним на площадке выгула собак, хозяйки огромных сук впадали в транс: они тоже ничего тогда не могли поделать со своими воспитанницами. Всё происходило мгновенно и к обоюдному удовольствию: пока располневшая, страдающая от гипертонии, хозяйка догарессы успевала прибежать, её скромная воспитанница исхитрялась присесть-прилечь, чтобы Чоп сумел совершить свои противоправные действия, а прибывшей хозяйке оставалось только горько констатировать факт кровосмешения и изливать на мою голову свои проклятия.

— А я-то причём,— оправдывался,— я вашу Ванду не трогал. Что я поделаю — это их собачье дело, а не наше! Кстати, вы напрасно переживаете — мальчик хороший, воспитанный, умный. Паспорт имеет...

— Оба вы хороши, сволочи!— орала безутешная хозяйка догарессы.— Тоже, небось, девок перепортил на своём веку!

— Что поделаешь,— вежливо отвечал я. — Такова уж наша биологическая миссия!

И, конечно же, спешил прибрать Чопу к рукам и как можно быстрее ретироваться. А Чоп, вкушивши от запретного плода, снова превращался в воспитанного джентльмена и смотрел на меня влюблёнными глазами как на сообщника...

Да, любил малыш крупных собак!

И вот однажды он увидел лошадь...

Крупнее собаки он не видывал!

Смею предположить, вы сами вообразите, что произошло.

Мне пришлось его изловить и силком тащить домой, а он рвался, скулил, рычал...

Какой шанс улучшить породу лошади был упущен! Но я боялся лошадиного копыта...

Не подумайте, что мы с Чопом только тем и занимались, что улучшали породу догов и боксё-

ров. Чаше мы с ним отправлялись в лес или на речку. И вот на природе Чоп проявил себя потомственным охотником: он не пропускал ни единой норы: каждую тщательно вынюхивал, шумно выдыхая воздух внутрь норы, а некоторые пытался разрывать, неутомимо работая лапами...

Но настоящий кайф он испытывал на небольших лесных болотцах, где несметно водились зелёные лягушки. На него нападал необычайный азарт, он носился по болотной грязи за лягушками, иногда с головой погружаясь в бочажки, пока не вылавливал лягуху. Тогда он с победным видом тащил её ко мне и у ног выпускал. Она тут же давала стрекача, Чоп снова овладевал ситуацией, и в дальнейшем, выпуская добычу из зубов, придерживал её когтистой лапой. В конце концов, она вновь вырывалась на свободу, но Чоп не переживал — дичи хватало! С трудом мне удавалось отрывать его от лягушачьей охоты.

После одной такой охоты я пришёл к выводу, что с этим пора завязывать. Чопу попался явно несъедобный экземпляр, и он отравился. Нельзя это ставить в вину ни мне, ни моему молодому другу: вспомните, даже опытный Дроздов умудрился накормить «последних героев» ядовитыми лягушками...

Но одно дело запретить псу охоту на лягушек, а другое — убить в нём душу охотника! И тогда порешили мы с Чопом впредь заниматься только рыбалкой. Благо, это была моя страсть с детства. Тратить свой отпуск на поездки в Крым я считал величайшим преступлением и предпочитал отдых в палатке на берегу реки.

Не премину лирически отступить: окрестности славного города Житомира ещё со времён князя Игоря славились рыбной охотой. Стоит сей град, основанный в 884 году (1125 лет в этом году!), на притоке Днепра — Тетере-ве, а вблизи западной окраины Житомира Те-

терев принимает в себя ещё две речки — Гуйву и Гнилопять. Гоголя бы сюда, Николая Васильича — слаб я передать волшебное очарование этих мест! Тетерев проторил себе путь среди гранитов Волыно-Подольской возвышенности и местами лежит в живописных скалах с отвесными стенами. Клинья суши между Тетеревом и Гуйвой, Гуйвой и Гнилопятью, Гнилопятью и Тетеревом, доступные только с воды, а потому, почти не тронутые цивилизацией, заросли вековыми дубовыми и сосновыми лесами с обилием грибов и ягод. Это — сказочное берендеево царство, воздвигнутое на камнях...

Власти, озабоченные водоснабжением моих земляков, соорудили при входе Тетерева в город мощную плотину в скальном створе, украшенном Головой Чатского (не путать с грибоедовским Чацким). Согласно легенде, безнадежно влюблённый польский офицер по фамилии Чатский сиганул однажды со скалы вместе со своим жеребцом, утопив в Тетереве то ли свою страсть к местной кокетке, то ли свои карточные долги. Последний удар подков по выбранному Чатским утёсу привёл к небольшому обвалу, в результате которого на высоте около сорока метров над водой оформилась скала, напоминавшая профиль шального офицера тем, кто знал его лично. Так как нам не довелось быть его современниками, мы просто верим легенде — но каменная голова существует на самом деле.

Известна ещё одна легенда. Некий вокалист Фёдор Иванович Шаляпин (не путать с Прохором Шаляпиным!), пробившийся в шоу-бизнес без мощной помощи «Фабрики звёзд», прибыл в 1911 году в наш город с гастролем и дал концерты в местном театре. Но концерты эти смогла посетить лишь местная знать, а известного своим демократизмом Фёдора Ивановича это не устраивало: он жаждал всенародного призна-

ния. Напомню, что форумов в Инете, равно как и самого Инета, тогда ещё не существовало, и это очень ограничивало возможности гастролёра. Потому певец выбрал экстравагантный способ общения — он пел с лодки, плывущей в каньоне имени Головы товарища Чатского, а мещане и прочие обитатели Житомира, в основном фаны Шаляпина и просто зеваки, разместились многотысячными толпами на скальных «галёрках» этого необычного театра. Дошло до нас, что акустика каньона оказалась громовой — бас рокера тех времён был отлично слышан по всей реке. Таким образом, створ Головы стал триумфальной аркой для легенды русского вокала.

Отвлекаюсь, однако. Говорил я о плотине — и это к тому, что запертая вода поднялась на некое количество метров, что привело (в месте слияния трёх рек) необычных водных просторов, названных местными патриотами Житомирским морем. Дикие треугольники заречной суши стали ещё менее доступными, а количество и качество рыбы с годами выросло несмет-

но, что тем не менее не исключало проверки рыбацкого счастья, опыта и сноровки. Мои друзья-москвичи, побывавшие по моему приглашению однажды у нас, тоже послали ко всем чертям Одессу, Крым и Анталию и теперь отдыхают палаточным образом только на берегах нашего «моря».

Вот и мы с Чопом ежегодно отпуск проводили на берегу. Иногда с друзьями, иногда только вдвоём. В Чопе открылся страстный рыболов. Стоило мне усесться на берегу на брезентовый раскладной стульчик и забросить удочки, как малыш усаживался чуть впереди меня и неотрывно глядел на поплавки. Несмотря на мой опыт, клёв он замечал раньше меня: стоило ему нервно приподняться, как можно было подсекать — верняк. И когда леска напрягалась под тяжестью трепещущего серебра, Чоп с победным воплем бросался с обрыва к кромке воды, и, как только рыбина сверкала боком вблизи, — он нырял в воду; одним ему известным приёмом ловил попавшуюся на крючок добычу и тащил её ко мне. Мне оставалось только освободить рыбу от крючка и предоставить её Чопу. Он клал на неё лапу, вбирая всем своим существом трепетание добычи. По всем канонам рыбу следовало сразу поместить в садок, но не мог я лишиться Чопа этого победного удовольствия — охранять добычу, пока она не уснёт. Мне казалось, что в эти мгновения мой друг по-настоящему счастлив. Однако «банкет требовал продолжения», и вскоре Чоп вновь сидел вперёдсмотрящим, и по его нервной спине я наблюдал за клёвом. У нас складывались особые отношения — рыбак рыбака видит издалека — мы были не только существами любящими и понимающими друг друга, мы были коллегами, получавшими счастье от совместного труда.

А потом, пока я чистил рыбу, разжигал костёр и готовил жарёху или уху, Чоп развлекался

ловлей пукасиков на отмелях — некоторые аквариумисты держат этих рыбок в аквариумах и называют их горчаками.

Обедали мы с Чопом, по-братски поделив приготовленное мною, — пропорционально массе тела. Он ел и уху, и жареную рыбу, получая при этом очевидный кайф.

Потом, отдохнувши, мы шли в рощицу собирать валежник для вечернего костра, при этом мой друг (в дополнение к моей охапке) обязательно тащил к месту стоянки свою посильную долю в виде какой-нибудь палки. Я рассказывал Чопу разные истории — он был очень внимательным слушателем, я подобных не встречал. А ночевали мы в общем спальнике: Чоп укладывался у меня подмышкой, уложив мордашу на моё плечо... Бывало, мы неделями не видели никого, да и никто нам не нужен был. Нам было здорово и вдвоём. Но вот как-то на грунтовке, ведущей от шоссе, показался «жигулёнок» и остановился в полукилометре от нас. Из него посыпались женщины и дети, надувные матрасы и какие-то цветастые шмотки; слышались гам, беготня и суета, а вскоре к нам подошли двое мужчин. В этот момент мы с Чопом сидели с удочками у самой воды, а позади нависал бугор, так что наши гости смотрели на нас свысока — в прямом и переносном смысле — так мне показалось. Больше всего меня в этих случаях раздражают вопросы типа «Ну что, клюёт?» Но мужики потоптались, и один спросил нестандартно: «А что, собака сырую рыбу ест? Вы для неё ловите?»

В моей юморной душе мгновенно запрыгал какой-то чертёнок, и в предчувствии смачного розыгрыша я удручённо произнёс:

— Что вы, если бы не Чоп, я бы здесь с голоду подох... Никакого клёва... Это он для меня рыбу ловит!

— Вы хотите сказать...

— Вот именно. Это настоящий рыбацкий пёс, специальная порода. Натаскан на рыбу.

В ответ — дружный хохот. А я пытаюсь придать лицу серьёзное и даже чуть оскорблённое выражение:

— Не верите? Вы не верите, что бывают собаки-рыболовы? Есть же собаки-водолазы!

— Так то огромные собаки,— сказал сквозь смех один из гостей.— А эта шавка что может — не смешите... утонет...

— А на бутылку хотите спорить?— я хитро прищурился.

— Да ну, глупости. Не пудрите нам мозги. Мы можем хоть литр поставить, не в этом дело. Ни разу не слышали о таких собаках.

— Нет, я серьёзно!— а сам уже незаметно опустил руку в садок и нащупал ещё живую плотвичку. Мужики, демонстрируя полное пренебрежение к полученной информации, отвернулись, разглядывая, как вдалеке обустроивается их семейства. А я тем моментом выпустил плотицу из садка.

В Чопе было в то время веса килограммов пять. Представьте себе падение пяти килограммов в воду в тишине, нарушаемой лишь стрекотом кузнечиков...

Мужики мгновенно оглянулись на шум. А в это время из воды показалось моё седое чудо с огромной рыбой в пасти! Далее ритуал был соблюден, как положено: Чоп выбрался на сушу и потащил рыбу ко мне. Я спокойно принял рыбу, сказал: «Молодец, Чоп! Хорошо!» и, краем глаза видя ошалелые лица мужиков, деловито засунул рыбину в садок.

Затем повернулся к гостям и сказал:

— У меня пара стаканов найдётся. Хлеб, правда, зачерствел...

Через некоторое время мы дружно пировали. Чоп, как всегда, сидел в кругу,— спокойный и абсолютно безразличный к той славе, которая

на него так неожиданно свалилась, и к тем здравницам, которые произносились в его честь...

А это не продолжение, а окончание моей повести о Человекообразном Псе.

Расскажу я невесёлую историю, как Чоп пропал.

Но она всё равно будет весёлой, потому что такой я человек...

В пятницу вечером позвонил Волошин и предложил съездить на рыбалку. А я не собирался, потому что всю пятницу была непогода. Но рыбаки всегда оптимисты, иначе не были бы они рыбаками... Быстренько подготовив необходимое, завалился спать - вставать надо было раненько. Договорились встретиться на остановке за площадью.

Наверное, во всех городах того времени пригородное автобусное сообщение начиналось с колхозного рынка. Туда идти было выгодно (потому что легче сесть в автобус), но далековато. Около пяти утра оттуда по разным направлениям отчаливали ПАЗы и ЛАЗы — это были в основном рыбацкие рейсы. Но мы встретились несколько позже, потому забитые людьми автобусы проходили мимо площади, не останавливаясь. Шёл мелкий дождик, высохший за ночь асфальт стал веснушчатым — и это слегка расстраивало, но поговорка «Утренний дождь — до обеда» немного приободряла. Чоп, как всегда, был со мной — привыкший к рыбацким невзгодам, он спокойно сидел у ноги на поводке. Наконец остановился какой-то ПАЗик, и мы с трудом протиснулись внутрь задней площадки.

— О, ещё и с собакой,— недовольно пробурчал один из пассажиров.

— А как же,— дружелюбно ответил я,— друга нельзя бросать. Да и места он занимает поменьше вашей корзины! Куда поедет?— это уже к Волошину.

- Давай на семнадцатый километр.
- Отлично!

В тесноте, да не в обиде. Кое-как я пристроился, ухватившись за верхний поручень; знаете, как в ПАЗике он изгибается сзади, переходя из продольного в поперечное направление?— так вот, как раз на этом повороте. Тепло Чопа я чувствовал правой ногой: он знал, что надо забираться на мои ступни, чтоб ему лапы не оттоптали. Волошин же так и остался на ступеньках при входе, прижав свои удочки к вертикальному металлическому стояку.

Огляделись. Набито плотно. Впереди на сиденьях — женщины, какой-то мужик в синем плаще с трёхлитровой банкой сметаны на коленях. Я улыбнулся Волошину:

— А ты заметил, что раньше сметана ездил из деревни в город, а теперь — наоборот?

— И не только сметана! И картошку выгоднее в городе покупать.

— С ног на голову всё поставлено. Непонятно, где ж она, картошка, растёт — на асфальте, что ли?

— Вошедшие на площади, передавайте деньги на билеты,— перебил наши экономические рассуждения мегафонный голос водителя.

Хотя и трудно было в карман залезть, умудрился. Попросил передать мелочь:

— До Корчака два!

— На собаку не берёте? — опять тот же ворчун.

— Не-е, на себя не берём, во всём себе отказываем,— ответил я.

— Во, видишь, кажется, небо просветляется,— сказал оптимист Волошин.

Я посмотрел на изогнутые стёкла, переходящие в ПАЗике с крыши на боковины — они были тонированы в синеватый цвет, потому для меня было по-прежнему пасмурно.

— Нет, ты не увидишь. Я-то пониже стою,— продолжал обнадеживать Волошин.— Асфальт мокрый, но солнышко, кажется, показалось.

— Мы где?

— Не знаю. Но ещё рановато Корчаку...

Взамен плотной стены леса замелькали сельские хаты.

— Наверное, Перлявка,— предположил я и попытался изогнуться так, чтоб между прижавшимися ко мне тушами попутчиков взглянуть в нормальное окошко.

И то, что я увидел в этот момент, озадачило непоняткой: вопреки всякому здравому смыслу я увидел не обочину дороги, не стоящие за нею хаты...

Я увидел мокрый асфальт и перспективу дороги, как если бы передо мною было ветровое стекло водителя. Что это означало, сразу не дошло...

То ли мокрое покрытие, то ли изношенная лысая резина колёс, то ли водитель был «после вчерашнего», а, может, и всё вместе взятое... Водитель тормознул перед штатной сельской остановкой, и наш ПАЗик плавно, как во сне, начал заносить свою «корму» вперёд. Это вращение продолжалось до тех пор, пока перед и зад не поменялись местами и задние (а теперь — передние!) колеса не уткнулись в обочину.

Всё произошло быстро и необратимо. Наш ПАЗик сделал пируэт, перевернувшись на крышу; проломив свои тонированные закруглённые стёкла, зачерпнул с обочины дёрн — примерно, воз — затем перевернулся ещё раз, встав на колёса и вывалив тот дёрн, перемешанный со стеклом, на наши головы. Мои ноги не успели оторваться от пола. Меня что-то лупило со всех сторон весьма ощутимо, а в следующее мгновение я увидел перед собой побелевшее лицо Волошина. Он так и продолжал держать в руках вертикальный стояк, но он уже перестал быть вертикальным и вместе с удочками Волошина упирался мне в скулу пониже глаза. Дверь заклинило, но несколько усилий — и она отва-

лилась, упав на землю. Находясь ещё в шоке, мы по одному выпрыгивали из автобуса, и первое, что сделали — не поверите! — начали хохотать. Всё было удивительно смешно, мы утирали слёзы и покатывались, держась за животики. Странно преобразился мужик, вёзший сметану: на нём не было ни царапины, но зато на нём была вся его сметана, он стоял в позе огородного чучела, растопырив руки и облизываясь; лицо его, плащ, брюки и даже туфли были аккуратно залиты сметаной!

— Может, поможем мужику, облизем его?— предложил я, задыхаясь от смеха.

— Не, это не хохма,— отвечал в конвульсиях Волошин,— ты глянь на водителя!

Водитель в самом деле выглядел любопытно: сквозь разверстый борт автобуса было видно, как он на коленках ползает, собирая с пола монеты своей разлетевшейся выручки...

И тут же я заметил, что держу в руке поводок. Он был оборван! Смех пропал мгновенно, как и начался. Всё тело пронизала отчаянная боль, которую с каждой минутой становилось всё труднее преодолевать.

— Чоп!!!— заорал я и заковылял вокруг автобуса...

Тут только начала доходить до меня вся трагичность случившегося. Несколько окровавленных неподвижных тел на траве... сидящая женщина с совершенно залитой кровью головой. Ни «Скорой помощи», ни милиции.

«Чоп... Чоп»,— продолжал повторять я, но побрёл к остановке через дорогу, где сгрудились местные:

— Кто-то звонил, нет? Надо вызвать «скорую»!

— Он пидить до Крамаренка, в нього е телефон,— посоветовал один из зевак.

— Какой хрен «пидить»!— заорал я,— Разве я знаю, где ваш Крамаренко живёт?! Идите впереди, показывайте!

«Ой, блин, Чоп...где же он делся?...»

Мужик повёл. Вызвали и ментов, и Скорую.

А я всё пытался вспомнить свои ощущения во время кувыркания автобуса, чтоб понять, что в этот момент происходило с собакой... Как он оборвался?

Ну, во мне-то вес, и я держался за поручни... Потому и ноги не оторвались от пола... А он вполне мог упасть на крышу, вылететь в один из образовавшихся проёмов... Его вполне мог кто-то задавить тяжестью своего тела...

Раненым оказывали помощь, погибших увезли. Плач, стоны... Только сейчас мы отчётливо представили, насколько нам повезло: напротив стоянки было ровное пространство, не было обычных канав-кюветов, постройки были в от-

далении, автобус был переполнен, мы стояли... Мы с Волошиным в который раз обходили место с выпотрошенной землёй, политое там и сям кровью... Становилось абсолютно очевидно, что Чоп погиб в этой мясорубке.

Но я носком разрывал землю, пытаюсь найти какие-то его следы — ошейник, тушку...

Как-то вдруг я заметил, что из пострадавших остались только Волошин и я, со своей печалью и своей болью.

— Пошли к реке,— предложил Волошин. — Чего ж теперь... Хоть удочки закинем, выходной пропадает...

— Нет,— твёрдо ответил я.— Пойду искать Чопа.

— Да, ты походи, поспрашивай... Собака могла испугаться сильно и забежать куда-то,— неуверенно посоветовал он...

И я побрёл по селу, спрашивая у встречных, не замечали ли они собачку, такую небольшую, кажущуюся седой... Ходил долго, хромая и постанывая: в спине засела дикая боль, болело бедро, плечо, под глазом увеличивался в размерах кровотокающий синяк... Не знаю, сколько прошло времени, но уже на дальней окраине, когда надежды почти не осталось, один дедок махнул рукой в сторону берега речки, заросшего цветущей гречихой:

— Якись собаки — багацько!— он туды побиглы.

Ну вот. Подбираюсь к финалу. За гречихой, на живописном бережку среди пяти дородных сук я увидел своего седого ловеласа! В то время, как его хозяин, помятый и опечаленный, искал своё чудо, знаете, чем он занимался?!

Правильно. Вы угадали! Он продолжал свою миссию — улучшать породу местных дворняг!

— Вот собака!— выругался и я...

Добравшись до места, где сидел Волошин, я ощутил себя совсем плохо. Всё тело болело; я чувствовал, что не только ссадины и синяки на

лице и шее стали неприкасаемыми, но боль в разных местах спины превышала возможности моего терпения. Я попрощался с Волошиным, который, видимо, получше себя чувствовал, и поплёлся с Чопом к автобусу... Выходной был в разгаре. Соседи за дворовыми столиками резались в «козла». Но нам было не до них. Больше всего хотелось дотянуть до кровати и упасть. Вид, однако, у нас после аварии был весьма непрезентабельным, так что обрывки слов, доносившихся от игроков-доминошников только ухудшили моё настроение:

— Гляньте, как сосед нарезался... еле идёт... и фингал под глазом... бедная собачка...

БРАТИШКА

А этот рассказик посвящён моей дочери Оле. В те времена она ходила в четвёртый или пятый класс 6-ой школы. Как-то учительница русской литературы дала ученикам домашнее задание — написать сочинение на тему «О члене моей семьи».

Как всегда, придя домой, она стала советоваться со мной, что и о ком надо писать. Забегая на годы вперёд, скажу, что у Ольги уже давно есть литературные печатные труды, что-то ей передалось от меня, а в чём-то она даже меня превзошла... Но то был первый школьный опыт самостоятельного творчества. И я решил отпустить её в одиночное плавание, подсказав совсем немного.

— Напиши о Чопе. Ты ведь считаешь его членом семьи?

— Да, конечно, он член семьи.

— И ты о нём знаешь всё — больше, чем о маме или папе, верно?

— Конечно!

— Вот только что я тебе посоветую, как литературный приём? Пиши так, чтобы до конца повествования никто не догадался, что речь идёт о собаке. А в конце откроешь истину. Это и будет сюрприз для всех.

И вот что малышка моя написала:

«Уже шесть лет в нашей семье живёт всеми любимый маленький Братишка. Он очень послушный. Несмотря на возраст, он совершенно седой. Голова у Братишки кирпичной формы. У него большие уши. И, благодаря этому, он особенно симпатичный. У него чёрные-чёрные глазёнки в обрамлении длинных ресниц и очень умный взгляд.

С самого рождения мы ему не стригли ногти на ногах, и поэтому он очень забавно ими цокает дома по полу.

В выходные дни папа берёт Братишку на речку. Братик очень любит рыбачить. Когда он видит колебания поплавка, то бросается в воду и хватает рыбу зубами. Нас всех это очень веселит.

А ещё мой Братишка обожает девочек, но ведёт себя с ними пока далеко не по-джентльменски. Его ещё надо воспитывать. И мы стараемся это делать всей семьёй.

У Братишки очень развита интуиция. Он задолго чувствует, что папа возвращается с работы. Тогда Братишка садится под дверь и ждёт, пока папа откроет дверь и принесёт ему что-нибудь вкусненькое.

Когда мама жарит котлеты, Братишка не выходит из кухни. Не отводя взгляд, он наблюдает за тем, как мама готовит, в надежде на то, что ему достанется хоть маленький кусочек. Вообще-то мы Братишку не балуем такой едой. В основном он ест кильку в томате, перемешанную с хлебом. А если он вредничает и не хочет кушать, то стоит пригрозить, что мы позвём его подружку со второго этажа, которая может забрать у него любимое блюдо — как он тут же всё быстренько съедает.

Когда мы наблюдаем всей семьёй, как в нашем аквариуме появляются мальки, Братишка всегда сидит рядом. Ему тоже интересно, как рождается новая жизнь.

Летом мы часто ходим всей семьёй в лес. Братишка очень любит такие прогулки. Всю дорогу он бежит вприпрыжку. А выйдя на полянку, он начинает бегать так, что его уши развеваются на ветру. Но в лесу нужно внимательно следить, чтоб он не поймал и не съел лягушку, потому что ему потом будет плохо.

В общем, с Братишкой мы всегда вместе и всегда счастливы. Он любимый член нашей семьи. И порода у него редкая — аффен-пинчер.»

Мне, как творческому человеку, имеющему определенный опыт на ниве литературы, правда, не художественной, а научно-технической (в 1971 году вышла моя первая книга об электромузыкальных инструментах, кроме этого в журналах было опубликовано много статей, в том числе, и популярных), сочинение это понравилось и я сказал Ольге, что не стал бы его переделывать.

Как же я заблуждался! Бедную Оленьку заставляли читать своё сочинение перед всем классом. И никто не смеялся... Более того, строгая учительница русской литературы кривилась во время чтения, а потом потребовала переделать сочинение, посвятив его настоящему члену семьи, например, бабушке-революционерке. А то (представляете?) Братишке с рождения не стригли ногти! Ужас...

Вот и я, в свою очередь, рассказал о члене своей семьи, которая сама написала сочинение о члене своей семьи. И почувствовала тогда ещё, как нужно писать и как писать не надо.

Фактическая справка: Название «аффен-пинчер» переводится с немецкого как «обезьяний пинчер». Аффен-пинчер очень привязчив, отличный крысолов, всегда встанет на защиту хозяина. Прекрасный друг и незаменимый компаньон (Интернет).

СУП, ПРИПРАВЛЕННЫЙ ДУХАМИ

Ну, ладно, Антон, что-то я увлёкся раньше времени собачьей жизнью. А тем временем упускаю главные события из своей жизни. А она раскладывается на такие этапы:

- война, которая наступила вскоре после моего рождения;

- школа, а их было целых три, и каждая из них была по-особому интересной;

- институтский период, который принёс мне главное увлечение в моей жизни;

- электромузыкальный период, в котором я пытался реализовать своё главное увлечение с 1962 по 1985 год;

- иркутский период жизни (1985 по 2000 гг.), подаривший мне добрый десяток лет последней любви;

- десять лет пенсионного периода, которые я заполнил сканвордами и кроссвордами, пытаясь скомпенсировать нищенский размер пенсии 1999–2008 гг., но сумел потерять почти всё;

- так как всё хорошее рано или поздно кончается, пришёл, видимо, последний период в моей жизни, заключённый в квадрате четырёх житомирских улиц — Хлебная, Киевская, Гоголевская и Шелушкова. Вот здесь протекает поистине Собачья жизнь; обо мне забыли друзья и родственники, только моя доченька Олечка часто навещает меня. Все мои радости заключаются в общении с нею, с бездомными собаками, и ограничиваются варёной картошкой с огурцами и выпивкой под эту закуску. Я просыпаюсь в пять утра, обедаю в одиннадцать-двенадцать, ужинаю в восемнадцать, а в девять вечера уже ложусь спать. К друзьям я, возможно, не очень справедлив, потому что многие из

них умерли, а иные живут далече — в Израильщине. Ну, а родичи не любят стариков вообще, особенно нищих. Потому можно подытожить, что всё идёт нормальным путём.

Не хочу, чтобы вы сейчас настроились на то, что я буду рассказывать всё подряд. Фигушки, даже если бы вы хотели. Буду говорить то об одном, то о другом — что придёт на память. И постараюсь — только о самом весёлом и интересном. А остальное пусть будет прахом, сколь ни было бы ценным для меня. Скучностей в жизни и так хватает. Тем более, даже главное дело моей жизни — электромузыка (а я любил не себя в электромузыке, а электромузыку в себе) меня сейчас мало волнует. Мы когда-то преодолевали бог знает какие трудности, а сейчас достаточно взять звуковую карту от компьютера и клавиатуру, чтобы получить высший оргазм от занятий электромузыкой. Меня сейчас в большей степени волнует проект электронной бутылки с цифровым счётчиком выпитых рюмок: я себя ограничиваю, но всегда забываю, сколько рюмок было выпито от нулевого момента.

Итак, родился я в 1939 году, в среду, пятого июля в Первой Советской больнице города Житомира. Момент своего рождения абсолютно не помню в отличие от великого Льва Сергеевича Термена, который рассказывал, что в момент появления на свет имел множество различных впечатлений, о которых, благодаря старческому склерозу, прекрасно помнил до самой своей смерти. Наверное, у каждого человека существует момент, когда он впервые себя «ощутил». У меня это произошло где-то в 1942 году, вероятно, судя по более поздним ориентирам — рассказанному мне или прочитанному. Вот это первое, запечатлённое в моей памяти, откровение: душераздирающий, рвущий уши, сверлящий вой и свист; а бабушка Феня запи-

хивает меня под кровать, отрывая от сверкающего пламенем окна, крестит, накрывает подушкой и потом собой.

...Фронт подступал к Балашову, где мы каким-то чудом оказались в эвакуации, хотя мне позже рассказывали, что 22 июня 1941 года моя мама находилась в Евпатории, я с бабушкой Феней и дедом Яковом — в Андрушёвке, а отец мой Иван — в Скоморохах, где служил в лётной части и где почти на год раньше меня появилась на свет моя будущая жена Осадчая Аэлита Александровна, тоже — дитя офицера-лётчика. Мне рассказывали потом, что вся семья в суете и панике собиралась в Скоморохах, затем отец, пользуясь своей невероятной проворностью, воткнул нас с мамой и бабой Феней в Житомире с минимумом вещей в эшелон, идущий на восток, неизвестно куда; в те тяжёлые времена пункт назначения определялся часто только после прибытия поезда.

Отец остался в войсках и сразу же вместе с частью был переброшен ближе к границе, а дед вернулся в Андрушёвку, где недавно огромными дедовыми трудами был построен на Чёртовой Руде домишко под жестяной крышей, что на то время было признаком головокружительного богатства, так как рядом стояли только дома, крытые соломой, и лишь в центре Андрушёвки можно было встретить подобное роскошество.

Я уже очень давно не был в Андрушёвке и ругаю себя за это. С ней у меня связано много самых сильных и острых переживаний, которые вкупе можно назвать «чувством родины». Да, я родился в Житомире, и то здание, где я выключнулся, было разрушено фашистами, затем точно на том же месте было заново выстроено здание, и опять разместили родилку, и в этой новой родилке выключнулась в 1964 году моя дочь — мы с нею даже географически срод-

ственные, не даром она так на меня похожа — почти во всём. Тем не менее, я своей родиной почему-то всегда считал Андрушёвку, хотя никому об этом не говорил. Жил я там немного — года полтора после возвращения из эвакуации, а потом иногда наезжал в летние каникулы. Чем можно объяснить всегда испытываемый мною трепет перед обыкновенным андрушёвским чернозёмом или торфом, счастливое томление от вида «соняшныкив» и головок переспелого мака, «сокирок», синеющих среди посевов? Почему чувствуешь парение в невесомости, когда слышишь в темноте концерт андрушёвских лягушек («жаб» по-местному) в том загадочном и радостном пруду с кочующими по ветру островами камыша, который сделал меня на всю жизнь рыболовом? И видишь те бескрайние «жыта» и «гнылыци», падающие в стерню с одиноко стоящих продуваемых колючих дичек-груш? Да, я весь — оттуда, и то, что я родился в Житомире — просто случайность, связанная с беспокойной профессией отца...

Итак, мы в Балашове.

Почти ничего не помню из окружающей природы, не помню ни зданий, ни улиц. Помню лишь маленькую комнатку, где мы жили втроём у доброй хозяйки — тётки Лизы, учительницы, у которой перебивалась ещё одна семья поляков из Житомира, а у самой тётки Лизы было несколько тёток (не помню, кем они ей приходились) и сын Вовка, на четыре года старше меня, за что и лупил меня беспощадно. Но всё же — что, кроме вечной благодарности, можно испытывать к этим славным людям, которые из своей трёхкомнатной квартиры отдали две комнаты хохлам и полякам, а сами впятером ютились в третьей?

Мама каждое утро уходила с бабой Феней копать окопы, а я оставался один. Обстановка — две кровати в шахматном порядке, у окна спа-

ла бабушка Феня, у двери — мама со мной. У окна же примостились столик, две табуретки, а напротив нашей кровати — занавеска, за которой скрывались табуретка с эмалированным тазиком, умывальник, тумбочка с продуктами. За работу мама и баба получали карточки, которые отоваривали в магазине на необыкновеннейший, волшебного вкуса гороховый концентрат и такого же цвета порошковую горчицу. Картошку доставали как-то иначе, не знаю как, но в тумбочке лежало десятков картофелин, а через пару дней — аккуратно бабушкой очищенная картофельная кожура, «лушпайки». Лушпайки варились потом, когда кончалась картошка. Они были не очень вкусные, но выбрасывали мы только обглоданные тонюсенькие шкурки земляного цвета, остальное съедалось. И опять в тумбочке было пусто несколько дней. Я не понимал, зачем надо варить гороховый концентрат — он и так был очаровательно вкусен. Я втихаря вгрызался в него, не снимая красивой обёртки, и ел вместе с бумагой, пока меня не подлавливали. Баба с мамой, ахая и возмущаясь, отнимали добычу, разъяренная: того, что я съел один, могло бы хватить на целую кастрюлю похлёбки для всех троих. Ах, как я ещё долго (годы, включая студенческие!) грезил гороховым концентратом! Какие сны мне о нём снились!

Потом бабушка Феня умерла. Хоронили её в глинистой жёлтой яме, мама рвалась туда, причитая: «Мамочка, мамочка, родненькая!» А меня держала на руках тётка Лиза и, всхлипывая, вытирала глаза и нос об мой рукав, что меня очень раздражало. Так мы остались с мамой вдвоём. Она по-прежнему уходила копать окопы, а я ожидал её и придумывал, как ей помочь. Потому решил научиться разжигать примус на табуретке и варить вкуснейший суп. Это было, в общем, несложно, но накачать при-

мус я не умел. Тогда я кричал: «Эля!», и приходила красивая белокурая полька из Житомира. Она помогала мне накачать примус, и, смиренная и робкая, поднимала глаза в угол, где висела бабы Фени православная Богоматерь под «рушником», крестилась сразу пятью пальцами — совсем не так, как учила меня моя баба Феня.

Ставил я на примус кастрюльку с водой и бросал туда что-нибудь съедобное, по моему разумению, например, корочки хлеба, муку, лушпайки. Я уже знал, что это всё надо посолить, и будет намного вкуснее. Был у меня и некий гурманский опыт: я помнил, что в самом вкусном супе, сваренном бабушкой Феней, обязательно плавали круглые жёлтые бляшки жира. Откуда они появляются, я ещё не понимал, а потому экспериментировал. Вот и додумался как-то влить в суп мамины довоенные духи. Немного, но пятна нужного размера и цвета на поверхности супа появились. Есть, конечно, было невкусно, но я ел! А когда пришла мама, она тоже ела, задыхаясь от запаха «Ландыша серебристого», и слёзы текли по её обветренным щекам и капали в тарелку, а она говорила: «Боже, до чего же вкусно сынуля всё приготовил!» — а я был горд.

Потом, позже, мама не раз со смехом рассказывала эту историю. И всегда у неё на глазах сквозь смех проступали слёзы.

Когда мы с мамой оказались одни, без бабушки Фени, выяснилось, что мы ничего не умеем — ни зашить, ни залатать, ни убрать. А это тётке Лизе сильно не нравилось, потому что любила она порядок во всём. Но мама сказала, что это всё оттого, что она заболела, и стала всё чаще лежать и ждать смерти, а я пошёл по рукам тётки Лизиных родственников и поляков, проводя у них всё светлое время дня. К этому времени бомбы перестали сыпаться на город, война откатилась к западу, народ зажил новой

надеждой. Вовка, сын тётки Лизы, всю зиму учился в первом классе. С большой важностью он, под наблюдением учительницы-мамы, читал букварь и писал на бумаге разные закорючки. Дабы утвердить своё превосходство надо мною, он разъяснял мне, где какая буква, щёлкал меня по носу и говорил: «Всё равно не поймёшь, гнида хохляцкая!» А я не обижался, потому что любопытство моё было сильнее обид, и я с удовольствием стоял и наблюдал, как он, высунув язык, выводил очередные буквы, как складывал и отнимал цифирьки.

Две книжки у нас в доме было в то время. Первая называлась «Путешествие Нильса с дикими гусями». Такая толстенная, но с интересными картинками. Вторая — сборник стихов Маяковского под названием «Детям». Читал я вслух, сидя на нашей с мамой кровати, а мама не обращала внимания, потому что дети часто так играют, делая вид, что читают, а сами в это время лопочут всякую чушь. Но когда дошло до Маяковского, мама стала прислушиваться:

Крошка-сын к отцу пришёл,
И спросила кроха:
«Что такое “хорошо”,
И что такое “плохо”?»

И заглянула мама в книгу, и стала меня экзаменовать. Я бегло читал все заданные мне места. Это был июнь 1943 года, мне ещё не было четырёх лет.

Где-то под Валуйками ранило отца, он лежал в госпитале. Глубоко в спине у него сидел осколок, врачи побоялись оперировать. Так отец с этим осколком и носился до семидесяти пяти лет, пока не умер. А он, проклятый, вызвал у отца развитие туберкулёза, с чем пришлось бороться всю оставшуюся жизнь.

Тётя Лиза привела к нам Вовку познакомить с моими достижениями в чтении, чтобы под-

стегнуть его усердие. Оказалось, что первоклассник читал медленнее и хуже, за что получил от тёти Лизы затрещину. Вовка воспринял мои достижения ревниво, и, когда никто не слышал, он беззлобно орал мне дразнилку:

— Шёл хохол, насрал на пол!

Надо мною поработали поляки, после чего я ему отвечал:

— Шёл кацап — зубами цап!

Интересно, что потом в Андрушёвке детишки меня дразнили «кацапом» за моё произношение, требовали сказать слово «паляныця», я же говорил «паляница», чем вызывал дружный хохот. Это был первый урок относительности.

...Не представляю себе сейчас, как мы пережили лето и осень сорок третьего. Уже намного позже, когда я занимался аквариумом, мне довелось наблюдать, как «затягивались» мальки, которые не получали достаточно пищи в юном возрасте. Они отставали сильно в росте, были маленькие, иногда горбатые; в природных условиях такие мальки быстро погибали от хищников, в аквариуме же они только портили общую картину рыбьего благополучия. Я родился богатырём в четыре с половиной килограмма весом, моё рождение маме трудно досталось. После военного голодания и мама сдала, и я «затянулся». Я был более чем тощий, в дальнейшем отставал в росте, чем только не болел. У меня обнаружили как бы «врождённый» порок сердца, в пять лет перенёс серьёзное заболевание почек, мой вес всегда был ниже предела для моего возраста. Даже в пионерлагерях я никогда не поправлялся, как другие пацаны, хотя ел хорошо. В школе я был «слабаком», занятия физкультурой не прибавляли мне мышц. Студенческое хроническое голодание добило меня окончательно; я решил, что не доживу и до сорока лет, тоща ходячая. Всё новые и новые болячки преследовали меня, вес пятьдесят

восемь кг на десятки лет оставался неизменным. И сейчас, в семьдесят лет, я вешу шестьдесят два-шестьдесят три. Бог мой, чем я только не болел! Но зато мне не грозит ожирение, с которым сейчас борется чуть ли не весь нормальный мир!

Отец утверждал, что после ранения приезжал в Балашов, и что я его сразу узнал, и что у меня, закутанного в бабин пуховый платок, выпал в снег деревянный автомобильчик, и я сразу сказал: «Папа приехал, папочка мой!» Я этого не помню, не помню и его приезда к нам, верить же ему можно только с натяжкой — он такой: не соврёт — не проживёт. А вот приезд деда к нам весной сорок четвёртого года, когда уже был освобождён Житомир (25 декабря 1943) я помню очень хорошо. Дед был очень живописен: в чумацкой папахе, коротком кожаном и с деревянным чемоданом — он приехал забирать нас в Андрушёвку. Он плакал, размазывая слёзы по щекам, по очереди обнимал то дочку, то внука, оглашая балашовский дом украинскими причитаниями: «Ой, дітоньки мої рідненькі, ой що ж це робиться, як же ви не вгледіли за моєю жіночкою, за своєю бабусею?..»

Он много рассказывал, «як німці вигнали» его из хаты, потому что добротная хата подошла для офицеров, а потом там был штаб, «як вбили собаку і корову», как он прятался от немцев в поле, в копне соломы, чтоб не прихлопнули сгоряча.

Дед мой по маме — личность почти легендарная. Родился он 25 октября (по новому стилю мы отмечали его день рождения 7 ноября) 1886 года, т.е., ещё в XIX веке. Звали его Ковтун Яков Севастьянович или «Свистунович», как называли его в Андрушёвке, из-за чего нас всех называли по-сельскому Свистунами. Отец его — первый Свистун, очевидно, тоже был из андрушёвских крестьян, но детей (был у деда ещё брат

Андрей) направлял по «рабочей линии», повинаясь объективным законам развития капитализма в России. В те времена считалось, что лучше работать на заводе, чем ковыряться в земле, так как прилежный непьющий рабочий, склонный к ремеслу, был зажиточнее крестьянина. В 1907 г. моего деда «забрили» в матросы. Забрали его с Андрушёвского сахарного завода, где уже тогда он был слесарем, мастером на все руки. Сохранилась фотография, где дед предстаёт во всей красе — с усами и в бескозырке с якорями, брошенными на плечо. На бескозырке надпись «МИНОНОСЕЦЬ МОГУЧИЙ». В 1912 году был уволен в запас и стал искать потеплее место, чтоб зарабатывать и жениться. Был он бережлив и экономен — до скарעדности, деньги держал на сберкнижке и до революции сумел накопить несколько сотен. Он потом показывал мне свою горе-сберкнижку со сказочным

своим вкладом, на который он рассчитывал построить дом и жениться. Очаровывал он меня своими рассказами о странном уровне цен в те времена: «...Заробляв я тоді дванадцять карбованців у місяць, на три копійки можна було поспідати, корова коштувала п'ятнадцять карбованців» — этот рассказ выглядел фантастикой, когда килограмм колбасы стоил от 16 до 45 рублей, а за 10 копеек можно было купить лишь коробок спичек. Революция деда ограбила: все его накопления пропали, осталась только сберкнижка на память.

В поисках более достойного заработка дед перебрался в Киев, работал по-прежнему то на сахарном, то на спиртзаводе, с началом Первой мировой его не призвали, как незаменимого специалиста оставили на заводе. В 1916 году он женился на киевлянке Фенечке, генеалогии которой я не знаю, не сохранилось от неё никаких бумаг, кроме дурацких альбомчиков, куда её ухажёры записывали на память: «Феня — роза, Феня — цвет, Феня — розвый букет!» с греческой буквой «тета» вместо «Ф» и ятями. Невзирая на альбомчики, дед бабу Феню очень любил, да так сильно, что уже к концу 1919 года родилась у них дочка Ольга, которую они ласково называли «Олюся», а потом перешли к просто «Люся», отчего взрослую мою маму почти все называли «Людмила Яковлевна», а она поправлять, вроде, стеснялась. Родилась она в ночь с 31 декабря на 1 января, в метрике записали 31 декабря 1919 года, в паспорте было 1 января 1920 г., так что мама годом своего рождения называла то 19-й, то 20-й — в зависимости от настроения и своего возраста. Позже родился у них сын Николай, но вскоре умер, потому мама осталась единственным ребёнком у моего деда. Мама училась в Киеве, окончила десятилетку, была достаточно грамотной и романтичной, красиво и умно писала и всей ду-

шой желала вырастить меня интеллигентом. Дед же был малограмотен и читать научился по складам только после Отечественной войны. Очевидно, деда всё тянуло назад в Андрушёвку, и когда-то он всё же уговорил свою Феню переехать туда. Мама же в Андрушёвке устроилась печатать на машинке в какой-то конторе, где её и засёк чернявый парубок Иван Федорчук, происходивший из села Ляховцы (ныне Глынивицы) Андрушёвского же района. Иван был смазливый парень, но невероятный брехун, бабник и пьяница. Отец родился 15 сентября 1915 года, мамой его была бабушка Варвара, которая едва ли не еженедельно совершала «набеги» на Житомир с обычной для ближних селян плетёной коробкой с молочными продуктами и овощами, проходя за день пешком по 60 км (туда плюс обратно). Отец его — Кузьма исчез неизвестно куда в 1919 году; это была в семье запретная тема, об этом не говорили. Предполагаю, что он пропал по пьяни, потому что пьянство было характерно для всех четырех детей Варвары — старшего Алексея Кузьмича, сестры Татьяны и младшего сына Никанора. Как и Иван Кузьмич, Татьяна и Никанор болели туберкулёзом и умерли очень рано. Алексей Кузьмич был крепкий мужичок, сожалею, что мы с ним почти не встречались. Сын Алексея Кузьмича служил в Киеве в органах КГБ, мы с ним единожды встречались, но и только.

Ивана Кузьмича я не любил и очень боялся, он меня лупил нещадно, изощрённо и со вкусом, причём часто и тогда, когда вины за мною вовсе не было. Я не любил его склонности к застольям; когда он напивался, я уже готовил задницу для ремня, потому что быть битым полагалось синхронно с выпивкой. Меня он тоже не любил, но зато второму, Вовке, родившемуся в 1947 году, отдал всю свою экономленную любовь: его он целовал даже в попку

именно тогда, когда Вовка какал — мне казалось, что отец никогда не бывал счастливее. Но в этой любви заключалась и большая Вовкина беда: отец его начал в лет эдак 12 спаивать. Вовка очень рано погиб от алкоголизма. Иногда отец практиковался и на мне, первый раз, мне помнится, страшное опьянение в девятом классе, а далее это было регулярно: я был слаб, и выпивка с отцом у меня была альтернативой побоям. Помнится, я уже на первом-втором курсах института иногда попивал самостоятельно, а позже — практически регулярно, как деньги появлялись.

Бедная сестричка Галя, появившаяся в 1952 году, была, как сиротинка: она не испытывала привязанности ни отца, ни двоих старших братьев, только мама дарила ей оставшееся тепло, но умерла мама очень рано — уже в 1969 году от ракового заболевания. Вот такая это была страшная семья: в неё не тянуло, она отталкивала. Более того, отец ещё в 57-58 году разделил дом пополам, развёлся с мамой и привёл в свою половину новую жену — старую, выдавшую виды портянку, сообщницу по алкогольным эксцессам. После этого все обязанности по обеспечению больной мамы и двух малолеток перешли ко мне, поскольку алименты с отца составляли всего 20 рублей, плюс 20 рублей, которые мама получала как пенсию по нетрудоспособности. А дед мой, в 70 лет женился повторно — на детдомовской воспитаннице Ольге Демьяновне, примерно 40 лет отроду и со временем покинул наш дом, купив себе на 2-й Русской Слободке полуподвальную комнатку, при этом все интересы новой семьи сосредоточились на церкви.

Работал дед много — с утра до позднего вечера. Помнится, подвязывал он с утра свои грыжи, нажитые тяжёлым трудом, и шёл в сарайчик, где у него был верстак, и вечно что-то мастерил. Он был превосходный столяр и плот-

ник, слесарь и жестянщик, владел искусством сложить печь, паял и лудил, к тому же был замечательным поваром, на чём его сильно эксплуатировала мама, «сачкуя» от этой чисто женской семейной обязанности. Дед с большим уважением относился к секретам мастерства, пересказывая мне порой, как и что нужно делать — как штукатурить, белить, как правильно хранить картошку, как делать прививки плодовым деревьям, как содержать пчёл, как рыбачить с удочкой. Мне многое тогда было «до лампочки», но со временем я часто и с благодарностью вспоминал и доселе вспоминаю его уро-

ки и рецепты, каким-то чудом задержавшиеся в моей голове. Для меня дед — это кладёзъ мудрости и ремесла — чего он только не знал! И меня он «признал» только после того, когда я научился ремонтировать радиоприёмник или телевизор — я рассказывал ему принципы работы этих аппаратов, но он их не мог постичь. Это было пределом его понимания, и он меня зауважал именно потому, что я мог сделать то, чего он не мог. Это было высшей оценкой, а остальных он по-прежнему «не признавал», в частности, маму, отца, которые умели меньше, чем он сам.

Здоровья он был крепкого и долголетия завидного. Ольга Демьяновна очень была к деду привязана, но умерла в 1972 году от удара, случившегося после того, как она выпила на поминках. Когда деду исполнилось девяносто, у него ущемилась одна из его грыж, понадобилась срочная операция. Я его привёз в больницу, переговорил с врачом. Откровенно, тот был растерян, говорил, что дед умрёт на операционном столе, что за чем, мол, ему эти хлопоты. Я настаивал — мол, надо смело оперировать, дед крепкий, у него впервые зуб заболел в шестьдесят лет, а до этого он не ведал, что такое зубная боль. Его оперировали, ушили и приготовились к худшему. Я тоже торчал в больнице, ожидая результатов. Через несколько часов врач вышел ко мне, улыбаясь: «Ну и дед у вас! Представляете, я захожу в палату, а дед шлёпает к умывальнику. Я кричу, «вы куда, дедушка!», а он отвечает «води попить». Да вам сейчас вообще пить нельзя, потерпите!» Когда на второй день меня одели в халат и пустили к деду, я спросил: «Как самочувствие, дедуля?» На что он ответил: «Було б зовсім добре, якби ти, онучок, мені четвертушку приніс!» Меня эти подвиги его удивили; я сам перенёс в 1974 году операцию паховой грыжи (неущемлённой!), и

вряд ли нашёл бы в себе силы встать с постели даже на второй день.

Конечно, искать причину особого здоровья деда следует только в постоянном физическом труде, ибо не пил он только смолodu и после 70 лет, курил всё время дикой крепости самосад в самокрутках из газеты. Из его болезней я помню только «радикулis», как он выражался, и грыжи, выпирающие из живота в трёх местах, как рожки морской мины. Правда, страдал он несварением желудка и запорами, от которых лечился лошадиными дозами пургена. Изредка на него нападали приступы чиха, громкого и смачного, чихал он подряд от четверти до получаса. Мама почему-то чиху этому всегда завидовала, говорила, что это полезно, так как хорошо прочищает верхние дыхательные пути.

Дед умер только осенью 1981 года в возрасте 94 лет. Помогли мне его хоронить наши ребята. К сожалению, не попал он на Смоленское кладбище, где лежат мама и его Ольга Демьяновна и где себе он место присмотрел. Вовкина бывшая жена очень ревностно справляла обряд, очень хотела показать, что только она ухаживала за дедом его последние годы и право на дедово жильё принадлежит ей и дедову правнуку. Я её успокоил, что мы с Галкой никак не будем претендовать на дедово, пускай себе живёт...

ЭСТРАДИНЫ ПО НОЧАМ

(1973)

«Эстрадин -3М» шёл абсолютно туго. Не то, чтобы принципиальные вопросы тормозили дело: они до мелочей были отшлифованы ещё на «шестёрке». Но комплектация, не заявленная вовремя, поступала с перебоями. Старцев, как начальник цеха, обещал Штейнбергу золотые горы, и этот хитрован показывал чудеса снабженческой эквилибристики, но где-то что-то застревало, и огромный маховик производства весь первый квартал визжал и скрипел всеми своими несмазанными подшипниками, оставляя в моей душе тягостное чувство бессилия перед обстоятельствами, каждое из которых составляло неотъемлемую часть Системы. Последние капли смазки Штейнберг влил 26 марта, от чего маховик набрал обороты, в результате лаборатория и цех запахали в две смены по скользящему графику, оставляя себе время лишь на сон да короткие перекуры.

Мы наивно радовались, что в марте, в отличие от февраля, всё же 31 день, а не 28. К тридцатому все 10 «Эстрадинов» наконец-то были распаяны и стояли на стеллаже настройки, демонстрируя белозубой улыбкой негра первозданное здоровье клавиатур. Перед обедом участок настройки посетило высокое начальство и стало допрашивать Волошина, пришедшего вместе с ним, будет ли сдана вовремя установочная партия. У Волошина не было в руках никаких нитей, но была полная ответственность. Он надул щёки, повращал глазами и пнул меня коленкой:

— Лёня, все сроки кончаются в 10 утра первого. Сдадим?

— Хрен его знает, Виталий Иванович, — зло ответил я, с трудом отрывая воспалённый взгляд от электронных потрохов тонгенератора, в которых засел особо трудный «хомут».

— Ну как же, Леонид Иванович, надо знать, — пристыдил главный. — Нам надо знать точно! Если вы даёте гарантию сдать в ОТК до десяти утра, то мы можем сегодня уже телетайпировать в Министерство выполнение квартала, а отсюда прогрессивка. Вы же хотите получить прогрессивку, Леонид Иванович?

А мне откровенно было уже всё «до лампочки», усталость брала своё. Я буркнул что-то вроде «постараемся» и опять уткнулся в экран осциллографа, на котором, вместо желаемого

меандра, плясал зуд наводок от соседних генераторов тонов. Свита Главного диффундировала в необъятное пространство участка сборки ЭВМ, лишь Волошин остался стоять «руки в брюки» возле меня.

— К Старцеву пойдём? — спросил он после долгой паузы.

— Не приглашал.

— К близким друзьям на день рождения нужно ходить без приглашений, — менторским тоном произнёс Волошин.

— Т-т-т-вою мать, — заикаясь больше обычного встрял Борька Сасага. — Это ж н-н-н-адо родиться п-п-п-первого ап-п-п-реля!

Ну, отложил я шуп. Работа-работой, а насчёт Старцева надо поговорить. Я вспомнил о «пыжике», и настроение сразу улучшилось.

— А ведь у меня хохма-то приготовлена, — сказал я.

— Эх, — махнул рукой Волошин, — такого розыгрыша, как в прошлом году уже не будет.

— Всё, что оригинально, уже неповторимо, — сказал я, — но и на этот раз кое-что есть в запасе! Вот только бы не подохнуть на этой установочной...

— К-к-куда ты денешься, — сказал Борька, — ты у нас столичный!

Бедный Старцев! Имея таких сподвижников, нельзя родиться, не то, что первого апреля — вообще лучше не родиться... Эти ребята не из тех, что первого апреля звонят и говорят: «У вас вся спина белая». И даже порадовавший всех фокус с металлическим рублём вызывал у них снисходительные ухмылки. Кто-то из прибористов додумался приварить встык к аверсу рубля шляпкой десятисантиметровый гвоздь и намертво приколотить его в пол коридора. Сколько было поймано на этом простаков, которые, воровато озираясь, пытались поднять «потерянный» рубль!

Нет, друзья Старцева шутили тонко и многокаскадно, долго и тщательно готовя розыгрыш. В самый разгар застолья доставлялась, например, поздравительная телеграмма от некоей Валентины, на первый взгляд вроде бы и не содержащая компромата, но заставляющая думать над загадочным содержанием, отчего улыбка Люды, жены Старцева, становилась нервной и натянутой, а сам Старцев, багровея и потея то ли от выпитого, то ли от внимательных взглядов Люды и сочувственных — друзей, автоматически, по привычке, лез рукой в левый карман пиджака, висящего на спинке стула, над которым мы заранее похлопотали, пока народ перекуривал на балконе. В том кармане обычно лежал сложенный аккуратно Людой носовой платок, которым Старцев промокал влажный лоб в минуты волнения. И вот, после провокационного тоста «за тех, кто сейчас не может быть с нами», опрокинув стопку и, теряясь под рентгеноскопическим взглядом Люды, Старцев доставал платок и промокал вспотевший лоб. Друзья, дождавшиеся этого святого мгновения, немели, округляя глаза, так что взгляды непосвященных неминуемо обращались ко лбу именинника. И вдруг оказывалось, что Старцев держит в руках не платок, а лёгкую, изящную, беленькую и полупрозрачную с волнующими кружевными оторочками очень деликатную деталь женского туалета. «Разыграли!» — хохотала Люда, но всё равно натянуто, веря и не веря в шутку. «Разыграли», — покорно говорил Старцев и потел ещё сильнее...

А вот и он, лёгок на помине. Озабочен, даже расстроен.

— Слушай, а ты был прав! — обратился Старцев ко мне.

— Да, надо было Славку отправить домой поспать: ночью самый завал ожидается, — притворился я, будто не понимая, чем Старцев рас-

строен, а в душе уже зарождалось ликование по случаю получающегося розыгрыша.

— Да нет, я не об этом. Шапка пропала!

— Ах т-т-ы, ч-ч-чёрт, п-п-ропала т-т-таки! — Борька картинно ударил себя по ляжкам. — Г-г-говорили же тебе!

— А ты поспрашивай, может, кто пошутил, — посоветовал я.

— Да спрашивал уже...

В Житомире прокатилась этой зимой волна хулиганств: какие-то малолетки повадились прямо на улице срывать с голов дорогие шапки — «ондатры», «пыжики». Я был даже рад, что у меня старый «кролик». А вот Старцев не удержался от соблазна приобрести новую пыжиковую шапку, которую его высокопоставленная мамаша выщарапала из обкомовского распределителя. А я, как раз зайдя к нему в кабинет, увидел обновку на вешалке возле самой двери.

— Сопрут, — сказал я, — Ты бы хоть вешалку поставил подальше от двери.

Старцев только отмахнулся: он не думал, что начальника цеха могут лишить личной собственности свои же рабочие. Он свято верил, что один вид «пыжика» внушает народу подобострастие и уважение. Для чего, собственно, и приобрёл его. Через несколько дней мы уже вместе с Борькой уламывали Старцева побережься. Не внял.

Сегодня же утром я поглядывал постоянно на дверь кабинета Старцева. И дождался, когда после бесконечной «пятиминутки» Старцев «вышел на орбиту».

— Пойдём, покурим, — скомандовал я Борьке. Для того, чтобы добыть «пыжик», надо было лишь открыть дверь и протянуть руку к вешалке. Заговорщики обставили дело «капитально»: захватив с собою пустую коробку от авометра, они проникли в кабинет, аккуратно упаковали «пыжик» в коробку авометра, и Борис тут же унёс авометр в «лабораторию на поверку».

Старцев был расстроен не на шутку: хотя снег уже сошёл, но весна явно запаздывала, стояла ветреная, холодная погода.

— Возьми мой «пирожок»,— предложил добрый Борька.— Я всё равно здесь д-д-до ут-т-тра буду...

— Спасибо...Не имей сто рублей, а имей сто тысяч! — расстроенно пошутил Старцев.

— Может, ещё отыщется,— выразил слабую надежду я.

Старцев только рукой махнул.

Около 10 вечера были отлажены пять «Эстрадинов» и поставлены на испытания. Пришёл неожиданно Царь. Он уже, судя по всему, проведаль второй цех, потому что был весел, а речь имел не очень связную.

— Уже почти лежу в гробу, уже задышка. Ещё грамм двести засажу — и крышка!— продекларировал Царь и уселся на вращающийся стул наблюдать, как идут дела.

Наблюдая, уснул и стал сильно храпеть. Я добавил громкости динамикам, чтобы заглушить храп, но это мало помогало. Славик Патутинский, проходя мимо, улыбнулся:

— Голос, конечно, не оперный, но исполняется с душой!

— Славик, а начальство ещё здесь?— спросил Борька.

— Куда там! Убежал домой в твоём «пирожке». У него же заботы — и план давать, и завтра день рождения.

— А ... это... пп-п-пузырёк он оставил?

Обычно было положено «ночующим» оставлять «портвейна бадью», или, другими словами, оставлять флакон со спиртом.

Флакона не было. Старцев, расстроенный неудачами, забыл о своём святом долге. Царь храпел. Ему что-то снилось... Может, прогрессивка, может, последние 200 грамм. Борис бросил настройку и зло зашагал вдоль конвейера.

— Ка-к-к-ая ч-ч-ч-черная неблагодарность,— возмущённо излагал он.— Оставить л-л-людей б-б-ез спирта! О к-к-каком плане может идти речь? Лёня, надо брос-с-ать работу!

— Ничего,— успокоил я.— Давай позвоним ему в четыре утра. И заставим рассчитываться. Заодно поздравим с днем рождения.

«Хомуты» пошли стандартные, оставшиеся пять инструментов были настроены к половине третьего утра. Работали только Славик и я, Борис был вне себя и метался. Он сбежал в Первый к Ишимцеву, в Третий к Комарову, но взять в долг не удалось: там всё уже было выпито — завод победоносно продвигался к завершению плана Первого квартала. А Царь всё храпел...

Отправив на испытания последние «Эстрадины», ребята собрались в кабинете шефа и стали разворачивать свои нехитрые «сидоры» — хлеб, сало, лук. Борька злобно косился на недоступный сейф. Перепробовали все ключи, обнаруженные в карманах — ведь у нас были подобные сейфы в лаборатории. Бесполезно. Снова Борис сбежал в соседние цеха и принёс пару связок ключей. Тоже напрасно, пришлось ключи вернуть, несолоно хлебавши.

— Звони шефу,— злобно потребовал Борис.

Снял трубку, стал набирать номер. Но тут дверь распахнулась. Шапка набекрень, сбившийся шарф, помятое лицо — это были атрибуты замдиректора по коммерческим вопросам, попросту Царенко.

— Царь, милый,— ласково обратился к нему я.— У тебя ключи от сейфа есть?

— А то как же!— заревел Царь. И, о чудо! Первый же его ключ как по маслу отворил заклятый сейф Старцева, и перед нами предстала огромная сияющая бутыль! Может, именно тогда она показалась нам сияющей, все, кто её увидел, готовы были забожиться, что она светилась заметным фосфоресцирующим сиянием!

Борис расцеловал Царя.

— Да здравствует Золотой Ключик!— провозгласил я.

— Без него в Стране Дураков пропадёшь,— изложил Царь.

Когда выпили за успех дела, а потом — чтоб наши дети не боялись паровоза, а потом за то, чтоб у нас всё было и нам за это ничего не было, пришло известие, что Безусый поставил пломбы ОТК уже на 7 инструментов, за что мы также немедленно выпили и велели передать Безусому, что ему нальём после 10-й пломбы. Он принял это к сведению и попросил оставить что-нибудь из закуски.

— Ну что, пошли спать?— спросил я Бориса.

— Н-н-н-ет, пог-г-годи, я ему, гаду, всё так не оставлю!— сказал Борис, имея в виду Старцева.

В четверть часа всё было решено. Спирт из бутылки перелили в найденную по цеху посуду, а в пустую бутылку налили чистой воды. Самобытное сияние водворилось в бутылки снова, напоминая мне о том, что содержание не важнее формы. План был выполнен, страна получила новое изделие, трудящиеся заслужили право на отдых.

Я проснулся около полудня, с трудом оторвав чугунную голову от подушки.

«Первое апреля — никому не верю!» От этого дня всегда ожидалось что-то необычное, я знал, что если исчезнет это ожидание чуда, жизнь потеряет смысл.

Первое апреля было как кинохлопушка, открывающая новый дубль: в течение всего апреля острота новизны не тускнела, поэтому апрель был моим любимым месяцем.

На завод приплёлся медленно, спокойно, удовлетворённо кивнул, узнав, что установочная партия засчитана. Узнал также у Волошина, что Изя провалил испытания миллитеслаамперметра. Но выкрутился, мигом получив от Ковальчу-

ка телетайпограмму с разрешением продления испытаний до конца апреля. По валу дали сто один, по культбыту — сто девять процентов. Классное место по министерству было в кармане. Руководство было довольным и всё всем прощало.

— Ну что ж, пойдём поздравим Старцева,— предложил я Волошину и набрал телефон Бориса.— Как самочувствие? Головка не бо-бо? Ну, тащи тогда наш «авометр»!

«Авометр» был обернут заботами Вероники в блестящий целлофан, вокруг свёртка але-ла широкая атласная лента со сногшибатель-ным бантом.

— А чё там?— поинтересовался Волошин.

— К-к-к-корона!— ответил, слегка заикаясь, Борис.

Геннадий Георгиевич был, конечно, рад шапке. Хохотал задорно, вытирал слёзы, про-макивал платочком лоб, радовался «пыжику», как маленький.

— Главное было размерчик угадать!— пояс-нял Борис.

Вдруг Старцев резко посерьёзней — как бы чего-то позабыв, захлопал себя по карманам.

— Лёша, у тебя есть ключи от сейфа? Я свои дома оставил. Может, твои подойдут?

«Ага, внимание, второй раунд начинается»,— подумал я, а вслух произнёс:

— Есть, пожалуйста. Кстати, у Бориса свой сейф, у него тоже есть ключи.

Старцев схватил мои ключи, попробовал за-поры. Затем взял ключи Бориса. Повтыкал... ничего не произошло. Я смотрел на всё взгля-дом, полным негодования.

— Ну, ладно, прости, не сердись. Ну скажи, на кого мне думать? Ты и твои кадры — оторви да выбрось.

И поведал доверчивый Старцев историю, полную трагизма. Едва войдя в кабинет услы-шал нервный звонок телефона. Звонил Штей-нберг, напомнивший о своих заслугах в выпус-ке установочной партии. Эквилибрист от комплектации, большой друг Четвёртого цеха требовал немедленной сатисфакции размером в 1 литр ГСМ.

«Приходи с посудой»,— ответил Старцев. И Штейнберг вооружился литровой мензуркой от передатчика АСП-4. Он специально трениро-вался, как прятать мензурку в рукав, чтобы не было ничего видно. Вся гвардия Дитковского жаждала выпить немедленно. Для доставки тре-буемого понадобилось одолеть сложный путь — пройти сборочные цеха, затем влиться в здание Заводоуправления и подняться на третий этаж, минуя опаснейшую приемную Генерального директора и Главного инженера. Словом, это было путешествие канатоходца... А затем был звонок Старцеву:

— Слушай, Старцев. Таких как ты, надо рас-стреливать ещё в раннем возрасте. Разве таки-ми вещами шутят? Ну, я понимаю: первое ап-реля... но это не шутка. Это плюнуть в глаза своим лучшим помощникам. Можешь больше на нас не рассчитывать.

А потом примерно ту же тираду высказал Дитковский, начальник отдела комплектации.

Старцев был в отчаянии, и не знал, как по-гасить возникшее недовольство, в то время, когда в сейфе сияет бутылъ, полная воды.

Вот тогда мы рассказали ему, как всё произош-ло, напомнив, что хотя комплектация — это очень важно, но он сам забыл о людях, сделавших ему готовые изделия, прошедших испытания и сдав-ших готовую продукцию. Затем вернули все бу-тылки, содержавшие бесценный продукт.

Что ему было говорить? Он просто обнял меня, Бориса, Волошина и Славику. И мы оста-лись друзьями.

...Это была обычная производственная жизнь. Так чем-то похожая на собачью...

ПТАШЕЧКА И КОМАШЕЧКА

(1953)

Этот день был очень пасмурным. Может быть, солнце тогда и проглядывало, но я этого не могу вспомнить. По крайней мере, сейчас мне кажется, что день был невыносимо пасмурным. Вроде бы даже косматые шлейфы низко спустившихся туч, спотыкаясь, тащились по булыжнику улицы Бердичевской, а мы — вместе с ними, размазывая грязные слёзы по щекам кулаками, оглохшие от рева заводских гудков, сирен автомобилей и звяканья трамваев — звуков, слившихся в один нестерпимый отчаянный вой.

Хоронили великого вождя советского народа — товарища Сталина.

Мимо развалин домов, зияющих чёрными проёмами выгоревших дверей и окон, траурно закопчённых, выщербленных пулями и осколками кирпичных стен, к центру города двигались толпы людей с непокрытыми головами и морщинистыми лицами, чёрными от въевшейся угольной пыли.

Мы с Комашечкой перекатились через один из проёмов в нашу заветную «развалку», где каждый день по дороге из школы курили. Холмы рухнувших перекрытий внутри «развалки» (это было здание, где сейчас находится 1-я поликлиника) давно стали землёй, и летом здесь росли непролазные заросли вездесущего американского клёна, чистотела и лебеды. Внутри всегда пахло уборной, мы научились легко лавировать среди дерьмовых «мин», пробираясь в дальние от улицы, более чистые и безопасные для нас, помещения. А вдруг кто увидит, что курим! Даже совсем посторонние взрослые могли накостылять или надрать нам уши.

Там, в остатке стен, у нас была «схованка» — дыра, аккуратно заложённая кирпичом, где хранилось курево и спички. Так безопаснее — с собою в карманах мы ничего такого не носили. Схованка удачная: табак и спички всегда были сухими.

«Ну что, пофаим?» — говорил Комашечка традиционную фразу. «Фаять» означало курить. А ещё на нашем языке это называлось «шить». Потому что папиросы — «иголки», спички — «нитки», а развалка — «мастерская». Можно и при родителях говорить, ничего не поймут.

— Что ж теперь будет, Пташечка? — спрашивает Комашечка.

— Не знаю, может, опять война. Американцы теперь точно на нас бомбу сбросят.

— Слушай, Пташечка, а как эта бомба убивает? Говорят, сразу может весь город накрыть.

— Батя говорил, что замораживает. Как взорвётся, так сразу холодина жуткая и всё замерзает. Ни один не спасётся, хоть на плиту сядь.

— Как же теперь без Сталина? — мучился Комашечка. — Пропадём совсем. Кто вместо Сталина будет?

— Не знаю, может, Будённый или Ворошилов. А у нас, батя говорил, есть уже такая бомба, что в Америке и не снилась — сразу полстраны замораживает.

— Ну да!

— Вот тебе и «ну да». Точно есть. Пусть только сунутся — у нас знаешь, какая силища? Всех разобьём.

— Ну, без Сталина не получится. Он же генералиссимус был, а это постарше любого генерала. А в Америке нету генералиссимуса.

— Теперь и у нас нету...

Комашечка сидел на корточках, худое его остроносое лицо, как всегда, хранило землистую тень. Было жалко и его, и себя, и Сталина. Хороший пацан — Комашечка, Толя Давидо-

вич. Мне всегда его жалко, он двоечник-работяга. Серьёзный, рассудительный. У него — мама, брат с сестрёнкой, а отец погиб на войне. У нас в классе много двоечников, но те или лентяи, или придурки, как Сёма Шнайдерман. А Толя всегда учит уроки, только если мать не загоняет дома — то огород копать, то хату белить, то пристройку помогать делать. А жил Толя далеко, на Хинчанке, это, считай, часа полтора домой топать. Мне до школы медленно ползти полчаса, да и на трамвае иногда можно подвезать. А Комашечка целый час в школу топает, а я ещё сплю. И всё равно вставать не хотелось! Встану, дед накормит какой-нибудь манной кашей или картошкой, тут и Толя под окном стучит, выходи, Пташка! И мы — бегом в школу, торопимся, ещё надо в «мастерскую» заглянуть — покурить.

«Прикрепили» меня «подтянуть» двоечника Давидовича, а получилась у нас дружба. Может потому, что я жалел его, а может и потому, что он мою помощь воспринимал благодарно, серьёзно и старательно занимался вместе со мной. И стал постепенно получать тройки и четвёрки, и все заметили, что Давидович «подтянулся». Сказать по-правде, не всё у нас чисто было в седьмом классе. Садились мы на первую парту и подставляли раскрытую где надо книгу, если друга вызывали к доске; а когда нас с этим «попутали», то стали специально готовить тексты, написанные крупными печатными буквами и «подставляли» их издали — с третьей или четвёртой парты. Особенно хорошо это помогало, когда задавали стихи наизусть или правила. К нам, раскусив преимущества «метода», примкнули Нолька Хазанович, Толя Кучеренко и другие «лоботрясы»; таким образом, все задания распределялись равномерно, каждый готовил «шпоры» только по одному предмету. Отвечать стало легко, а жить стало

веселее, потому что ничто так не угнетает в школе, как страх быть вызванным к доске. Поэтому, когда нас заставили после уроков собирать металлолом, у всех настроение было превосходное, мы гурьбой слонялись по пустырям и дружно орали: «Соловей, соловей, пташечка, канареечка жалобно поёт!» А Толя пел «Леонид, Леонид-пташечка», и все с тех пор стали называть меня Пташечкой, и это было приятно и вовсе необидно, а я Толю прозвал Комашечкой — мол, Пташка клюёт Комашку, но это прозвище успеха не имело, так его звал я один. А меня звали Пташкой, Пташечкой, Птахой даже в институтские годы, когда я приезжал домой на каникулы и встречал одноклассников. Это прозвище мне нравилось, не то что уличная кличка «Глухой». А так меня называли на Русской Слободке: один раз батя заехал мне за что-то сзади по уху, да так, что у меня повредилась барабанная перепонка. Из уха часто шли какие-то выделения, ну, и слышать я стал плоховато — вот за то и кличка такая. А Пташкой быть одна прелесть!

Союз наш с Комашечкой был оборонительным, а дружба — искренней, мы чувствовали, что её все уважают — и одноклассники, и учителя, и родители. Мама Комашечки меня очень уважала, особенно после того, как Толя получил первую пятёрку — по географии. География для него была казнью, а Крыса — палачом. Комашечка перед картой терялся — где горы, где моря, где равнины — ему было всё едино. Он не мог обвести границы страны — хоть расстреливай. Сотни названий путались в его голове, как клубок, который представлялся олицетворением ненавистного глобуса. Толстая Крыса с шеей, ушедшей в плечи, и острокопной причёской (эдакий Монблан в очках с толстыми стёклами) была нетерпима до крайности. Казнила она за малейшее шевеление за

партой. Хотя была близорука и даже сквозь очки видела лица пятнами, но на движение реагировала, как лягушка, выгоняла из класса и писала в дневник реляции, за которые дома попадало. Она едва не касалась носом кончика пера, не различая лиц, помнила, однако, где кто сидит.

— Дневники на парту,— требовала она, едва появившись в классе.— Руки сложить, соблюдать тишину!

И горе тому, кто после этого не замирал в страхе. Двойки щедро заполняли журнал, а записи в дневнике клеймили родителей и приглашали явиться в школу немедленно. Странное дело, записи Крысы почему-то оказывали на родителей гипнотическое воздействие, за них нас лупили как-то по-особому истово. И не надо было объяснять, как мы её ненавидели и боялись.

В тот день Комашечка маялся предчувствием неперенной беды и на переменках приставал ко мне с допросами по поводу рельефа Европейской части СССР, но, несмотря на моё усердие, по-прежнему путал Волынскую возвышенность с Валдайской. Когда оставались секунды до появления Крысы, я не смог выносить страдание, застывшее в его глазах. Такие глаза были у нашей овчарки Азы, когда её отравили соседи и жить ей оставалось всего сутки.

— Садись на моё место,— толкнул я его колючим бедром. Комашечка от неожиданности слетел в проход, и, рискуя напороться на входящую Крысу, мышонком обогнул парту и засыл рядом.

— Руки на парту!— сходу скомандовала Крыса.— Дневники приготовить. К доске...— и нос Крысы пополз снизу вверх, слева направо...

— А Крысе Бог послал кусочек сыру...— донёсся чей-то шепот сзади...

И действительно, казалось, что огромная Крыса обнюхивает кусочек голландского сыра, весь в дырочках отметок.

— Пойдёт...— холодок пополз по спине. — Пойдёт...— скорей бы произнесла приговор,— пойдёт Давидович!

Комашечка дёрнулся, но я под партой сжал его руку: «Сиди!»; взял его дневник и, стараясь держаться на расстоянии от Крысы, проскользнул к доске, где висела карта.

— Восточно-Европейская равнина протянулась с запада на восток и с севера на юг на три тысячи километров, — начал я, взглянул на Крысу и у меня всё похолодело внутри: так пристально она на меня глядела сквозь свои толстые стёкла. Мне даже показалось, что губы её кривила едва заметная ехидная ухмылка.

«Неужели узнала?— лихорадочно думал я.— Не может быть! Все говорят, что она дальше своего носа не видит, вспомни, как она наклоняется над журналом...»

Чуть-чуть сбился, запутался. Совладал наконец, продолжал:

— ...Приднепровская, Причерноморская и Прикаспийская низменности. В формировании рельефа северной части равнины сыграло большую роль четвертичное оледенение. Несколько раз ледник покрывал север Восточно-Европейской равнины, о чём свидетельствует моренный покров и полого-холмистый рельеф, что характерно для Смоленской, Валдайской и Московской возвышенностей....

— Хорошо, Давидович, достаточно. Тебя сегодня просто не узнать. Молодец, ставлю тебе пять.— И Крыса наклонилась над корочками дневника, убеждаясь в его достоверности.

Затаивший дыхание класс, как в цирке после смертельного трюка, облегчённо перевёл дыхание, на что Крыса мгновенно среагировала:

— Тише, тише! О полезных ископаемых Восточно-Европейской равнины расскажет... эээ... Федорчук.

Гордость удачливого фокусника сменилась у меня растерянностью. Что делать? Лицо Крысы было непроницаемо, но мне казалось, что губы её снова кривит торжествующая ухмылка. Комашечка смотрит на меня — тоже растерян.

— Ну иди, чего же ты...— прошептал я и для верности толкнул его в бок. Комашечка пополз к доске. Класс затих в предвкушении зрелища.

— На Восточной и на Европейской это самое... на равнине, ну как его? Полным-полно этих самых, как его? Ископаемых. Там этот, как его? Учёный был один, так он всё везде искал эти самые испускаемые, не, это — ископаемое искал. Он был этот, как его? Фельдман, не...— прислушался к подсказке,— Ай, нет, Ферсман, вроде.

— Ну-ну, и какими же ископаемыми богата Восточно-Европейская равнина?

— Ну это лён растёт там... кое-где, конечно, ещё это, как его...Ну, коровы с колокольчиками масло дают.

Это был крах. Класс ревел от восторга. Крыса стучала указкой по столу. В моём дневнике, который Комашечка потащил к Крысе на стол, рисовалась двойка, и нос Крысы аккуратно отслеживал её волнующие изгибы.

Мы так никогда и не узнали, случайным ли было наше поражение, или всё же мудрая Крыса наказала таким образом меня за подлог.

Да, далеко жил Комашечка! Но я любил ходить к нему. По Провиантской, Дмитриевской, Мещанской, потом по Сталинградской, которая постепенно теряла булыжник, становясь обычной сельской улицей с грязными огромными лужами, по которым бродили свиньи, с узенькими тропинками, выющимися по обочинам, заросшим бурьяном. В пыли тропинки всегда остаются несколько следов велосипедных шин. Я шёл и молчал. Как было бы здорово ездить к Комашечке на велосипеде! Но мой велосипед,

полученный от отца, стоял в сарае со сломанной рамой, положив колесо на колесо... Простреленная рама в конце концов не выдержала моего увеличивающегося веса и лопнула сразу в двух местах, где пули бандеровцев проделали сквозную рваную дырочку на наклонной перемычке рамы под седлом и другую, скользящую, — на горизонтальной трубе так, вроде по ней сбоку сданыли зубилом. В отца стреляли в сорок седьмом, когда мы строились. Он ездил в Тригорское лесничество, чтобы реализовать наряд на дубовые обаполы. Ему, наверное, просто повезло. Он был ещё в военной форме с погонами капитана и потому стреляли без предупреждения, но издали. Он только увидел после первой очереди из автомата, что к нему с холма бегут двое — и нажал на педали, не чувствуя боли в левой ноге. Примерно полкилометра отделяло его от бандеровцев, когда вторая очередь вздыбила грунт на лесной дороге. На выезде из леса стояла «полуторка», это была застава МВД. Там у отца проверили документы и перевязали ногу. Пуля задела икру, как тогда говорили — «царапнула». А вот рама трофейного немецкого велосипеда была «задета» более существенно.

Отец тогда появился дома сильно выпивши. Велосипед он привёз «за рога» и с тех пор на нём больше не ездил.

Отец мой был военным следователем. У него была лётная форма, но это ничего не значило. Он был следователем в лётной части. Может, и на самолётах он ни разу не летал. Своим друзьям я говорил, что он был лётчиком. Сочинял жуткие и героические истории воздушных боёв, в основном ориентируясь на данные из книжечек о Кожедубе и Покрышкине. В этих историях отец совершал немыслимые подвиги. Сбивал немцев сотнями, прыгал с парашютом, попадал в окружение, пробивался к своим, захватывал вражеский аэродром и улетал на «мес-

сершмитте» через линию фронта в свою родную часть. В других рассказах он был пикирующим бомбардировщиком или штурмовиком, взрывал вражеские переправы, истреблял танки и арсеналы. И снова его сбивали, и он опять захватывал «юнкерс» и летел с победой к своим. Сочинять я умел. Шпана меня слушала, раскрыв рты и боясь шелохнуться.

Только Юрка Цыган — он был постарше других — слушал с недоверием.

— Глухой, какой он герой, — заявил он однажды с кривой ухмылкой, — вон, гляди, кажин день косой до дому идёт...

Я задохнулся от возмущения:

— Ты, ты...ты сам дурак! Сейчас все офицеры пьют. Знаешь, как они на войне натерпелись, а теперь имеют полное право. У них жизнь на волоске висела, можно людям и отдохнуть. Выпить чарочку не грех, это правило для всех, — я говорил словами отца, и всё же где-то в глубине души, там, где лежала правда, было обидно. Обидно, что он «косой», обидно, что я всё о нём придумал, обидно, что сам в эту выдумку поверил. Обидно за маму, плакавшую часто, исхудавшую от недоедания и напора толстощёкого Вовки, родившегося в апреле сорок седьмого.

Он мне сразу не понравился. Когда его принесли домой, я понял, что произошло нечто ужасное. На меня больше не обращали внимания. Он украл у меня родителей, сделал меня сиротой. Вокруг него всегда была суета, с ним агукали и люлюкали, а отец целовал его в крохотную сморщенную попку. Обо мне вспоминали только тогда, когда нужно было покачать его кроватку или погулять с ним во дворе. Мне осточертели пустушки и погремушки, его почти непрерывный рёв. Меня теперь никуда не пускали, я должен был непрерывно его нянчить. Однажды он лежал распеленутый, поджав ножки, и гудел. А я, как мне и указывали, наклонив

голову говорил ему «агу», как вдруг тугая солёная струя ударила мне прямо в рот. Моя жалоба вызвала небывалое веселье среди родных. «Вот это парень, ну даёт!»— кричал упоённо отец и снова целовал его в мокрую попку.

«Это мой родной братик,— говорил я себе, повторяя слова мамы,— это мой родной братик». Но никак не мог этого почувствовать, всматриваясь в его голубые бессмысленные глазки. Мне было плохо.

Но вот однажды он схватил меня за нос, улыбнулся и сказал что-то вроде «ня-ня».

— Лёня, Лёня! Он сказал мне «Лёня!»— заорал я и побежал к маме, теребя её за рукав.— Он сказал мне «Лёня»!

— Он сказал мне «Лёня»,— с гордостью я позже сообщал деду и отцу,— и ещё он схватил меня за нос и смеялся!

Тогда я впервые почувствовал за него ответственность. Он умер в сорок лет от рака пищевода, вызванного алкоголизмом.

А Комашечка, закончив седьмой класс в нашей школе № 15 (тогда это была семилетка) дальше учиться не стал. А я был переведён в восьмой класс соседней 25-ой школы. Так закончилась наша дружба с Комашечкой.

РАДИО
(Открытие первое)
(1953-1956)

Однажды постоянному нарушителю школьной дисциплины и неисправимому троечнику вдруг захотелось понять, как работает радиоприёмник. (В том возрасте, как, впрочем, и немного раньше, следовало поступить просто: разобрать на части. Этот метод приносил великолепные результаты, когда дело касалось разных там заводных детских чудес). Приступив немедленно к знакомой процедуре, пацан неожиданно для себя обнаружил, что обыкновенная разборка не принесла никакого облегчения. Любопытство не было удовлетворено, более того, распалилось ещё больше: там не было понятных шестерёнок и пружин, почти ничто не вертелось, а что и вертелось — оставалось загадочно волшебным.

Благоразумие, уже привитое отцовским широким офицерским ремнем, заставило вовремя остановиться, поставить на место вынутые лампы и включить в полуразобранном состоянии. Стекланные баллоны тускло засветились, слышались трески и шумы. А затем трофейный папин «Телефункен» сообщил о тяжёлой болезни вождя и учителя советского народа товарища Сталина. Это тоже была одна из загадок: как немецкий приёмник мог говорить на русском языке? По иностранному — ладно, можно было понять. А вот по-русски? Непонятно.

Помню, как мучительно хотелось открыть эту тайну. Никто — ни друзья-сорванцы, знавшие любопытнейшие вещи из жизни мужиков и баб, ни взрослые не могли мне помочь, отчего тайна становилась ещё более будоражащей. Даже

мудрая мама, находившая ответы на все мои вопросы, оказалась бессильной. Но совет она сумела дать: пойти записаться в библиотеку и попросить там «что-нибудь про радио». А библиотека тогда существовала на углу Пушкинской улицы и бульвара.

Как ни странно, я не помню этой первой книжки «про радио». Она дала мне очень мало. Но я открыл путь в библиотеку!

Признаться, я читал и до того очень много, благо, дома книг хватало. Но это были Маяковский, Горький, Тургенев, Чехов, Новиков-Прибой, Гоголь, даже Мифы древней Эллады были — и ничего «про радио»... И я продолжал ходить в библиотеку; постепенно мне стали давать не по одной книжке, как другим пацанам, а по пять-шесть. Радио так захватило меня, что я понял — это моё призвание.

А когда наш «Телефункен» однажды замолчал, я попросил разрешения заглянуть внутрь, потрогал лампы и обнаружил, что одна из металлических чёрных колб холодная. «Подойдёт наша 6K9», — сказал я маме, получил от неё какое-то количество нужных рублей и пошёл в универмаг. А когда приёмник снова ожил, я почувствовал себя триумфатором, что безусловно придало мне и уверенности, и самоуважения. Это был момент внутреннего перелома во всём. Неожиданно для самого себя, я стал другим человеком.

Занимаясь радиолюбительством, я открыл для себя новый мир. За физикой радиоволн потянулось и другое: нельзя было не знать химии и математики. Свободное время исчезло — всё было занято. Главное состояло в том, что я открыл ещё и самообразование. Жадное и бессистемное. Я впитывал в себя всё прочитанное, жил мечтами и фантазиями, но учиться лучше не стал, потому что знал не то, что от меня хотели в школе. Я читал по химии

Некрасова и Глинку. А оказалось, учителей даже раздражали мои познания, видимо, мне не хватало ни системы в обучении, ни элементарной этики в общении с преподавателями. По-прежнему я был бедою школы, только стал ещё изощрённее: уроки срывались на высоком техническом уровне. Нитроглицерином, полученным мною в условиях сарая, была взорвана школьная уборная; хитроумные короткие замыкания в сети отменяли уроки в тёмное время суток; металлический натрий горел и взрывался в классных чернильницах; тонкий, незаметный слой церезина не позволял писать на классной доске мелом, петарды рвались под стульями учителей. Меня трижды исключали из школы, и я её возненавидел. На мне была печать: способный, но ленивый, недисциплинированный ученик. Это была школа номер 14, располагавшаяся на углу Садовой и Первого Мая. Туда меня перевели в 9-й класс в ту незапамятную реформу объединения мужских и женских школ.

Но ближайшее будущее я себе представлял чётко: радиофакультет любого института, чем вызывал лишь иронические ухмылки. У всех, кроме мамы. Она в меня верила с фанатичной убеждённостью.

Но не только радио интересовало меня в ту пору. Я столкнулся с необычайным феноменом среди преподавателей: русский язык и литературу у нас читал незабвенный Исая Иосифович Кацман. Это был и внешне очень симпатичный человек, так что все девчонки класса были просто влюблены в него. А кроме того, он обладал совершенно волшебными свойствами преподавания, казалось, он знал абсолютно всё, излагал свои предметы красивыми, стройными предложениями, да так, что без того давления, которое применяла Крыса в 15-ой школе, мы все слушали, затаив дыхание, — его

метода общения с нами просто завораживала. И я с тех пор полюбил и русскую литературу, и русский язык. Мне вдруг захотелось писать так же красиво и умно, как разговаривал Исая Иосифович. Я начал тайно писать стихи, а сочинения по русской литературе, которые нам задавал любимый преподаватель, у меня отличались каким-то образом от всех — Исая Иосифович часто зачитывал отрывки из моих сочинений и говорил, что у меня есть способности в этой области, но надо лучше изучать язык, соблюдая несметные правила грамматики и орфографии. И, скажу прямо, что я старался это делать. Я называл Исая Иосифовича пол-литературному: «Луч света в тёмном царстве». И весь класс этот псевдоним поддерживал. Странно, что на все три школы, в которых я побывал, мне встретился один-единственный настоящий преподаватель. Сейчас я себе могу представить, какое счастье было бы иметь два-три таких учителя!

А ведь многие ученики не видели такого гения, ни единого...

Получив аттестат, в котором, кроме троек, было лишь три четвёрки — по русскому, пению и рисованию, я решил ехать в Одессу, поступать в Электротехнический институт связи: где-то прочёл, что этот институт — один из самых трудных на Украине, а его радиофак славится своими нетленными традициями. Кроме того, на этом настаивал мой отец, так как он был начальником отдела кадров Областного управления связи. «Не беспокойся! — кричал он мне, — Мы дадим тебе направление, и тебя примут с любыми отметками!» Но когда у меня принимали документы, я вдруг с разочарованием увидел, что моё «направление», подготовленное отцом, улетело в урну. Я обратил внимание тётушки, разбиравшейся с моими документами, на то, что «утерян важ-

ный документ». Она вдруг рассмеялась и сказала мне: «Сынок, тут все поступающие с такими вот направлениями. Это всё ерунда, надо просто хорошо сдать экзамены. Тебе более не пригодится это направление! Его никто не станет читать!»

Пять экзаменов — русский язык и литература, математика, физика, химия и английский язык, 12 человек на место. Проходной бал мыслился на уровне 22 баллов — срезаться даже на тройку было абсолютно недопустимо. Я — сам, вокруг только конкуренты. Авантюра! Всё лето после окончания 10 класса я посвятил настойчивому штудированию физики и математики, поскольку с химией у меня вообще не было никаких проблем, я был асом в этой области.

Первый экзамен — сочинение. Пропущена одна запятая — «четвёрка». Но допущен к математике, уже хорошо. Затем подряд — математика, физика, химия — три «пятёрки». Последний английский. Что-то было не так, я сам не понял даже, где подкачал, но «англичанин» долго смотрел на мой экзаменационный лист, где красовались «четвёрка» и три «пятёрки» и... поставил «четвёрку» — 23 балла!

Сказали в канцелярии: не ожидайте результатов конкурса, езжайте домой. Если пройдёте — мы вызовем вас телеграммой. И я уехал, а зря!

25-го августа получаю телеграмму из Одессы: «Результате конкурса зачислены телефонно-телеграфный факультет начало занятий первого сентября».

Радость смешалась с огорчением. Зачислен! Но телефонистом, а не радистом...

Все говорят вокруг: какая разница, радуйся, медалисты и те в пединститут еле прошли, а ты харчами перебираешь... Из 18 поступавших одноклассников-немедалистов прошли только трое. Мама говорит: «Ничего, сынок, может, по-

том переведёшься как-нибудь...» А мне казалось, что мечта рухнула начисто.

Да, далеко не сразу дошло до меня, что вовсе не в наименовании факультета дело... И даже не в наименовании института. И что радио намного дальше от истинного моего призвания, чем телефония... Но тогда я этого ещё не знал.

Это был 1956 год, и пацану было всего 17. Дурак-дураком!

ЭЛЕКТРОМУЗЫКА

(Открытие второе)

(1957)

После традиционного «колхозного» периода, забравшего у новоиспеченных первокурсников весь сентябрь и половину октября, начались, наконец, занятия в ОЭИС. Моя неудовлетворённость «телефониста» в значительной степени подавлялась новыми знакомствами, весёлой студенческой средой, напряжёнными занятиями, отсутствием общежития и скудной стипендией, которая только и оставляла для раздумий постоянное чувство голода: из 290 рублей стипендии 150 уходило, чтобы оплатить угол в полуподвальной квартире торговли с Привоза тёти Груни — но где! На славной улице Дерибасовской, правда, в самой тихой её части — начале, у улицы Кангуна (дом номер 3).

Конечно, скажете вы, забрался на Дерибасовскую — и плачет! Но фокус в том, что в Одессе в те времена оплата за снимаемый угол была везде одинакова — что на Молдаванке, что на Пересыпи, что в районе, наиболее близком к моему институту — только там труднее было отыскать свободное место.

Ежедневные пешие походы по Дерибасовской, через площадь Советской Армии, далее по улице Льва Толстого до Челюскинцев, на которой и высилось новое (а подальше, и старое) здание ОЭИС. Скудный обед в студенческой «тошнилровке» после занятий. И опять пешком через Одессу. Всё серое, как одесские здания. Кроме одесского юмора. Из раскрытых окон — Утёсов: «Ах, Одесса моя, ненаглядная, без тебя бы не смог, вероятно, я ни душою молодеть, ни шутить, ни песни петь...» И ещё тенор ка-

кой-то: «Одесский порт в ночи простёрт, огоньки за Пересыпью светятся...» — утверждал, что его дело «бить китов у кромки льдов, рыбьим жиром детей обеспечивать».

Пока всё шло нормально: читали нам те же общеобразовательные предметы, что и радистам, что меня утешало, так как оставляло надежду перевестись со временем на радиофакультет, тем паче, что «пенсия» там была на сотню рублей больше — тоже стимул!

Знать бы мне тогда, что на третьем курсе в этом же здании учился мой будущий соратник и друг Виталий Волошин! Тоже телефонист! Но всему своё время... Мне предстоит уехать в Киев в Политех, а ему — распределиться в Пермь, но мы тогда оба не знали ни этого, ни друг друга.

...Незаметно пролетело время, наступал новый, 1957-й. По этому случаю — небывалый студенческий бал в полукруглых вестибюлях института, на трёх этажах одновременно. Мы ещё робкие новички на этом празднике жизни, а вокруг на стендах — красочные юморные газеты старшекурсников, открывающие нам глаза на блеск и нищету студенческого существования. Гремит музыка, народ танцует. Эра стиляг в узких брючках со взбитыми коками всё увереннее заявляет о себе. Новый стиль и в танцах — дёрганное притопывание. И вдруг загрохотало...

Не знаю, как передать словами это звучание. Торнадо... Вихрь незнакомых тонов — густых, как сметана... Тут же звон десятков подвешенных в воздухе рельсов. За мелодией крадётся какой-то низкий унтертон. И такое впечатление, что репродукторы соскочили со стен и вращаются... Я был так потрясён (да нет, ошеломлён!), что когда закончилась эта музыка, долго не мог очухаться. Потом стал спрашивать знакомых — что это было? Но... они ничего не заметили!!! И даже не могли понять, о чём это я толкую — потому что слова здесь были бессильны...

Не буду описывать весь ход предпринятого мною следствия, окончившегося тем, что в радиорубке чернявый старшекурсник показал мне «рёбра» — рентгеновский снимок с записанной «забугорной» музыкой. И ещё сказал, что это — электроорган. И всё.

Какими эпитетами и метафорами можно описать поворот судьбы? Как его почувствовать — ведь понять, что это веха, можно будет только значительно позже! Но я вроде тронулся умом — у меня внутри звучала эта музыка, я терялся от бессилья, боясь её потерять, позабыть. И отчаивался от невозможности просто спеть мелодию, как лечатся от обычных шлягеров. Тут было нечто другое — вторжение каких-то фантастических сил, заставляющих болеть неизлечимо, потому что вся душа моя резонировала с этими звуками: я сам был этим электроорганом и спастись можно было только создав нечто подобное, чтобы без конца нажимать на клавиши и впитывать... впитывать... в себя это звучащее волшебство.

Библиотеки мне в этот раз не помогли. Тщетно я часами рылся в каталогах. Позже я узнал, что даже в Ленинке этой литературы кот наплакал. Да и нужно было иметь опыт поиска, а это — не так и просто...

Я третию знакомых меломанов. Приставал к преподавателям. Один сокурсник даже, сжалившись надо мной, стал мне давать уроки игры на аккордеоне — это единственный инструмент, который был бледной тенью потрясшего меня чуда.

Но никто ничего мне не мог сообщить об электрооргане. Никто. Ничего.

Мне оставалось только открыть всё самому. И я тогда решил раз и навсегда: БУДУ ОБЯЗАТЕЛЬНО ЗАНИМАТЬСЯ ЭЛЕКТРОМУЗЫКОЙ.

И постепенно созревала мысль, что перевод на факультет радиосвязи мне ничего не даст.

Я рылся в справочниках для абитуриентов, разыскивая, где учат акустике. Но то была архитектурная акустика, далёкая от физики музыкального звука. А более ничего. Единственное, что осталось в памяти: в Киеве существует Киноинженерный институт, где готовят инженеров по звукотехнике.

Но Бог есть на свете. Ему предстояло только поставить меня в безвыходное положение, чтобы натолкнуть на нужный путь. Но до реализации задуманного оставалось без малого восемь лет...

Хочу для точности пояснить, что я применяю часто слово «электромюзика», как мы обычно это делали в своей профессиональной среде, но на самом деле, речь везде идёт об электронных музыкальных инструментах, в общепринятом сокращении — ЭМИ.

КОСМОДРОМИСТЫ

(1966)

В феврале 1966 года меня с Волошиным вызвал к себе Арнольд Григорьевич Назарчук, главный инженер завода «Электроизмеритель».

— Мужики,— сказал он, — 12 апреля 1966 года наша космонавтика будет отмечать пятилетие полёта Гагарина в космос. Нам с вами предстоит настоящее испытание: наш завод должен отметить это событие подарком космонавтам. Я решил, что подарить им надо будет «Эстрадин-6». Как вы смотрите на это?

— Ну,— поплыл Волошин,— дело стоящее. Только это должен быть не просто серийный «Эстрадин-6». Неплохо было бы сделать что-то космическое...

— Например?

— Ну, — как обычно, продолжал Волошин, — хорошо было бы запаять что-то нестандартное. Например, на крышке сделать инкрустацию в честь события.

— А я вот думаю, хорошо было бы сделать светомузыку, чтобы во время игры что-то у нас переливалось цветом,— сказал Назарчук.

— Во, точно,— поддержал Волошин. — Сделаем такую выпуклую фару на инкрустированной поверхности крышки. А цветовую гамму подберёт Леонид Иванович опытным путём.

— Я согласен,— сказал я,— предложения дельные. Мы можем фару набить битым стеклом, а там достаточно внутри установить несколько небольших лампочек, выкрашенных в разные цвета. И к цветам привяжем регистры «Шестёрки». От фиолетового — до ярко-жёлтого. Все шесть регистров будут работать цветом. А инкрустацию можно сделать, но не следует сильно

зарываться — ну, в смысле лозунгов, надписей — это будет избыточным. Достаточно фары и двух полос латунного обрамления — уже будет необычно и красиво.

— Всё, ребята, порешили,— подытожил Арнольд Григорьевич.— Вперёд и с песней. Только учтите, что «Шестёрка» должна быть готова к 10 апреля — кровь из носу.

— А делать кому?— спросил практичный Волошин.

— Как это «кому»? Вам, Виталий Иванович, с Леонидом Ивановичем. На помощь цехов не надейтесь. Вперёд и с песней! Подключать можете только экспериментальный цех.

Волошин потопал к Старцеву. Вернулся расстроенный: Старцев не хочет давать распаянные блоки. Только каркас и детали. Мол, собирайте всё сами.

— Лёня, ты кого из своих хлопцев оторвать на это можешь?

— Горько говорить, только новенького. Анашкина.

— А что остальные?

Я быстро обрисовал задания каждого. Ничего не подлежало корректировке.

— Да, Анашкин тебе наделает!— огорчённо сказал Волошин.

— Вот потому он и относительно свободный. Приходит каждое утро и пилит напильником шухляду.

— А это что значит?

— Это значит, что он трахнул очередную девчонку.

— И много у него таких надпилов?

— Вся шухляда по всем направлениям. И буквочки стоят в надпилах. Имена, значит, запоминает.

— Но паять-то он хорошо умеет?

— Да, слава Богу, поет нормально. Он же в первом цеху сколько проработал. Ну, и я наде-

юсь, что призову его к нормальному повиновению. Ведь работать придётся почти круглыми сутками, если Старцев отказывается помочь.

— Ну, смотри, я хочу часть блоков инструмента разместить в экспериментальном цехе, например, блок питания...

— Он совсем новый должен быть. Нужно же лампочки питать. Его придётся умощнить.

— Ну, тем более. И дадим им темброблоки, блок глассандо, педали.

— Самая страшная работа — блок тонгенераторов с делителями частоты. И регистровый синтез тембра. Хотя бы это Старцев сделал...

— Нет, он наотрез отказался.

— Ну что ж, не первый раз такая работа наваливается. Осилим, не переживай.

— Занимайте тогда с Анашкиным комнату на первом этаже, рядом с экспериментальным.

— Добро.

Вот и начались полтора месяца пахоты. Анашкин, невзирая на подневольное положение, был доволен:

— Иваныч, если б ты знал, как мне эти бабы надоели!

— Я тебе сочувствую, Саша, но пахать нам придётся по-серьёзному. Начинаем в восемь утра ежедневно, оканчиваем в 21-00. Таким образом, по 13 часов в течение месяца. Потом, если понадобится, перейдём на круглосуточную пахоту. Но до 10 апреля вся работа должна быть закончена.

— А я даже рад, что мы что-то серьёзное будем делать! Я готов и до 12 ночи каждый день пахать.

— Нет, мы вначале будем работать строго по 13 часов. Иначе сдохнем раньше времени. Полчаса перекусываем в столовке. По очереди.

Саша, на удивление, оказался хорошим помощником. Он разложил все 96 делителей частоты и тщательно, упорядоченно, наполнил кассу комплектующими. И пошло-поехало. Я потащил

деревянную крышку инструмента в экспериментальный, где началась работа, связанная с инкрустацией, обрамлением фонаря и прочее.

Анашкин же бегал в Четвёртый цех, где научился аккуратно по их макетам вязать жгуты. Словом, пропуская все детали очаровательной нагрузки, скажу, что ко дню рождения Старцева, наша «Шестёрка» запиликала. А фара со цветомузыкой была очаровательной! Переливалась неожиданными цветовыми оттенками! Мы балдели, довольные своей работой. Оставалось чуть-чуть до наведения окончательного лоска. И 5 апреля можно было сдавать работу. Волошин был доволен и даже позволил себе дружески пошлёпать Анашкина по спине.

— Лёня, а ты не думал, что тебе стоило бы ехать с инструментом? Ну, на всякий случай, мало ли чего?

— Дело привычное, я готов, почему бы не поехать?

Но начальство решило всё иначе.

10 апреля инструмент погрузили в начальственную тачку, и оказалось, что едут в Москву двое — Назарчук и Старцев.

Волошин пытался что-то разъяснить начальству, но оно отмахнулось.

— Я чувствую, что это плохо кончится,— сказал мне Виталий.

— Начальству виднее. Ведь им прорываться надо будет в Звёздный городок. На торжественное заседание. Возможно, их ограничили по составу делегации.

— Но на хрена Старцев едет?— возмущался Волошин,— ведь с него толка, как с козла молока. А ты бы подстраховал Назарчука.

— Ой, слушай, я уже так напахался с этим «Эстрадином», что мне всё на свете противно. Пошли они все в баню! И ещё — ведь они без музыканта едут. Кто там играть будет? Не понятно вообще...

Анашкин же, освободившись от моего жуткого патронажа, сбегал к бабам и сделал на своей шухляде два внеочередных надпила.

Утром тринадцатого апреля меня везде искала Инна Ковальчук. Оказалось, что ей звонил Назарчук и требовал моего срочного приезда в Москву. Адрес — гостиница «Юность». Я тут же выехал, захватив с собою паяльник, авометр и нужные детали.

Утром 14-го я был у гостиницы «Юность». Назарчук ожидал меня в фойе.

— Что случилось, Арнольд Григорьевич?

— «Эстрадин» вообще молчал. Мне Леонов сказал, что если бы им пришлось летать на такой технике, то мы бы в зале никого из космонавтов не увидели...

— Мм-да... Всё же надо было сборку делать в цехе. Там ведь на каждой операции есть контроль...

— Леонид Иванович, ты грамотный, я бы даже сказал, талантливый конструктор... Но в производственных делах, увы, ещё не имеешь достаточного опыта... Цех не смог бы сдать этот нестандартный инструмент, как ты — в начале месяца. Там всё нацелено на конец месяца, к сожалению. И Старцев тоже с этим ничего бы не смог поделаться!

— И каковы наши задачи сейчас?

— Мы поедем с тобой в Звёздный Городок. Жаль, что так получилось, но подарок в любом случае надо отремонтировать.

Назарчук снял у гостиницы такси и мы поехали. «Куда едем?» — спросил таксист.

— В Монино, — ответил Назарчук.

Когда мы проехали Монино, таксист начал нервничать. Назарчук ему показывал лесные дороги, видимо, по памяти. Таксист наконец остановился и спросил:

— Так вы к космодромам едете, так?

— А тебе какая разница? — ответил Назарчук. — Разница большая. Я дальше с вами не поеду. Рассчитывайтесь.

— Вот провези ещё до конца этой просеки...

— Нет, ни за что. Рассчитывайтесь и освобождайте машину.

Нам пришлось покинуть «Волгу».

Вслед нам таксист что-то бурчал о космодромах.

А мы пошли пешком до конца просеки, где был обычный военный пункт — проходная с воротами. Постучали, вышел военный:

— Нам нужен Герман, — сказал Назарчук. Оказалось, что Герман — это вовсе не Титов, а молодой улыбающийся офицер. «Он секретарь комсомольской организации отряда», — пояснил мне Назарчук.

Нам выписали пропуски, Герман немного проводил нас:

— До школы доберётесь сами? — спросил он. — Там вас встретит Елена Александровна. А коли я буду нужен — звоните, — и он начертил Назарчуку номер телефона на бумажке. — Удачи! — сказал Герман, уже как бы обращаясь ко мне.

— Спасибо, — ответил я.

— Вот видишь, Герман чувствует, от кого зависит удача! — улыбнулся Назарчук.

И мы пошли. Как только лесная просека окончилась, перед нами засиял огромный город с девятиэтажками. Вот это и есть Звёздный!

Как-то очень быстро мы отыскивали школу. Оказывается, именно там и проходило торжественное собрание по поводу пятилетия первого полёта человека в космос.

Также легко мы нашли Елену Александровну. Она подошла к Назарчуку, как к старому знакомому, а потом они сидели рядышком и болтали; причём со временем настолько приветливо, что я даже подивился, насколько Арнольд мог быть обаятельным. Он на самом деле был симпатичным мужиком, глаза у него ясные, улыбчивые, умные, обрамленные длинными выразительными ресницами.

Но сразу приступил к ремонту «Эстрадина», сиротливо стоящего на сцене. Всё оказалось очень просто: блок питания при включении не давал напряжения, а трансформатор усиленно грелся. Я отвинтил плату блока питания, и — оказалось, что один из пистонов протёр при транспортировке краску на каркасе инструмента и закоротил на массу. Достаточно было вырезать кусочек прессшпана по размеру блока питания и подложить его под плату... Всё заработало прекрасно. Я сыграл «Песню Сольвейг» (на большее меня не хватило), и цветомузыка легко и нежно включилась в сопровождение. Елена Александровна, которая и так цвела под воздействием рук Назарчука, расцвела ещё боль-

ше. «Боже, как красиво!» — сказала она, и Назарчук согласно закивал ей. «Как жаль, что ребята этого не послушали... Леонов был бы рад больше всех, он у нас художественная натура!» И думалось: вот если бы я сразу с ними поехал, не было бы этого конфуза, ведь весь ремонт занял три минуты!

Ну, что оставалось делать? Мы показали, как включать-выключать инструмент, как переключать органнй синтез тембров... Елена Александровна заторопилась домой, и Назарчук не очень обрадовался этому... Но мы позвонили Герману, и тот сказал, что едет в Москву, с удовольствием нас заберёт с собой и отвезёт, куда нам надо. А надо нам, оказалось, на Киевский вокзал, где мы с Назарчуком купили билеты на ближайший поезд «Москва-Киев» и попрощались с Германом. Ехать нам до Киева оставалось часов девять, и мы с удовольствием устроились в купе, где нас оказалось только двое. А ещё Назарчук из Звёздного городка позвонил, чтоб его и меня встретили его персональные водилы на вокзале Киева.

Словом, всё складывалось неплохо. Не знаю, насколько Арнольд Григорьевич пенял себя за непредусмотрительность, но я был доволен — я сделал хорошо ту мелочь, которая была мне доступной.

Мы перекусили какими-то пончиками, попили чая. Назарчук вдруг сказал:

— А ты понимаешь, что ехать нам почти девять часов, и столько времени у тебя никогда не будет, чтоб поговорить с шефом? Ты хочешь со мной поговорить?

— Конечно, мне многое надо вам сказать.

— Отлично. Тогда ты позволь для начала мне задавать вопросы, ты не против?

— Нет, разумеется я только за.

— Тогда скажи мне, почему ты не принял на работу Гринберга? Ведь он приходил к тебе?

Опаньки! Оказывается, Назарчук и об этом знает! Гринберг, бывший секретарь комсомольской организации завода, недавно получил диплом заочного института.

Любитель словесных конструкций, закулисных махинаций и тайных интриг, но нулевой инженер, обещал вскоре стать большим начальником. Я интуитивно отверг его, и дальнейшее будущее показало, как я был прав...

— Исаак Павлович любит командовать. У нас бы с ним не получилась дружная работа. Обязательно возникли бы конфликты. А он упёртый, будет идти напролом, до конца. Приняв его на работу, я бы угробил электромузыку.

— Но ведь с Волошиным у тебя тоже есть конфликты?

— Нет, абсолютно. Мы с ним можем до чёртиков спорить, но это большая дружба, это общий поиск. Вот мы сейчас сообщаем работаем над электробаяном. Идея, в принципе, его. Но я хотел бы делать электробаян с выемкой всех натуральных голосов и так, чтобы мех баяна управлял электронным звуком. А Волошин настаивает на сохранении натуральных голосов. При этом мы теряем ёмкость внутренностей баяна, и для электроники надо делать отдельный блок. Это одно разорение. Второе в том, что контактную систему баяна надо соединить с электронным блоком кабелем, содержащим более ста проводов. И держать педаль для управления электронными голосами. Получается, в общем, дороже и некомфортно. Но, с другой стороны, я не могу не согласиться с чисто сельским подходом Виталия: такой баян, как он хочет — это мечта всех баянистов Союза: хочу — играю как умею, а хочу — играю как хочу. Понимаете? И я уже почти сдался, потому что Виталий мудрее: этим баяном мы покорим почти всех баянистов. Там будет мало новизны, но всё окажется интереснее и мощнее. Мы обя-

зательно найдём консенсус, потому что мы уважаем друг друга.

— А что вас объединяет с Царенко? Вроде неоднозначный мужик. И пьёт иногда много.

— Царенко — это особая статья. Мы как-то так подружились, что я не могу сейчас однозначно ответить. Я его просто люблю. Вы согласны, что такое может быть? Это вихрь. Это что-то за пределами разума. Но он так же нежно относится ко мне. Он не находит в своём пространстве аналога по уму, по содержательности, по соответствию себе. Он восторгается мной — я восторгаюсь им. Это особая категория отношений двух настоящих мужиков. Что делать, если пьём — пьём вместе... Точно так же сдерживаем друг друга. Вот ездили мы с ним в Яремчу зимой, катались на лыжах. Поверите, мы за все 12 дней ни разу не выпили. Нам было и так хорошо.

— Ладно, это недоступно моему пониманию... Меня очень интересует, где ты берёшь литературу по электромузыке? Насколько сталкивался, ни хрена не нашёл в библиотеках.

— Да, это большая проблема. В советской литературе почти ничего нет: пара любительски изданных брошюрок. Но зато в библиотеке Ленина я нашёл две американских книги довольно большого формата. Я обратился туда с официальным письмом, на основании которого они мне выдали эти две книги на месяц. Я их перевёл и пользуюсь. Но дело в том, что мы сами уже ушли дальше этих книг. Нас сдерживает более всего отсутствие нужных микросхем, что за рубежом — не проблема. Но мы эту задачу думаем решать по-своему.

— Это как — «по-своему»?

— Видите ли, я побывал уже на всех предприятиях, которые лепят что-то электромузыкальное. Перечислю: Муром, Брянск, Запорожье, Рига, Вильнюс, Москва, Правдинск, Псков

и др. Я думаю, надо провести всесоюзную конференцию, затем на ней избрать постоянно действующий орган, который будет разрабатывать задания для отдельных предприятий — ведь только Брянск, Запорожье и Вильнюс способны нас всех снабдить нужными микросхемами, которых мы иным путём никогда не получим. Но мы должны изготовителям микросхем обеспечить коллективную потребность. Только в этом случае это будет реально.

— О, это замах по-купчески! И как дело сейчас движется?

— Я думаю в 70–71 гг. мы проведём эту конференцию. Может, нам придётся Житомир сделать центром конференции. Но мы в этом случае будем как бы и центром раскрутки погоды. Это важно.

— А можешь подробнее рассказать о сподвижниках в области электромузыки?

— Конечно, это даже интересно. Мы с Володиным объездили и разыскали почти всех. Прежде всего, о старейших. Ранее всех — это Термен Лев Сергеевич, изобретатель первого в мире электромузыкального инструмента «Терменвокс» (1919г.). У него прямо неправдоподобная история. Ленин интересовался и слушал «Терменвокс», сам пробовал играть. Хитрость Термена заключалась в том, что контур, генерировавший тона, был с предельно большой индуктивностью и малой ёмкостью между антенной и рукой музыканта. Это позволило расширить мензуру, то-есть игровое поле, в котором двигалась рука музыканта, извлекая фантастические звуки. Затем его послали в США, как говорили тогда — пропагандировать отечественное изобретение. А на самом деле он получил от ВЧК задание шпионского типа. Но потом руководство ВЧК сменилось, тогда ещё не вели документации, как положено, и Термен для ВЧК перестал быть помощником и

начал подозреваться в негативной деятельности. Ему приказали вернуться в Москву и арестовали по прибытии парохода в Питер. А далее было 15 лет заключения в «шарашке», где его приобщили к полезной инженерной деятельности. В частности, он много сделал для развития отечественного телевидения. Сейчас он, почти 80-летний старик, работает в акустической лаборатории МГУ.

Затем идёт очень эрудированный, грамотный, интеллигентный Андрей Александрович Володин, автор отличного умного инструмента «Эквордин», прообраз которого появился ещё до Отечественной войны. Ныне Володин работает главным инженером Первого Московского радиозавода, продолжает совершенствовать «Эквордин». У него масса авторских свидетельств, Золотая Медаль Брюссельской выставки 1959 года.

Встречались мы также с Игорем Дмитриевичем Симоновым, работником лабораторий Московского Радио и Телевидения. Он — автор множества инструментов, в частности автоматической камертонной станции, которая передаёт стандартный сигнал Московского радио — позывные «Широка страна моя родная».

Теперь о наших современниках. Мы первыми в стране начали выпуск электромузыкальных инструментов, но уже на Московской ярмарке культоваров, где я был с «Эстрадином», муромчане показывали первый образец своей «Юности». Им здорово помогал Мещерин, руководитель Ансамбля электромузыкальных инструментов Всесоюзного Радио. В частности, он демонстрировал «Юность» на этой ярмарке. Авторы «Юности» — Владимир Григорьев, Вадим Гордеев и Саша Сахаровский. Только последнему повезло: он в Муроме получил квартиру. А Григорьев через некоторое время оказался в Запорожье на полупроводниковом заводе, где получил квартиру и возглавил направление.

Вадим Гордеев, тоже «обиженный» муромчанин, перекочевал в Брянск на завод полупроводниковых приборов, где со знанием дела начал разработку ЭМИ. Со всеми этими ребятами я поддерживаю деловые связи. Есть ещё Рига, где на музыкальной фабрике Карлис Грундштейн разрабатывает ЭМИ классического плана — электроорганы. Ему помогают Карлис Рутенталс и сам «великий латыш» Раймондс Паулс. Я тоже с ними регулярно контакту, у нас есть виды на сотрудничество. Вот, в принципе, основное ядро нашей совместной деятельности. Есть ещё в Вильнюсе ребята, работающие на полупроводниковом заводе, где они делают хороший элек-

троорган «Вильнюс», но они малоконтактны, с ними ещё предстоит налаживать отношения. Ну и, наконец, в посёлке Правда под Москвой существует фабрика музыкальных инструментов, где командует парадом Леонид Кузнецов. С ним у нас очень хорошие постоянные связи.

— А что получилось с выделенной тебе от завода квартирой? Почему ты её не получил?

— Видите ли, моя мама сказала проверяющему из исполкома, что готова мне предоставить жильё. Правда, она не сказала ничего о том, что не собирается взять к себе мою жену...

— Ага, понятно... А как вы сейчас с женой живёте?

— Она, пока дочка очень мала, проживает у своей мамы. Но мама не совсем адекватна. Она как-то меня встретила словами: «Ах, негодяй, ты испортил мою дочь!», вслед за чем мне в голову полетели табуретки. Ясно, при таком противостоянии я не могу даже заходить проведать дочь. Так что, я живу сейчас отдельно, снимая жильё. Сейчас — это на Дмитриевской. Там старушка умерла и мне сдали её комнату.

— Лёня, я гарантирую, что ты получишь квартиру от завода. Мы над этим поработаем. Если меня на заводе не будет (а это очень вероятно), то для тебя всё сделает Николай Иванович Невмержицкий. Помни об этом.

(Действительно, в 1969 году мы с женой получили квартиру при самом активном участии Николая Ивановича. Назарчук в это время был переведён в Черкассы генеральным директором большого завода).

ВЗЯТИЕ КИЕВА

(1958)

Не хотелось бы затрагивать темы, не имеющие отношения к электромузыке, более того, ворошащие личное. Но будет тогда непонятно, что руководило моими дальнейшими поступками. Придётся коротко рассказать.

Отец мой закончил войну капитаном. Они все такие были после войны — молодые щеголи в ремнях, настолько счастливые, что выжили в этой мясорубке. Казалось — жить да радоваться. Но что-то было другое у них на душе: они научились хорошо воевать и не могли с этим расстаться вот так просто. Им надо было встречаться ежедневно и за стаканом водки вспоминать... Мне казалось тогда, что все вернувшиеся с войны тогда крепко пили. И спивались...

Водка постепенно брала своё. Мать после родов младшенькой совсем сдала — превратилась практически в лежащую больную. А отец был ещё молод, весел и пьян. Вдовушек, страдавших по мужскому теплу хватало...

Короче, назревало неминуемое.

И случилось это как раз тогда, когда я в Одессе преодолевал второй курс.

Мать написала мне, что ей тяжело, что она не хочет, чтобы я бросал учёбу, но хотя бы перебрался поближе, в Киев, чтобы можно было чаще бывать дома (напомню: между Киевом и Житомиром 136 км.)

Дальнейшее всё складывалось как раз под этим знаком — помощь больной матери и малолетним короедам.

Я не стал действовать опрометчиво: окончил второй курс, взял выписку из документов

и летом поехал в Киев. Вспомнилось мне про Киноинженерный. Однако, оказалось, что такой институт больше не существует, он стал факультетом Киевского Политехнического института.

Достучался до проректора по учебной части. Думаю, просто повезло: вакансий на третьих курсах практически нигде не было, но именно на киноинженерном факультете на втором курсе формировалась группа по новой специальности — электроакустике. Даже то, что мне придётся стать «второгодником» — заново пройти второй курс, не умалило моей радости — надо же, как по заказу создаётся новая группа именно по специальности моей мечты! И досдавать разницы в часах не придётся. Красота!

Потом оказалось, что сюрприз не без подвоха: электроакустика — это было открытое наименование специальности. На самом деле, по требованию военных ведомств, нужно было готовить спецов по гидроакустике. Но я быстро успокоился: гидроакустика была просто отдельным предметом, остальные предметы у меня вызывали просто дикий восторг. Стипендия, кстати, была повыше, чем у других: я понял, что военные, видимо, добавляют всем, кто им остро требуется: обычные киноинженеры получали на сотню меньше. Более того — в Киеве с общежитиями было полегче; я сразу получил место в новой общаге номер пять по улице Шелуденко. Вот и есть пару рублей, которые я могу отдать маме!

В Одессу даже ехать не пришлось: документы пришли в Политех почтой.

И с чего началось у нас первое сентября в новой группе, как вы думаете?

Правильно, с колхоза! Месяц на кукурузе в Кировоградской области. Там мы все и познакомились.

В КРЫМ — БЕЗ ОШЕЙНИКА И ПОВОДКА

(1971)

Помнится — полное отупение от ночных бдений в сборочном цеху, от неразрешимых задач и задачек. Вызвал к себе в конце апреля Царь:

— Леша, едем к морю? Договорился в завкоме на две турпутевки в Ялту с пятого мая. Давай, решайся, пока Невмержицкий не передумал отпустить меня на две недели.

Собрались молниеносно, наши жены не успели опомниться — и вот уже «газон» Царя несет нас в Киев к поезду, аж брезент пузырится.

— Море еще холодное, но зато — никаких вопросов!— говорит Володя.

— Главное, забыть о работе, а искупаться можно и в ванной,— отвечаю я.

— Ямщик, не гони лошадей!— командует Царь своему шоферу Коле.— Нам предстоит ответственное дело: заправка перед полётом. Давай к ближайшему «Гастроному».

Взяли бутылку коньяку и бутылку «Столичной», кое-чего закусить. У Царя загорелись глаза на пиво. Еле отговорил братья с собой. Но по бутылке все-таки выпили тут же, в «газоне». На свободе Царь не удержим.

— Коньяк на пиво — это диво!— изрёк Володя.

— Глядите, чтоб не писать криво!— иронично усмехаясь, встрял Коля.

Он мог встречать: Царь был демократичен. Они друг другу многое прощали. Володя эксплуатировал его нещадно, но помогал и подкармливал.

К поезду на Симферополь успели вплотную.

— Ну, мужики, вы там, того, не очень,— напутствовал нас Коля.

— Цыц, Микола,— отвечал Царь,— твое дело — пригнать арбу в Борисполь по моему звонку. А сейчас — наслаждайся, парень, моим отсутствием. Становись на ремонт, а то вот-вот рассыплешься.

Пора была явно не курортная, в поезде было полно свободных мест, и в купе мы оказались одни.

— Леша, все к черту!— упивался свободой Царь,— на полмесяца забудем, что я коммерческий директор, а ты начальник конструкторского бюро! Мы с тобой вольные птицы, летящие к югу...

— Пия и курлыча!

— Мы с тобой романтики, легализованные турпутевками! Мы два осколка от «Трех товарищей»!

— Эрих Мария Ремарк?

— Да, Леша, ты — Эрих, я — Мария. Ремарк не смог поехать с нами, он куёт новый трактор, пардон, прибор...

— Эх, жалко Женю Лащука, но мы за него отомстим!

— Тогда наливай!

Покрасневшее от коньяка заходящее солнце неуклюже перепрыгивало весенние лужи на полях, едва поспевая за нами. Тогда поезд чуть-чуть попридержал, чтоб солнце не сбилось с дыхания. Это был Фастов, и на пороге купе возник глухонемой со своей продукцией. Пошлые вещи — гороскопы, пособие по хиромантии, портреты Сталина, переводы индийских текстов сексуального содержания, календари с лощеными женскими телами. Мы были выше этого — а сейчас настолько, что снисходительно приобрели на трешку индийский секс и изображение ладони с линиями судьбы.

— Маруся, давай руку, погадаю,— предложил я.

— Погоди, Эрих, — отмахнулся Царь,— тут очень завлекательные позы. «Парачхеда», — про-

чел он, и закатив глаза, мечтательно поката на языке: «Парачхеда»...

— Звучит, как ругательство,— сказал я.

— Причем, очень смачное. Почти как «тысяча чертей»! Парачхеда!

— Дружище! Мы летим на крыльях свободы! Гляди, Мария, солнце сдается! Ему не догнать нас!

И взаправду, налетев на курган, оно там и протянуло ноги, дрожащие от усталости.

— «Друг мой — третье мое плечо, будет со мной всегда!»— заорал Царь, выпучив на меня свои прозрачные глаза.

— «А если случится, что он влюблен, а я на его пути — уйду с дороги, таков закон: третий должен уйти!»— подхватил я.

— Леша, собака, ну почему мне всегда так хорошо с тобой?!

— Бум, бум!— сказал я, имитируя корабельные склянки.

— И никаких вопросов! Нет, ты не уходи от ответа. Ты скажи, почему так поет душа? Почему я с тобой никогда не скучаю?

— Потому что ты жутко наивный. Ты, Володя, самый наивный из коммерческих директоров. Но и прохиндей!.. Наивный прохиндей,— как тебе кажется, в этом что-то есть?

Царь расхохотался до слез:

— Ну что ж, видимо, это соответствует нашему времени. Мы с тобой есть продукт своего времени.

— Продукт времени... Помнишь, как мы хохотали, когда на Бердичевской улице открыли магазин под вывеской «Продукты детского питания»?

— А «Верной дорогой идёте, товарищи!»,— помнишь?

Это уже самое свежее. Наш идиотизм неисчерпаем. Такой плакат с ласково благословляющим Ильичем додумались повесить внутри в винном магазине. Зайдя с Володей на днях про-

полоскать горло, мы потребовали его снять, но заведующая нас никак не хотела понимать: есть указание повсеместно, в честь 100-летия и т. д. «Смех сквозь стиснутые зубы», как сказал бы Виталий Волошин.

Была славная ночь воспоминаний. Затем богатырский храп, заглушающий стук колес на стыках. В Симферополь приехали, когда пожух свет второго дня нашего путешествия. Осколки «Трех товарищей» тоже были слегка скукожены, но любопытство сильнее — я в Крыму впервые, поэтому все пытался сквозь тьму разглядеть окрестности, когда катили по серпантину на троллейбусе.

С Валентиной мы познакомились на автостанции в Ялте, где регистрировали поздно прибывших туристов. На базу «Турист» оказалось нас всего трое. Она вела себя игриво-эмансипированно, этакая дама из разряда «на одну положит, другой прихлопнет» с громадной копной соломенно-крашеных волос. По всему было видно, что не первый год она рвалась к югу и сейчас была полна решимости взять от отпуска все, что сумеет. Царь немедленно вступил в переговоры, любезно пропустив ее первой к окошку регистрации:

— Вы тоже в «Турист»?

— А что, так сильно заметно? — хихикнула она. «Боже, глупа, вот так компания»,— подумал я.

— Простите, а вы откуда?

— Из Орловской области, город Мценск.

— Леша, познакомься, «Леди Макбет Мценского уезда».

— Я не Макбет, меня зовут Валя,— игриво протянула мне ручку.

— Если я говорю «леди», то я знаю, что говорю,— отрезал Царь.— Или вы хотите сказать, что вы — не леди?

— Нет, почему, я... вообще...— растерялась Леди Макбет Мценского уезда.

— Ну вот, значит, так тому и быть. Мой друг, крупный поэт, Леша. Я — Володичка, тоже очень крупный, но композитор. «Как провожают пароходы, совсем не так, как поезда». Слыхали песню? Отлично. Значит так, слова его, музыка моя. Или вот это: «Мишка, Мишка, где твоя улыбка, полная задора...» То же самое. От сердца оторвали.

Валентина с недоверием смотрела на «крупных», она была на полголовы выше нашей мелкоты.

— Итак, решено, — Володя был во вдохновении, — мы берем над вами, Макбет, шефство. Пока я оформляюсь, Леша прочтет вам свои новые стихи.

— Тучки небесные, вечные странники, — тягуче начал я.

— Это же Лермонтов, — удивилась Леди, — вы напрасно меня разыгрываете — я учительница.

— Леди Макбет, это совершенно меняет дело. Я бы с закрытыми глазами доверил вам своих детей. Но мы сейчас не на школьной перемене, а в чужом, может быть, даже враждебном, краю. Поэтому задача — держать круговую оборону. Сплоченнее ряды, товарищи! Будьте добры, поселите нас где-нибудь рядом, недалеко друг от друга, — попросил он официальную даму за окошечком.

— Здесь все рядом, — ответила та.

Мы быстро разыскали жилище Леди Макбет, а затем и свое. Хозяева проводили нас в комнату, где уже был один жилец.

— Кто такой? — прицепился к нему Царь.

— Я... из Бердичева.

— О, земляк! — обрадовались мы.

— Зовут как? — потребовал Царь.

— Гангало... Слава.

— Это плохо. Что за фамилия — Гангало? Будешь графом Гонзаго. И не надо мне противоре-

чить, — скривился Царь, уловив протест на лице Славы, — привыкнешь, самому понравится. Ты прислушайся, ведь звучит же: «Граф Гонзаго», а?

— Слава, ты кто по профессии?

— Слесарь.

— Ну что ж, кесарю — кесарево, а слесарю — слесарево, — сказал Царь и достал уцелевшую «Столичную».

— Это для прописки, — объяснил я. — Не обращай на Марусю внимания: он всех хочет перекрестить по-своему. Это, понимаешь ли, один из способов уйти от суровых реалий жизни в выдуманный мир.

— А почему Маруся? — широкое лицо «графа» расплылось в улыбке.

— Побочный результат крещения. Рикошет, — объяснил Володя.

...Утро было сверкающе-солнечным, я ошарашено смотрел на цветущую глицинию, на мягко дышащую голубизну моря... Володя прозаично шипел:

— Леша, не отвлекайся. Нам надо торопиться на завтрак — 8.30. Сейчас — без 10 минут, а до рынка далековато.

— А на кой нам рынок?

— Эрих, ты меня поражаешь своей поэтической близорукостью. Мы должны обязательно запастись зеленью, мы будем лопать горы зелени, что за отдых без зелени?

Я не был сторонником зеленой диеты, но и в противниках себя не числил. Посему не противоречил.

Рынок оказался уютным, маленьким, по-домашнему тесным. «Зелень», т. е. пучок петрушки, мы приобрели без особых трудностей, но Царь продолжал беспокойно озираться по сторонам, что-то высматривая, и наконец лицо его прояснилось:

— Эрих, быстро за мной, дорога каждая минута!

Расталкивая публику, мы добрались до ларька, где молдаване продавали сухое вино.

— «Семильон», — прочел Володя, — это, пардон, цена или сорт?

— Цена двадцать пять копеек стакан, а семильон — это такой очень хороший сорт вина, — улыбаясь приветливо, сказал чернобровый молдаванин.

— Ну, это на чей вкус! — засомневался Царь.

— Могу налить, попробуйте! — и подвинул Володе полстакана розовой жидкости.

— И ему налей пробу, — потребовал Царь, показывая на меня. Молдаванин улыбнулся, налил. Даже больше. В нем гнездилась тонкая психология частного; он безошибочно определил новых постоянных клиентов и не скупился — окупится.

Мы выпили «пробу», с видом знатоков поцокали языками, похвалили товар и приступили к делу.

После второго стакана нам стало совершенно ясно, что на завтрак идти нет никакого смысла, тем более, что рядом продавались изумительные дымящиеся, томно истекающие мясным соком чебуреки. Царь чувствовал себя, как на троне, он воздавал хвалу молдавскому солнцу, рукам, растившим лозу, цитировал Омара Хайяма, произносил красивые тосты на грузинский манер. Он поражал гостеприимного молдаванина знанием сортов винограда, и я, потрясенный, вдруг вспомнил, что Царь-то по образованию пишевик! Молдаванин заметно стал серьезным и очень уважительно тряс руку Володе, прощаясь.

— Самое время обедать,— посмотрел на часы Царь, когда мы покидали рынок.

Увядший пучок «зелени» остался сиротливо лежать на прилавке «семильонщика»...

Валентина держала нам два места. Четвертым за столом был граф Гонзаго!

— Вы прогуляли завтрак,— учительница есть учительница!

— Не смогли присутствовать — творческое вдохновение! Вот написали с Лешей еще одну песню. «Вдыхая розы аромат, тенистый, что ни на есть, сад...», а музыка его: «Ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла...»

— Володя, композитор же вы! — разоблачила Леди Макбет.

— Ерунда,— сказал я,— после третьего стакана он забывает ноты, и, когда это случается, я работаю за него.

Царь её явно покори́л. От неё исходило теплое облако обаяния и окутывало его с ног до головы. Заметил я также, что граф Гонзаго нервничает — ему нравилась златокудрая Валентина.

Выяснилось даже, что интерес её к Володе был подкреплен изучением анкетных данных: видимо, через «стол регистрации» она почерпнула правдивые сведения о нас.

А мне суждено было в течение последующих пиршеств в турбазовской столовой наблюдать одну и ту же картину: неотразимо вдохновенный Царь — слева, игривая хохотушка Валя — в центре, изливающая на Володю ушаты своих чар, и ломкий нервный Слава — справа, не сводящий с Валентины тревожных глаз.

...Девятого мая, поздравив своего молдаванина с Днем Победы и распахнув сердца, мы направились к священному холму с циркульным пантеоном Славы, куда стекались — не по призыву, не по обязанности, а по чистому порыву души — тысячи ялтинцев и отдыхающих. Медленная вереница торжественно молчащих граждан тянулась туда, вверх, к Вечному огню...

Мы держали в руках букеты тюльпанов, молчали, думая, наверно, об одном и том же. Возложив цветы, взглянули друг на друга — в глазах стояли слезы, и мы не стыдились их. Может быть потому, что это были последние чистые родники, бьющие изнутри нас сквозь траву и пошлость нашей никчемной жизни.

— Жаль, все реже и реже,— сказал Володя, когда мы спустились вниз,— но иногда накачивает такое острое чувство Родины... и еще — вроде меня обокрали...

— Мы сами себя обкрадываем, Царь.

— Не скажи. Порой такое ощущение, что мне надавали по рукам: этого не трогай, того не трогай! Социалистическая собственность — вроде я хозяин ее, хозяин страны, но на деле я этого не чувствую. Мне ничего нельзя. Говорим одно, делаем другое. «Пьянство — зло!» — говорим мы официально... и все пьем, связанные круговой порукой. На собраниях — славословие, в курилке — анекдоты. Учим Пушкина, а косноязы-

зычны, как пещерные жители. Какая-то двойная жизнь во всем, везде.

— И мы сами двойные...

— Да, Леша, да! Ты вот, к примеру, прекрасный идеалист, зажавший душу на алтарь своей ненасытной электромузы, и ты же, не удивляйся, ты же — чистейший прагматик!

— Помнишь, я тебе то же самое говорил: ты наивный прохиндей!

— Помню, это очень верно сказано. Мы все, как чемоданы с двойным дном.

— Мы потерянное поколение. Мне тоже иногда кажется, что нас уронили с какого-то там этажа и забыли поднять.

— Мне жаль детей наших. Боюсь, что и они не смогут жить цельно. И Родину мне жаль. Жаль потому, что пока трезв, я о ней плохо думаю, несясь в общем потоке откровенного грабежа Родины. А когда я пьян, то слезливо ей предан и хочу вымолить у нее прощения. Но что проку Отчизне в пьяном, опустившемся сыне?..

Мы еще долго так шли в раздумье, выкуривая сигарету за сигаретой, облегчившиеся исповедью и очистившиеся душой, пусть хоть на короткий срок...

...Она возникла не сразу, а так, как возникал на ялтинском рейде «Адмирал Нахимов» — медленно нарастая, пока белая грудь красавца-корабля не подминала под собой причал, становившийся сразу игрушечным.

На ней был ярко-белый брючный костюм, а волосы, сбитые в неведомой силы взрыв, отливали малиновым серебром.

«Серебристая чешуйка звёздной пыли», — остановив меня рукой, процитировал Царь «последнего романтика».

— Малиновый звон, — уточнил я, и стало вдруг тоскливо и одиноко, как от потери. Зато глаза Царя, обычно почти бесцветные, полыхали малиновым пламенем.

— Подойдем, — сказал он, но я, покачав головой, ушел в тень деревьев и присел на траву. Сидел долго-долго, жуя травинку и сплевывая зеленую слюну на пробежавших мимо муравьев.

Он уже стоял перед ней, убеждая и жестикулируя. Свет солнца пронизывал его редкие волосы и кабинетную фигуру, забывшую спорт. Гриф-стервятник — и белая лилия.

Она была кинематографично прекрасна: высокая грудь парусила тонкую ткань блузы, а талии могли бы позавидовать обижаемые мною муравьи.

— Сенатор, мы идем сегодня в ресторан! — заявил Володя, вернувшись с «переговоров». Я уныло поинтересовался:

— Уговорил?

— Не спугни птицу, брысь! Боюсь утверждать, но... Одним словом, я хочу ее видеть.

— В ресторане?

— Пойми: синьора приглашена друзьями в «Ореанду». Говорит, хотела бы изменить планы, но поздно. А я жажду ее видеть. Какая женщина! — почти зарычал Царь.

За обедом план приобрел очертания культ-похода. Леди Макбет взвизгнула:

— Ой, какая прелесть! Я сто лет не была в ресторане!

— Может, поэтому ты так хорошо сохранилась? — поинтересовался я.

Граф Гонзаго, страдая, отказался идти с нами.

Вечер был полон очарования, ансамбль пел с одесским акцентом, мы заказали кучу вкуснятины и много сухого.

— Володичка, пригласи даму, — томилась Валентина.

Но глаза Царя шарили в другом конце открытой веранды, где происходил седой малиновый взрыв.

— Белладонна, — произнес я.

— Чего? — невнимательно переспросил Царь.

— По-итальянски значит «красавица».

Царь удовлетворенно кивнул.

— И еще есть растение такое,— язвительно продолжал я. — Отрава, кстати, жуткая...

Но Володя уже не слышал. Он ринулся в бой.

— Налей мне вина,— попросила Валентина. Губы у нее дрожали.

Они танцевали невдалеке — странная пара, плывущая медленно в табачном дыму. Я разглядел, наконец, её лицо, самодовольно уверенное, как у гедеэровской куклы.

— Она сидит с иностранцами,— сообщил Володя, вернувшись за столик.

Я посмотрел на сияющую огнями громаду «Адмирала Нахимова».

— Подумаешь,— сказала Леди Макбет, налегая на сухое. Закурила — и дым запутался в ее волосах.

— Пойдем отсюда,— попросила она, когда Царь снова исчез.

— Неудобно как-то,— ответил я.

— Ну, тогда я сама...

Мне стало совсем не по себе.

— Идем, попрыгаем,— предложил я.

Попрыгали. Ее увесистая грудь плясала отдельно от нее, исполняя свой собственный танец.

После танца, вдруг захмелев и расплывшись, стала рассказывать о своей нескладной жизни. Тривиальная история — одна с дочкой. Мужа спровадила: пьянствовал, бил смертным боем, ревнуя затуманенными мозгами, пытался повеситься. Делирий.

Царь и вовсе пропал. «Серебристая чешуйка» выделяла кренделя с представителем западной цивилизации, а Володя, пристроившись за их столиком, шпрехал со вторым иностранцем, думаю, убежденно защищая наши ценности. Чему-чему, а этому нас научили.

Леди Макбет разбила фужер. Я подал знак Володе: мол, уходим. Он отмахнулся, ему было

не до нас. Я подозвал официанта и рассчитался. Леди Макбет с врожденной предусмотрительностью сунула в свою сумку недопитую бутылку «Цинандали» и начала сгребать на салфетку недоеденную вкуснятину. Что ж, за все уплачено. Дать пропасть добру — противно естеству женщины, привыкшей считать каждую копейку.

Она стала нетвердой в ногах и несдержанной в речах. Посему мы сделали крюк мимо оживленных кварталов и аллей, натываясь в темноте на какие-то кусты и ограды. Пошли вверх по склону, где все запахи заглушала цветущая сирень.

— Ой, каблуки проклятые, не могу больше, давай сядем,— захныкала Валентина.

Сели. Достала бутылку — немного «побульки» из горлышка. На душе было паскудно-тревожно.

— Поцелуй меня.

Во, даёт! Совсем развезло нашу Леди.

— Ну поцелуй же, ирод!

Губы у нее были большие, мокрые и душные, как мидии. На языке я почувствовал крупинку табака, хотел сплюнуть, но постеснялся обидеть, снял пальцами.

— Ну,— сказала она.

— Что ну?— не понял я.

— Чего же ты меня не раздеваешь?

— Считаешь, что это необходимо?

— Лешенька, не притворяйся,— запела она гнусным меццо-сопрано, — что нужно мужику: баба пьяна и расположена, почему бы не воспользоваться?

— Валя, перестань,— попросил я.

— Синьор импотенто?— продолжала хамить Леди Макбет.

— Дай лучше вина. Мы, алкоголики, специалисты узкого профиля,— попытался отшутиться я.

— Синьор импотенто?— повторила Леди, и в ее голосе появился металл.

— Дура. Пьяная дура,— сказал я.

— Вы кретины и недоноски,— закричала Валентина, — Вы все пропили, все! У вас для нас ничего не осталось — ни ласки, ни души, ни тела! Проклятые импотенты, вы ни на что не способны!..

— Прекрати, Валя! Слышишь? Прекрати — тебе же будет стыдно,— увещевал я, хватая ее за руки, как за крылья мельницы, но она продолжала верещать в истерике.

— «Я женщин не бил до семнадцати лет, В семнадцать ударил впервые»,— вспомнил я песню Высоцкого.

— «Теперь на меня просто удержу нет, направо-налево я им раздаю чаевые!»— заорал я, заглушая ее вопли, и звонко шлепнул по мокрой щеке. Изо всей силы шлепнул, не жалея. Звон этот застрял в ушах, потом его медленно начал вытеснять стыд.

Она замолчала. Села, достала платок.

— Тушь, наверно, совсем расплылась,— пожаловалась своим обычным голосом. Наткнулась на бутылку.

— На, выпей, тут еще есть чуть-чуть.

— Тебе, Валь, это нужнее. Пей,— сказал я.

— Нет, Леша, я не буду. И так уже... А Володька твой — все же кретин,— подвела итог.

— Нет, Валя. Он просто обыкновенно несчастливый человек. Потерянный, как и все мы.

— Ты не такой.

— Нет, такой же.

— Не надо, Леша. Я знаю. Я много чего повидала.

— Ну, тогда по домам, а?

— Пошли,— поднялась, оправляя платье. Я отшвырнул бутылку ногой. Из нее забулькало.

— Дурак, выпил бы, зазря пропало,— сказала Валентина.

Дома Царя не оказалось. Граф Гонзаго сидел злой и молчаливый. Мы сгоняли с ним несколько партий в шахматы, но оба были невнимательны. Это не игра, когда сплошь зевки.

Царь явился полночь и языком не ворочал. Мы стащили с него все, что удалось, и как колоду подкатали под одеяло. На завтрак ушли — он еще спал. Потом пропал, не видели его ни за обедом, ни за ужином. Валентина была печальна, но очень внимательна и предупредительна со мной. Вдвоем шатались по городу, по магазинам, сходили в кино на «Ромео и Джульетту»...

Явился домой, когда стемнело. Царь храпел, завалившись с ботинками на покрывало. Граф Гонзаго доложил, что выловил его одинокого и в стельку пьяного на пляже. Он шел, шатаясь и загребая ногами крупную гальку.

— Боже мой, ну разве можно так напиваться!— сказала одна из отдыхающих, прижав к груди свое платье.

Царь ошалело уставился на нее:

— Но я же напился!— еле шевеля непослушным языком, произнес он. — Значит можно!

Три дня после этого он лежал пластом, кисло морщась и с отвращением сплевывая в грязную сорочку слюну, полную желчи. Больная печень сообщала о себе таким образом.

Мы с Валентиной путешествовали. Были в Ливадии, в Алуште, Симеизе, лазали по горам и всяким дендропаркам. Между нами установились теплые доверительные отношения без всякого намека на флирт. Когда с нее сошел налет вульгарной раскованности, когда она стала такой, какой была, вероятно, в привычной обстановке, мне стало казаться, что она отличный мужик.

Купались, но далеко не заплывали. С камней ловили с пацанами барабулек. Загорали, читали, спорили, делились нехитрым опытом нескладной своей жизни. Оклемавшись, к нам присоединился Царь.

Как-то мы остались с ним вдвоем, и я спросил про «малиновый звон». Не ожидал такой реакции — его лицо прямо-таки свело судорогой.

— Знаешь, Леша, она, оказывается, проститутка...

— Да все они...— начал я, но он прервал:

— Нет, ты не понял. Она, эта... понимаешь, профессионалка... Это ее работа, ее деньги. Я, видишь ли, ей был экономически невыгоден. Ты вдумайся, она мне так и сказала: экономически... она встречается только с иностранцами, берет валютой и шмотками. «Ореанда» — это ее, так сказать, рабочее место...

— Как ты узнал об этом?

— Она мне сама все выложила. Чем-то расположил ее, что ли. Для меня это, конечно, был конец света, а для нее... Она ведь для того и сказала, чтоб я не путался под ногами. И еще, самое подлое... ты слышишь?

— Что? Я слушаю.

— Самое подлое... Она мне сказала... Парачхеда! Вобщем, она мне предложила милостыню, из сочувствия, понимаешь? Мне!

Дальше последовали выражения, которые я упускаю.

— Белладонна,— сказал я.

— Вот за что я тебя и люблю,— произнес Царь,— за дар предвидения и тонкие определения.

— Нет, брешешь,— возразил я. — Ты просто самовлюбленный болван и любишь поглядеться в зеркало...

Мы решили отпраздновать «очищение» у молдаванина. Пригласили Валентину. Было, как после дождя, — звонко и весело. Молдаванин был сама любезность.

— У вас прекрасная дама и очень хороший вкус,— сказал он Царю.

— Это не моя дама, это вон его. Моя дама обслуживает только интуристов.

— Я ничья,— заметила Валентина,— я кошка, которая бродит сама по себе. У вас замечательное вино.

— Очень рад, что вам нравится. Редкая женщина разбирается в винах. Но вы разбираетесь, и это очень приятно. Разрешите, я в честь этого тоже выпью вместе с вами?

— Давай, за наш счет,— сказал Царь.

— Нет, позвольте я вас угощу. Я себе редко такое разрешаю, но вы мне очень нравитесь. Вы какие-то не совсем обычные люди.

— Эх, Михай, как ты ошибаешься,— сказал я.

— А как вы узнали мое имя? — удивился он.

— Очень просто. Обыкновенная хиромантия,— я достал из полиэтиленового пакета фотографии, приобретенные в поезде.— Вот, держи, я тебе дарю. Изучай, Михай, свое будущее по линиям судьбы. Странно, что ты не в курсе. Ведь ты почти цыган?

— Нет, цыгане — это совсем другой народ.

— Но ты похож. Так что осваивай.

— Дорогие, вы когда собираетесь уезжать?

— Послезавтра, — ответил Царь,— как мы без тебя будем, Михай?

— Я вам оставлю память тоже. Придите, обязательно придите ко мне перед самым отъездом.

— Спасибо, Михай, ничего нам не надо. А выпить на прощание обязательно зайдем. И попрощаться. Пока.

— Ну ты меня удивил, Леша,— сказала Валентина, когда мы вышли с рынка,— ты действительно хиромант?

— Нет, я просто однажды слышал, что его Михаем называл сменщик.

— А все же жалко уезжать, ребята,— сказал Царь, — что-то я здесь вроде оставляю, какую-то часть себя.

— Ничего, не горюй, ты увезешь больше,— успокоил я, ликуя в душе созревшему замыслу. Пошептался с Валентиной, она запрыгала от восторга, как слониха...

Вечером, перед самым отъездом, мы совершили с Валентиной три ходки между домом и пляжем, каждый раз неся в руках по два-три округлых, отполированных водой, камня. Затем аккуратно начинили этим галечником чемодан Царя, ушедшего с графом в кинотеатр. Мы замаскировали этот «подарок» Царевым бельем; сунули по камню в каждый носок. Когда я попробовал поднять чемодан, мне стало страшно — и три камня мы выбросили.

— Бедный Вова,— сказала Валентина.

— Ничего, — ответил я. — Должен же он что-то привезти домой, кроме разочарований? Что-бы вспоминать?

— Это будут самые тяжкие воспоминания,— грустно сказала Валентина.

...Михай нам преподнес совершенно невероятный подарок: десятилитровую плетеную бутылку, полную обожаемого нами «Семильона». У Володи пропал дар речи, я тоже был немало смущен. Мы выпили на прощание по стаканчику вина все вместе, обнялись и расцеловались, как самые близкие родичи.

...Это надо было видеть, как Царь пер свой чемодан!

Пот заливал ему глаза, редкие волосы его полиняли и опустились беспомощно на уши. Глаза были полны невыразимого страдания.

— Ребята, не спешите,— увещевал он,— о, проклятый чемодан!

Я уж и рад был бы ему помочь, но, кроме своих вещей, тащил подарок Михая.

— Парачхеда,— стонал Царь, — чемодан вроде набит камнями.

Мы переглянулись с Валентиной: как он был прав!

— Пить надо меньше,— сообщила наставительно Леди Макбет.

Когда забрались в троллейбус, у Володи мелко дрожали руки.

— В горле пересохло,— сказал он,— а с этой бутылкой в самолет все равно не пустят.

Прав он был или нет, проверить нам все равно не удалось.

Мы пили сами и угощали весь троллейбус. Народ был легкий — отдыхающие! «Семильон» сплотил коллектив, нашелся чудака с гитарой. В Симферополь мы прибыли охрипшие.

Сдали вещи в камеру хранения, проводили Валентину на поезд. Прощай, Леди Макбет Мценского уезда!

В аэропорту, в предвидении доплаты за груз камней, я решил признаться Царю в нашей проделке.

— Ах, черти,— добродушно рассмеялся Царь, — а я то думал, что с перепоем так тяжело. Ругай себя последними словами. Ну, нет уж, раз до аэропорта дотащил, так довезу и домой — в Борисполе Коля встретит.

— Царь, а Царь,— попросил я,— подари мне хоть один камешек? Я в аквариум положу...

Когда в 2000 году я возвратился в Житомир после 15 лет «Иркутской ссылки», стал разыскивать Царя.

Но мои потуги были бесполезны. В старой квартире, где семья Царя проживала на ул. Щорса, жили незнакомые люди, которые ничего не знали о Царе. Единственное, что мне стало известно, что жена Царя вместе с дочерью Тиной переехала в Киев. Но адрес их был утерян. Кто-то мне сказал, что его надо искать в старой квартире родителей на улице Любарской. Я сходил туда, но совершенно напрасно: там тоже жили незнакомые люди, которые ничего не знали, где может быть Царь. И вот совершенно случайно я встретил на улице Киевской Лёшу Зверева. Он был совершенно беззубый и пьяный, и что он говорил, было вовсе непонятно. Но мне удалось записать адрес: улица Витрука, 53, кв 14. И тог-

да я взял бутылку домашнего вина, купил колбасы, булочек и т.д. и отправился на Витрука. В комнатке на двух кроватях валялись бичёвского вида женщины, одетые как попало.

Царенко сидел на кухне на табуретке и жадно глядел на меня.

— Ты что принёс, Лёня?— спросил он,— Мне, знаешь, очень необходима материальная поддержка. Хоть рубль, хоть два...

— Володя, я принёс продукты и вино. Хочу с тобой выпить за нашу встречу.

— Отлично, наливай!

И он быстро выпил полстакана вина, которого я ему налил. А дальше началось что-то совершенно страшное. Он почти отрубился, по его устам покатались слюни. Он стал невменяемым, больше я от него ничего не смог добиться. Какое-то невнятное бормотание — и всё. Я вышел к тёткам и спросил, что с Володиёй происходит.

— А он всегда так,— отвечали тётки, не вставая с постелей.

— А вы что тут делаете?

— Мы в гости пришли.

«Ага,— подумал я.— Гости, блин.»

Напустил на себя милицескую строгость и потребовал, чтоб они быстро убрались и забыли сюда дорогу. И они ушли. Причём очень резко. Затем вызвал «Скорую помощь». Когда врачи приехали, я стал с ними договариваться, заплатив им по 50 гривен.

— Мне надо мужика госпитализировать. Хотя бы в терапию, куда угодно. Вы сможете это сделать?

Врачи согласились отвезти его в терапию Первой больницы. Обещали, что там его примут. Я разыскал в карманах Царенко ключи от квартиры. Запер дверь, и мы повезли его в Первую Советскую. Подняли мы его на этаж терапии, а я стал разговаривать с лечащим врачом.

Как мы достигли взаимопонимания, пусть останется нашей тайной. Однако была совместно разработана программа оздоровления: почистить кровь, накачать витаминами и прочее. К моей радости, я уже на седьмые сутки услышал так знакомые начальственные нотки в его голосе. Дело пошло! Он мне задал вопрос — а от алкоголизма лечить будешь? Я сказал «нет». Потому что лечить от алкоголизма — это калечить.

— Тебе, мой друг, надо просто бросить пить. Года на три. Хочешь жить — давай выполнять. А потом посмотрим, как здоровье позволит. А ещё тебе нужны постоянные интересные занятия. Я работаю кроссвордистом в московском издательстве. Кроссворды — это очень интересная работа, особенно для нас, стариков. Будешь мне помогать, а я тебе за это буду платить, потому что получаю достаточно высокие гонорары. Нам денег на обоих хватит. Хорошее питание, отсутствие водки — для нас обоих спасение. Будешь приезжать ко мне домой, с огорода питаться, будем на твоём базарчике покупать тебе молочные продукты, творог, сметану...

— Лёня, я тебе признаюсь, у меня полно вшей...

— И это решим, большое дело! Ты с врачом говори полностью обо всём откровенно. Я с нею хорошо законтачил, она понимает все задачи, как тебя на ноги поставить.

— Мне надо зубы вставить...

— Потерпи, мне тоже пора ремонтироватьсь. Но на это надо довольно много денег. Будем зарабатывать — всё сделаем.

— Бог мой, какое счастье, что ты у меня есть!

— Я тоже тебя люблю, старого засранца! Всё! Давай поднимайся, ходи побольше, чтоб мышцы не атрофировались...

И пошла у нас новая жизнь... Три года Володя абсолютно ничего не пил. Я тоже его в этом поддерживал. Он по моему заданию достал в читалке Областной библиотеки сборники

«Крокодилов» и составлял список весёлых определений к кроссвордным словам. Из этих слов я составлял десятками американские кроссворды и заставлял его бродить по редакциям газет и продавать им кроссворды. Платили там немного — 10–15 гривен за один кроссворд, но Царенко так насобачился их размещать, что оставалось только радоваться и увеличивать их производство. А за составляемые им словники, я ему платил 50 гривен за сотню слов. Он меня буквально завалил своими словарями, а я был рад тому, что он работает. Я помог ему рассчитаться со старыми долгами — за квартиру, за свет, за газ. К нему домой приходили Мамыкин и другие друзья, иногда у него выпивали, но он — никогда, он твёрдо держал данное мне слово. Так до конца жизни он и не выпил более ничего...

26 февраля 2004 года ночью ему стало плохо с сердцем. Соседка помогла вызвать «скорую»; врачи ему что-то укололи, после чего он стал хрипеть и скончался...

Так я потерял своего лучшего старейшего друга... После похорон я сам напился и за него, и за себя. И неделю потом выздоравливал, слоняясь по огороду и валяясь на кровати...

ХУДОЖНИКИ ВОЛЕЮ БОЖЬЕЙ

Интересно, что Раечку Гуменюк, будущую жену Бориса Портного, я знал ещё в голубоглазое детстве. Меня мамка часто посылала в магазины, скопившиеся в конце Бердичевской улицы, и я ходил туда через соседний двор Тарабукиных, который выходил прямо от нашего огорода на улицу Госпитальную. А через один дом от Тарабукиных жили две прекрасные девочки, с которыми я знакомиться стеснялся, а вот наблюдал за ними с большим интересом. И особенно мне нравилась Раечка Гуменюк.

Прошли годы, и я, в своё время, появился на заводе «Электроизмеритель», а через некоторое время узнал, что существует на том же заводе художник Борис Портной.

Его, кажется, эксплуатировали в клубе завода, заставляя малевать всякую дребедень типа плакатов и лозунгов. А в это время опытные Царенко и Волошин считали, что конструктор без художника — вообще пропащая вещь. И так как-то мы соединились в нечто целое, неразрываемое: Борис рисовал будущий инструмент, чертил его Леон Толчинский, а мы с Волошиным морщили носы от результатов работы первого и второго. Все знают — критиковать легче всего!

Но вот мы в Киеве, в консерватории, где представляем специалистам свой «Эстрадин - 3», называемый ещё «Романтикой». Портной сидит с нами — его задача защищать дизайн. Тут же Волошин, который волнуется донельзя, тут же я, который старается взять себя в руки, потому что у меня основной доклад. А далее собирается синклит из более чем двадцати работников консерватории. И среди них сидит убелённый сединами композитор Лятошинский, наша житомирская гордость.

Я показывал инструмент. Это была одногласная модель, в которой важно наличие более чем 700 тембров различного характера. Подходили консерваторские музыканты, играли сами. И вот начал вызревать приговор синклита: «Ах, извините, но фагот очень непохож!» «Да, да, — говорит другой. — Фагот вообще не деревянный!»

Я посмотрел на Портного. Меня поразило выражение его глаз. Казалось, он сейчас вспрыгнет и порвёт всех этих профессоров. Меня это воодушевило до улыбки. Я начал доказывать, что у нас более десятка тембров фагота, и все они разные. Можно выбирать, какой более соответствует характеру исполняемой партии. Но профессора были неумолимы и жаждали забраковать показываемый инструмент. А нам позарез нужен был положительный приговор синклита, потому что фактически происходило согласование технических условий на изделие.

И вдруг встал Лятошинский. Он говорил на красивом украинском языке. Я, к сожалению, не могу передать ни образность, ни плавность его речи. Это была ярчайшая речь защиты.

— Я согласен с коллегами, германского фагота у ребят нет. Но мы не можем не заметить, что есть французский, итальянский, швейцарский, английский фаготы.

И ещё совершенно неразличимого свойства подобные деревянные инструменты. Есть масса флейт, очень выразительные кларнеты, убедительны труба и саксофон. Изумительно подобны скрипичные — как виолончель, так и альт, так и скрипка. И это хорошо всё сделано, они выразительны до бесподобия. У вас под руками оказывается целая палитра выразительных свойств, тысячи неимоверных тембров в абсолютно огромном диапазоне звуков от контроктавы до голосистой пятой октавы. Я склонен считать, что житомирцы нам предъявили очень интересный и высокохудожественный инструмент, очень простого доступного музыканту типа. Подведу черту: я готов одоб-

рить эту прекрасную работу. А германский фагот, между нами говоря, не так уж и трудно ввести в палитру собранных звуков. Кстати, германский фагот — грубоват и давно устарел, я не буду ничего иметь против, если его вообще не окажется на этом «Эстрадине». Так что, я хочу поздравить житомирских умельцев с огромной победой. Спасибо вам большое, дорогие земляки!

И на этом Лятошинский закончил свою речь. Как по мановению волшебной палочки, все остальные 20 профессоров проголосовали «за», ибо авторитет Лятошинского был непререкаем — подходили к нам, желали дальнейших успехов, пожимали руки, были очень добры.

Портной всё это время со счастливым лицом рисовал Лятошинского. Потом этот портрет, вырезанный из дерева, украшал кабинет Волошина. «Вот что значит Лятошинский!» — кричал после всего Борис. — Он один сделал праздник. Ура Лятошинскому!»

К сожалению, всё это заседание в консерватории было длительным и окончилось поздно вечером. Мы не знали, как нам уехать в Житомир и решили переночевать на дебаркадере у речного вокзала на Днепре. Приехали мы на речной вокзал, посидели в кафе, слегка выпили за успех «предприятия». В дебаркадере мест для нас не оказалось, потому нам ничего не оставалось, как пойти на речной вокзал и пересидеть ночь. Но на речном вокзале, увы, не было даже единого сидячего места. А вот когда мы спустились вниз, на нулевой этаж, там оказалось всё свободно и полно сидячих мест. Но нас выдворяла оттуда милиция, и мы не могли понять, почему нам нельзя посидеть внизу. Но мы упорно заходили снова и снова, и пока нас не выдворяли, мы сидели на диванах внизу. Вот очередное выдворение: мы сидим, подходит милиционер. А Борис, закрыв глаза, вслух говорит: «Ребята, мне снится, что снова пришёл милиционер».

— Вам это не снится, это так и есть,— подтверждает милиционер.

— Нет, не может быть,— говорит Портной с закрытыми глазами.— Это же просто цветной сон...

— Ну, почему не может быть? Я действительно милиционер и пришёл вас выставить отсюда.

— Если вы действительно милиционер, и не снитесь мне — ущипните меня,— говорит Борис.

Милиционер, недолго думая, протягивает руку и щипает Бориса.

— Ой блин,— открывает глаза Портной.— Я пошутил, а он на самом деле щиплет! Это ж кому рассказать, что в Киеве меня ущипнул милиционер! А может ещё раз ущипнёте, для подтверждения?

Милиционер отмахивается, он в замешательстве.

— Щипайте, не бойтесь,— говорит Борис.— Это ж действительно хохма, расскажу дома — весь Житомир будет смеяться! В Киеве щиплются менты! Такого ведь сроду не бывало!

Явно смущённый милиционер ушёл, а мы продолжали сидеть. Смеялись до упаду. Портной действительно оказался юмористом вот такого нестандартного типа!

Самое смешное — больше менты к нам не подходили...

Был у Бориса замечательный друг — Елисеев Владимир Яковлевич. Они частенько по истечении рабочего дня заходили в винный магазин поправить настроение. Не один раз с ними оказывался и я. У нас наметились хорошие отношения и взаимное уважение. Елисеев был уже очень известным художником и уважал меня за то, что я тоже творю необычное. К сожалению, развить наши отношения не удавалось, да и тогда это было ни к чему. Но память друг о друге у нас оставалась надолго. Я вот приведу несколько строк, которые пишет о Елисееве моя дочь:

«Знаешь, пап, а ведь Владимир Яковлевич Елисеев сыграл в моей жизни немаловажную роль. Когда ты уехал в Иркутск, и я страдала от твоего отсутствия, он, фактически, взял над мной шефство. Ты же знаешь, как с детства я приходила в неописуемый восторг от его графики на выставках житомирских художников. И всегда говорила о том, что любимый мой художник — Елисеев, хотя никогда не видела его и даже не могла себе представить, как он выглядит. Но сразу после твоего отъезда в Ир-

кутск, я, по счастливой случайности, получила мастерскую. От художников тут же узнала, что по соседству работает в своей мастерской Елисеев. Я обалдела от такой новости! Я просила всех, кто его знал, познакомить меня с моим кумиром. Но получала неизменный ответ: мол, не любит Елисеев баб. Называет он их жабами. И серьезно к ним не относится. Однажды я настояла, и мой приятель, художник, все же поведал Елисееву, что с ним, дескать, хочет познакомиться молодая художница, которая всю сознательную жизнь была поклонницей его творчества. Мой знакомый исполнил просьбу, на что получил категорический ответ: «Девочка работает, и пусть работает! А меня не трогайте!».

Однажды, зайдя в мастерскую знакомых живописцев, застала я их за трапезой. Художник Коля вскочил, предупредительно пододвинул стульчик: «Присаживайся, Оленька, мы тут как раз о тебе говорили. Молодежная выставка намечается. Ты своих коней... Как там у тебя эта работа называется... «В ночное»? ...Должна обязательно выставить! Кстати, познакомься, Владимир Яковлевич».

На мой реверанс: «Очень приятно. Оля», монументальный, фактурный дед тяжело повернул свой торс и, прищулив хитрый глаз, пренебрежительно кивнул в ответ.

В тот момент я еще не знала, что это тот самый Елисеев!

Я присела за стол; ребята засуетились, собирая из всего, что было на столе, несуразный большой бутерброд и наливая в граненый стакан водку.

— Рассказывали, Ольчик, о тебе Владимиру Яковлевичу, что ты такой талантливый человек, а он, оказывается, и не слыхивал о тебе.

Дед, не глядя в мою сторону, опрокинул свой стакан, не закусывая, потер свой нос и спросил:

— Как фамилия, говоришь?

— Федорчук.

Владимир Яковлевич крикнул, бросил в рот соленый корнишон и, наконец, посмотрел на меня с прищуром:

— А твой отец, случайно, не Леня?

— Да, — обрадовалась я, — он самый.

Художник повернулся, медленно встал, вытер руку об штаны и подал мне с поклоном:

— Елисеев.

Я задохнулась от счастья. Сам Елисеев подал мне руку! Я сижу с ним за одним столом!

Владимир Яковлевич стал вдруг обходительным, задавал мне много вопросов, внимательно выслушивал, и, уходя, обнял:

— Я рад был с тобой познакомиться. Хотелось бы увидеть, как ты красишь.

Прошло некоторое время. Елисеев стал частым гостем в нашей с мужем мастерской. Довольно часто приглашал в свою «святую святых», и для моей восторженной персоны было огромной честью то, что он просил меня давать названия его новым полотнам.

Как-то я сидела за мольбертом и писала свою огромную картину «Люди-деревья». Коля, мой муж, искал в своих загашниках багет для работы «В ночное», чтоб отдать ее на выставку. Вдруг зашел Елисеев.

— Ну, чем занимаемся, молодежь?

— Да вот, Владимир Яковлевич, Ольге выставиться надо, а рамки нет... И багета подходящего не найду, — бурчал Коля, перебирая деревяшки в пыльном углу.

Но Елисеев не слышал Колю. Он завороченно уставился на мою «писанину», долго крутил ус, потом подошел ко мне, подал крупную ладонь:

— Держи пять. Молодчина. Ты знаешь, что ты сделала? Ты, ссыкуха, сделала то, чего я за всю жизнь сделать так и не смог...

Я понимала, что Владимир Яковлевич не прав — я его всегда считала художником мирового масштаба. И мне никогда не дотянуться до его мастерства. Но в тот момент я почувствовала, что у меня растут крылья, на глазах появились слезы.

— Что ты там, Коля, говорил? Рамки нет? На «В ночное»? У меня, по-моему, на «Ярославе Мудром» рамка такого же формата. Сейчас сниму, — и ушел.

Я, ошалевшая от такой чести, не могла промолвить ни слова.

Пришел, принес раму. Она оказалась на сантиметров десять больше моей работы.

— Пили! — приказал Елисеев Коле.

Пока муж пилил, Елисеев снова уставился на незаконченное мною полотно. Смотрел долго, тер нос, крутил ус, мычал, кряхтел, затем повернулся к Коле, похлопал его по плечу:

— Вот так, дорогой, она будет писать, а ты, после своих двух художественных институтов будешь ей всю жизнь рамки пилить...

Эта фраза стала роковой в наших отношениях с Николаем. Он стал жутко ревновать меня к мольберту, и вскоре мы расстались.

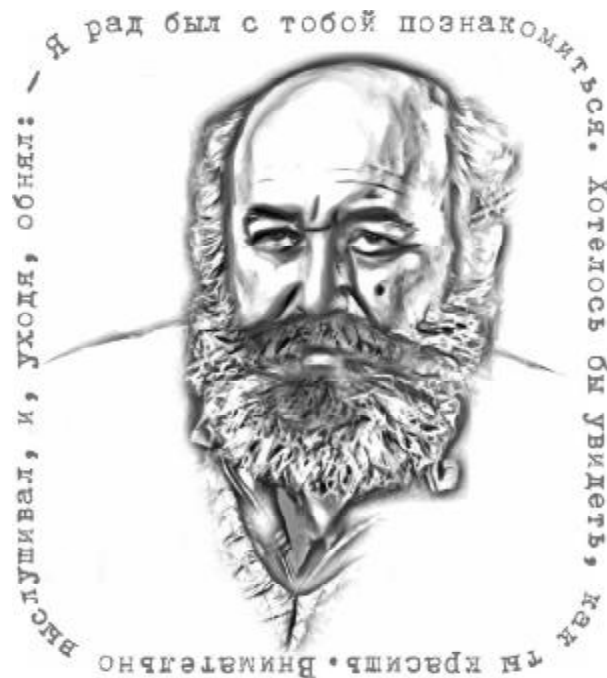
Я продолжала работать в своей мастерской неистово, вдохновляемая любимым художником. Он навещал меня часто и требовал отчета о проделанной работе за период, пока мы не виделись. Иногда я чуть не плакала:

— Владимякович, ну прошло-то всего четыре дня! Не успела я нового ничего написать! И дела у меня были, Никитку в детский сад устраивала...

Ответ был резкий:

— Слышать ничего не хочу! Никаких дел у тебя быть не должно, кроме этого, — он строго указывал пальцем на мольберт, — ни-ка-ких! Ты или художник, или баба-жаба! Понятно?!

В то время Елисеев уже обустроил себе шикарную мастерскую в Троянове. Он привозил мне ящики тубиков краски, кисти, однажды

привез огромный сверток холста... Я тогда очень плодотворно работала и много выставлялась только благодаря настойчивости и требовательности Елисеева.

Как услышу звук мотороллера — значит сейчас худсовет будет. Он, как переехал в Троянов, всегда на мотороллере ездил. Однажды я приехала к нему в гости. Много работ мне показывал, даже такие, которые никто не видел... Потом жена Владимира Яковлевича нам шикарный стол накрыла, да похвасталась: тот сервиз, что я ему подарила, мной расписанный, в серванте стоит, и дед запрещает им пользоваться — для красоты, мол... Засиделись мы тогда, да оказалось, что через пять минут последний автобус из Троянова уйдет. Тогда посадил меня дед на свой мотороллер и с таким ветерком (да по ухабинам!) повез меня к этому самому автобусу, что я чуть в обморок не упала...

Я знала о том, что Елисеев с Портным «побили горшки» давно, много-много лет они избегали встреч друг с другом. Мне было так обидно, ведь как дружили когда-то! И все я пыталась помирить их... Говорю с одним — получаю ответ: «Не лезь не в свое дело!», говорю с другим — «Не напоминай мне это имя!». Но какова же была моя радость, когда однажды, зайдя в кафе, я увидела двух моих родных дедов вместе за одним столиком. Они сидели и мирно беседовали, чему-то смеялись, увидев меня, обрадовались, обняли, расцеловали, усадили за стол... У меня всегда были слезы очень близко, но тут я не на шутку расплакалась от счастья. Успокоили меня, угостили сухим вином. Я смотрела на них и радовалась, что они помирились, такие родные, любимые мною деды. Я была просто счастлива!

Однажды, когда ты купил в Житомире дом, а сам уехал в Иркутск завершать свои дела, у меня

появилась проблема. Дело шло к зиме, в доме было жутко холодно. А чтобы пустить котел, нужно было залить в систему воду. Я не знала, как мне справиться с тем бачком, который висел под самым потолком и в который нужно было залить воду для котла. Под ним стоял диван, но до бачка я все равно дотянуться не могла. Пыталась подвинуть диван — сил не хватает. Пробовала на диван водрузить табурет — шатается... Села я и чуть не плачу от безысходности... Слышу в этот момент звук мотороллера. Стук в окошко. Выглядываю — дед мой дорогой приехал:

— Так! Что за сопли?!

— Да вот, Владимякович, залить воду не могу в этот идиотский бачок! Потолки высокие...

— Давай табуретку. Я залезу, а ты мне воду носи.

— Вы ж упадете, Владимякович!

— Давай, я сказал!

Шланга у меня не было, стала я бутылками воду носить, а там как минимум бутылок тридцать залить надо было. Ох и замучились мы с Елисеевым! Но дело сделали — котел включили. Потом чай пили с печеньем, что он привез, да тебя вспоминали.

А на следующий день вызвала меня директор нашего краеведческого музея. Я приехала, зашла в кабинет Ларисы Петровны.

— Ольга Леонидовна, присаживайтесь. Есть работа. У нас скоро будет экспонироваться выставка художника Владимира Елисеева. Нужно сделать рекламный стенд. Чтобы вам было понятно, в каком стиле работает этот художник, можете ознакомиться вот с этим буклетом. Мы его издали к его прошлой выставке. Здесь есть несколько его работ. Вам же нужно иметь представление, что это за художник, чтобы соответственно оформить стенд.

Как мне хотелось тогда сказать ей, что этот самый художник вчера в мой бачок заливал воду, стоя на шатком табурете... Как хотелось рас-

сказать, что его творчество я знаю более чем кто-либо... Но мое честолюбие было удовлетворено с лихвой, когда открылась дверь кабинета и на пороге восстала монументальная фигура моей дорогой знаменитости.

— Ой, Владимир Яковлевич, проходите,— засуетилась директриса.— Ольга Леонидовна, вы можете идти. Вам все ясно?

Елисеев пожал Ларисе Петровне руку, потом подошел ко мне, обнял и трижды поцеловал в щеки. Спросил радостно:

— Ну как там, уже все нормально? Тепло?

— Да, спасибо,— смущенно-довольно покраснелась я.— Теперь тепло. Приезжайте на чаек.

...Когда он ушел из жизни, я потеряла существенную часть мира.»

Да, Елисеев был самым что ни на есть настоящим художником. И Портной тоже. Я уже давно ратую, чтобы пару улиц в Житомире назвали в их честь, потому что это — великие люди.

А Портной ещё был юмористом неописуемым. Помнится мне, была необычная встреча у Волошина в доме, где присутствовала Вера Волошина, моя супруга Элла, я, Портной, Вихарев, Фукс, и, кажется, Миша Мандрыгин. Это была встреча, связанная с какой-то победой в нашей извечной борьбе за правое дело.

И вот рюмка за рюмкой... Вдруг Портной начинает анекдот: «Вы слышали, как грузин сдавал экзамен? Значит, так. Приходит грузин сдавать экзамен. Профессор спрашивает:

— Карла Маркса знаешь?

— Нет, не знаю.

— А Фридриха Энгельса знаешь?

— Нет, профессор, не знаю.

— А Клару Цеткин знаешь?

— Да что ты, профессор? Вот ты Махарадзе знаешь?

— Нет, не знаю.

— А Вано Габраидзе знаешь?

— Нет, не знаю.

— А Геркулиани знаешь?

— Нет, не знаю.

— Вот видишь, профессор! У тебя своя компания, а у меня своя компания!»

Мы посмеялись, но Портному этого было мало. И начинает он снова:

— Приходит, я говорю, грузин сдавать экзамен.

Мы уже хохочем. Он повторяет полностью свой анекдот, а мы не можем усидеть от хохота. Тогда Портной повторяет в третий раз:

— Приходит грузин сдавать экзамен...

Такого хохота я никогда вообще не слышал. Главное, сам не могу не хохотать.

Тогда Портной спокойно и вдумчиво начинает снова:

— Приходит грузин сдавать экзамен...

Это повторялось семь или восемь раз. И каждый раз мы не могли отсмеяться. Это было как некое волшебное наваждение... Я настолько запомнил этот эпизод всеобщего смеха, что сейчас не могу его ничем объяснить, как только особыми личностными качествами Бориса Портного.

И вот последний эпизод, о котором я хотел бы рассказать. Мы идём по Бердичевской все вместе: Борис Портной, Володя Елисеев, Володя Царенко, я. Мы прилично приняли, и нам очень хорошо. Боря несёт торт — это подарок жене Раечке. Всё остальное не в счёт. Боря очень любит Раечку, и мы это приветствуем. Но нечаянно Елисеев толкает Портного, и тот роняет праздничный торт. Бог мой!

Борис поднимает торт с асфальта, рассматривает его и говорит:

— Кажется, он уцелел.

Идём дальше. И вот в районе старого фармучилища Царенко как-то неловко задевает Бориса — и торт вновь оказывается на земле.

При этом, он шлёпнулся так, что никаких сомнений насчёт его целостности не остаётся...

— Вот, — расстроился Портной, — вы все суки. Выбить у меня из рук такой замечательный подарок Раечке...

Мы все в замешательстве, все чувствуем себя гадко.

— Ну вот, — продолжает Борис, — подарок не получился...

И, как футбольный бомбардир, он разбегается и... лупит ботинком по смятому торту.

Как ни странно, торт никуда не улетает, а просто всё содержимое упаковки оказывается на штанах и рубашке Бориса Портного.

— Вот это и будет подарок Раечке, — я весь в тортовом креме с пупырышками ореха! Пускай меня облизывает, — произносит с прискорбием Борис.

Более трагичного конца историй я не припоминаю.

Да простит мне Раечка это воспоминание...

Очень жаль, но ни Бориса Портного, ни Владимира Елисеева среди живых больше нет... Привет, ребята, скоро и я к вам!

Владимир Яковлевич, после моего прибытия в Житомир в 2000 году, приезжал ко мне на мотороллере из Троянова. Была очень тёплая встреча; мне казалось, что мы тогда обоюдно хотели наверстать всё, что раньше пропустили, потому что у нас было в принципе очень уважительное и доброе отношение друг к другу.

А потом я помню его приглашение на свою последнюю прижизненную выставку в нашем Житомирском музее. Я побывал там, долго смотрел его живописные полотна, портреты... И тогда я снова и снова убедился в силе таланта, которым владел этот очаровательный человек...

ВСЕСОЮЗНЫЕ МАЛЬЧИШНИКИ ПО ЭЛЕКТРОМУЗЫКЕ

(1971, 1976, 1981)

Первая электромusзыкальная конференция произошла, по нашим данным, в 1938 году, когда я лично существовал лишь в проекте. На этой конференции присутствовало всего 6 человек, и похожа она была скорее на взаимный выпендрёж славных Римского-Корсакова и Дзежковича с «Эмиритоном», молодого Володина с «Экводином» и Симонова с «Клавиолиной». Термен в это время сидел.

Но вот настал день, когда мы с Волошиным решили, что пора заняться оздоровлением советской электромusзыки.

Вторая Всесоюзная конференция состоялась в 1971 году в славном граде Житомире, ибо, как вы помните, её организовывали Федорчук и Волошин. К этому времени в издательстве «Энергия» уже вышла наша книжонка почти в 10 учётно-издательских листов, и наш авторитет с Виталием стал непрекращающимся. На этой конференции присутствовало более 70 представителей промышленных и музыкальных организаций.

Всех участников конференции просто поразила наша, созревшая к тому времени электробаян «Эстрадин-8Б», который позже абсолютно победил на международной выставке «Связь-75». Свои инструменты также представили рижане, НИКТИМП, брянчане, муромцы.

Здесь особо хочу сказать о той роли, которую играл на всех житомирских конференциях Юрий Михайлович Птицын. Он как истинный кинодеятель фиксировал камерой всё происходящее на наших конференциях. В то время он

работал в КБ-2 у Волошина, но не в нашей лаборатории. Позже он был переведён в НИО-17 на должность начальника сектора, и с тех пор наша общая деятельность стала неразрывной. Юра великолепно знал Житомир, в его центре он мог подробно рассказать историю каждого дома — он был выдающимся гидом по призванию. Как ни трудно мне об этом говорить, но Юрий Михайлович, также как и другие упоминавшиеся мои друзья, покинул нас. Это произошло 16 мая 2004 года.

Третья Всесоюзная конференция (1976 г.) была более многочисленной, на ней присутствовало более 120 человек. Нам тоже пришлось собрать её в Житомире — это был единственный выход, так как ближе к конференции все претендовавшие на её проведение кандидаты постепенно сняли свои кандидатуры. Но зато эта конференция была самой солидной: на ней было заслушано в два дня более 40 научно-технических докладов, состоялось много дискуссий, и, самое главное, была вновь подтверждена легитимность Постоянно Действующего Комитета по ЭМИ, на который в период между конференциями возлагалась ответственность научно-технического руководства предприятиями, согласившимися на взаимное сотрудничество в области ЭМИ.

О деятельности этого ПДК по ЭМИ следует сказать особо. В него входили в ранге Председателя Леонид Кузнецов (НИКТИМП), его заместитель по НИКТИМП Наумов, Виталий Волошин (Житомир), Леонид Федорчук (Житомир), Вадим Гордеев (Брянск), Лев Термен (Москва), Андрей Володин (Москва), Игорь Симонов (Москва), Карлис Грундштейн (Рига), Лев Вайнтрауб (Киевская консерватория), Вячеслав Мещерин (Москва), Александр Сахаровский (Муром). ПДК собирался дважды в год (начиная с 1971 года) в различных городах, где проте-

кала деятельность предприятий, вошедших в это неожиданное «братство электромузыки». Мы бывали в Брянске, Муроме, Москве, Правдинске, Вильнюсе, Риге, Житомире, Запорожье и других городах. Между нами существовала постоянная связь и хорошие деловые контакты.

Мы все очень хорошо понимали, что развитие электромузыкальных отечественных инструментов целиком и полностью зависит от того, сможет ли отечественная промышленность обеспечить нас специализированными микросхемами, а в дальнейшем дать нам возможность со схемного проектирования перейти на программное, т.е. на компьютерный тип проектирования. За рубежом это уже осуществлялось, и мы, целиком и полностью зависимые от отечественной промышленности, просто не имели запасного варианта сохранения электромузыкальных мощностей. Нас ожидал или успех, или полный распад всех работающих в этом направлении предприятий.

(Забегаю вперёд, скажу, что последнее, собственно, и произошло: все наши усилия оказались бесполезными ввиду горбачёвской перестройки и развала СССР. Вот теперь открою секрет, откуда произошло название этой книжки — «Пауза для Эстрадина с оркестром», ибо в течение двух-трёх лет все наши достижения были безжалостно уничтожены. Завод «Электроизмеритель» по сути начал распродаваться. Исчезли наиболее ценные наши инструменты. Исчезли также экспонаты Музея завода, в том числе бесценный подарок Льва Сергеевича Термена — терменвокс на транзисторах, подаренный им нашим конструкторам как символ преемственности старого и нового поколений электромузыкантов-конструкторов. Но мы надеялись, как честные люди, что нам удастся хоть что-то сделать полезного, чтобы сохранить достижения нашей промышленности. Поэтому мы работали до самого конца, пока все наши усилия не стали химерой.

Последняя, Четвёртая конференция по ЭМИ прошла в 1981 году в Москве, на ВВЦ. Житомирцы приехали на эту конференцию с синтезатором «Эстрадин — 230» и электроорганом для школьных и студенческих ансамблей «Эстрадин — 314», а также новым электронным баяном «Эстрадин — 084». Блеснули литовцы, их электроорган «Вильнюс» был бесподобен. Брянчане также привезли свой новый электроорган, который был аналогично превосходен. Но мне, привыкшему просчитывать будущее, в 1981 году было всё ясно — близится нехорошее время, когда наша промышленность принародно сдаст свои позиции. Исправить уже ничего было невозможно, наше отставание нарастало. Даже, если предположить, что горбачёвские реформы не состоялись бы, то крах нашего направления был бы более медленным, но неизбежным. Впрочем, это относится, к сожалению, не только к ЭМИ: обрушить-

ся должны были все интеллектуальные отрасли промышленности, вплоть до оборонных...

У меня сохранилось письмо от Андрея Александровича Володиной, которое свидетельствует о том, как мы заботились друг о друге.

«Дорогой Леонид Иванович!

Пользуюсь случаем по поводу Праздника пожелать Вам здоровья и успехов в нашей трудной музыкально-технической миссии, а также семейного благополучия (без повышенных экономических затруднений).

После «Муромского конгресса» я получил через Л.С. Термена посылочку-подарок с ИС и транзисторами, отправителя которой Л.С. так и не смог назвать по фамилии, несмотря на все наводящие вопросы. Видимо, его память сейчас уже жёстко стабилизирована на прошлых событиях и не вмещает некоторые оперативные дополнения (про завод он мне сказал, что показывали довольно интересное производство какого-то инструмента). Но я сильно подозреваю Вас в авторстве этой посылки, так как, в своё время, именно к Вам в этом плане обращался. В общем, я чрезвычайно благодарен.

Моя техническая деятельность сейчас довольно ограничена, т.к. в лаборатории консерватории мы занимаемся главным образом «чистой» наукой, в чём мне сильно помогают специалисты по музыкознанию. Тем не менее, я тшусь рано или поздно сделать хороший (с точки зрения музыкальной классики) синтезатор (без американских закидонов в область «эффектов»), памятуя для вдохновения Вашу верную реплику на конференции: «Синтезатор — это в сущности «Эквудин» в лабораторном варианте». Кое-что уже сделано, но пока немного и некомплектно, так что, если буду показывать (и то слегка), так где-нибудь в 1980 году, а до этого надо дожить (сейчас у меня опять плохая ЭКГ, и я работаю дома только на бумагу).

Снабжение наше сейчас держится только на шефской дружбе, хотя, видимо, кое-что дадут и официально с будущего года.

На этом фоне у меня к Вам есть ещё одна просьба, кажется, не очень страшная, а главное — как бы по адресу: мне нужны для подклавишных линеек резисторов константан или что-либо в этом роде 0,12 — 0,16 ПЭК или отожжённый в изоляции из собственной оксидной плёнки, грамм 150 (до 250). Если сможете отреагировать, буду очень благодарен. Хорошо бы получить где-нибудь на рубеже Нового года или в январе.

Был бы рад узнать, что у Вас происходит и каковы планы на 79-80 гг. Л. Кузнецов мне что-то не звонил (я просил его мне позвонить, когда он будет в Москве, а в НИКТИМП мне пока не выбраться). Может, если будет возможность, так обязательно зайдите к Волошину и передайте мой ему большой привет. (Что он там поделявает по ЭМИ или только читает лекции?)

Засим желаю Вам всего, всего хорошего, 4.XI.78 Володин.»

Мне невыразимо жаль, что этой главой мне приходится отступать от своего намерения рассказать всё в более-менее юмористическом духе, который всегда был присущ нашему НИО-17. После известных событий в Израиль уехали наиболее талантливые наши ребята: Лев Моисеевич Фукс — моя правая рука, Петя Гаммер — золотое юное чудо, Альфред Грибер — наш вечный музыкант, прославившийся на многих выставках и экспозициях, Яков Тененбаум — отличный конструктор схемотехники (в США), Миша Коган — замечательный конструктор-механик...

Я очень переживаю этот разрыв по живому. Честно сказать, мне очень не хватает Алика Грибера. Так сложилась жизнь, что всегда, когда нужно было демонстрировать наши инструменты, то ли на ежегодных ярмарках, то ли на

выставках и конференциях, то ли просто на показах, числа которых не счесть, мы всегда были с Аликом рядом, как «два сапога — пара». Я не мог без него — он не мог без меня. Это человек весьма весёлого нрава, с необычным, но податливым характером. Он играл так, как никто. Он умел показать самые волшебные стороны инструмента — да так, что у меня нередко бежал мороз по коже спины. Что ж, недаром он же говорит мне сейчас, что то были самые лучшие наши годы, самые лучшие дни. Мы слушали одним и тем же богам электромузыки и бывали за это морально щедро вознаграждены. На студии «Мелодия» мы с ним записали большой диск со звучанием электробаяна «Эстрадин - 8Б». Алик бывал у меня и в Иркутске, когда наш генеральный решил во что бы то ни стало приобрести электронный баян «Эстрадин — 084». И это были совершенно божественные вечера

ОКБ, который я тогда представлял, затем выступление на общем заводском собрании, где я рассказывал историю наших электромузыкальных инструментов, а Алик демонстрировал электронный баян во всей красе, это были и выступления на Байкале перед отдыхающими. Жаль, не более недели длилась эта наша последняя встреча, но она оставила во мне совершенно неизгладимый след.

Эх, как же я вас всех любил, мои дорогие сотрудники, мои сподвижники! Как мне вас нынче не хватает!... Здесь в Житомире остались лишь Миша Мандрыгин, Эдик Кулаженко, Аркаша Кузнецов, Валя Комиссарчук. Да я. Даже мой Бог, Виталий Иванович Волошин, успел умереть, когда я жил в Иркутске; я даже не знаю точной даты; мне никто не сообщил. ...Таким образом, я и есть прошедшее время, горе и отчаянье, оставшиеся в одиночестве.

КОМНАТА НОМЕР 10

(1959-1960)

Да, это была по сути замечательная комната. На втором этаже общежития КПИ номер 5 на улице Шелуденко. В том году в ней жили три человека: Гришка Ткаченко из группы киноинженеров, Лёнька Федорчук из группы электроакустиков и Толик Парейра с теплотехнического факультета. В ней и было, как положено, три кровати. Гришка спал напротив Парейры, а моя кровать стояла перпендикулярно им возле окна. Был у нас посередине круглый стол, за кроватью Гришки была тумбочка и шкаф. В его тумбочке хранился несказуемый блевантин — это наше определение тому, что Гришке всегда присылала его мама — смалец (пережаренные сало и лук), завернутый аккуратно в целлофан. Это был основной продукт, используемый для жарки картошки и немедленной подпитки обессиленных студентов. Парейра, получивший это прозвище от всем известного Валеры Лобана, сокурсника Парейры, не отличался особыми свойствами. Он был из Фастова, часто ездил к маме, которая ему исправно стирала и гладила сорочки. Под кроватью в его чемодане лежали, как правило, три отглаженных сорочки. Он их носил на свидания. Когда одна теряла первозданную свежесть, то появлялась вторая, затем третья сорочка. Затем всё шло так, вроде первая самая чистая. И все сорочки по порядку заменяли друг друга. У Парейры была похабнейшая привычка: когда он спал, то неосмотрительно оплёвывал стену. Затем эти плевки засыхали, и Парейра плевал по новой поверх прошлого. Гришка просто не мог этого терпеть и заявлял Парейре протест. На что Парейра разумно отвечал, что в комнате разве-

ли бардак и вонь на три килобздона. Мы требовали определения, и Парейра всегда чётко по-научному отвечал: «Килобздон есть такая мера вони в помещении, когда платино-иридиевый топор висит неподвижно на расстоянии 1 метр от пола».

А ещё к нам иногда заходил знаменитый Валера Лобан, который и дал Парейре его прозвище. Вообще говоря, это был сокурсник Парейры, отличный футболист, играющий в киевском «Динамо» Валерий Лобановский. Он тоже учился на теплотехническом факультете, хотя «учился» — это сказано с известной натяжкой. Он, скорее, числился на этом факульте-

те, но смею вас заверить, что он его закончил вовремя и получил полагающийся диплом. И ключом к его успеху был именно Парейра, наш сожитель. Парейра и Гришка были безразличны к футболу, а вот я был страстным болельщиком киевского «Динамо» и всегда ходил на стадион, когда сражались мои любимцы. А особенно мне всегда импонировал именно Лобан, потому что это был длинноногий вертлявый футболист, у которого всегда в заглавнике были неожиданные комбинации — то ли его знаменитый «сухой лист», то ли неожиданная обводка, то ли какой-то фантастический удар, совершенно неприемлемый вратарём противника.

Так вот, приезжал на своей «Волге» Лобан, при этом в коридорах собиралась очередь болельщиков, но заходить к нам не решалась. А в это время Лобан и Парейра терпеливо выясняли, как надо сделать Лобану курсовой проект. Лобан приносил Парейре подарки, приобретённые во время загранпоездок: какие-то диски, шмотки, игры. Я занимался своим делом: брал блевантин и шел на кухню жарить картошку. Потому что Лобан жутко любил поджаренную мною картошку. Дело длилось не так уж долго, и я приносил готовую картошку. Лобан говорил мне: «Знаешь, Лёня, я давно ничего вкуснее не ел!» «Вот и хорошо, Валера, я всегда рад тебе приготовить настоящую вкуснятину!»

Потом, о футболе мы никогда не говорили, для меня, например, это была полностью запретная тема. А вот, когда Валера уходил, к нам в комнату набивалось десятка три студентов, жаждущих узнать, о чём мы тут говорили. Тут слово переходило ко мне как к футбольному специалисту, и я успокаивал своих сограждан тем, что Валера в отличной форме, что всех мы одолеем и станем чемпионами. Видит Бог, как я был прав! Так и случилось впервые в 1961 году!

Жалко только, что через год Парейру перевели в Третье общежитие на улице Полевой. И все следы Валеры нами были утеряны. А вместо Парейры с нами начал жить химмашевец по фамилии Лебедь.

Гришка страшно не любил химмашевцев. Потому, как и следовало ожидать, Лебедь стал самым несчастным химмашевцем. Первое — он любил в гриппозный период набивать нос антигриппозной сывороткой. Он доставал из своей тумбочки специальный стеклянный карандаш, затем облегчал одну ноздрю и другую. При этом ахал, ухал и всячески демонстрировал, насколько ему стало хорошо.

Гришка поступил очень корректно. Он опустил этот антигриппозный карандаш и набил его обыкновенной мукой и тёртым мылом. Мы стали свидетелями, что мука помогает не так хорошо — после очередного облегчения Лебедь зачихал без остановки, и из его ноздрей выскакивали цветные шарики мукомольного производства. Они летали по комнате и лопались в определённое время. Скажем справедливо, кайф был именно тот, который был нужен. Лебедь надолго забросил свою профилактику гриппа.

А вот и осень. Как-то с утра, когда мы были с Гришкой вдвоём (кажется, это была суббота), пришла кастелянша и потребовала, чтобы мы заклеили окно. Она нам выдала рулоны бумаги и пачку мучного клейстера, рассказала, как и что делать. Мы, как положено, развели в большой кастрюле клейстер, взяли пару старых дырявых грязных носков и стали мазать клейстером ленты бумаги. А потом аккуратно наклеивали их на щели оконных рам. Вся работа была недолгой, благо окно было одно. После этого оба носка полетели в остатки клейстера, мы задвинули кастрюлю ногой под стол и благоусто успокоились. И всё было бы хорошо, если бы Гришка, как и я, забыл бы начисто о про-

клятой кастрюле. Но вот пришел с темнотой вечер, а вместе с вечером явился Лебедь. Тихонько, чтоб не разбудить рядом спящего Гришку, Лебедь стал проверять внутренности его тумбочки. Но Гришка среагировал:

— Что, друг, блевантин шарить? Напрасно, сожрали весь блевантин...

— А чем можно заморить червячка?— спросил голодный Лебедь.

— Что тебе сказать, пропадаем потихоньку,— отвечает Гришка.— Вот глянь, мы тут с Лёнькой в большой кастрюле киселёк варили, жалко, что сахарку не хватило, но поесть всё же можно. Под столом кастрюлька... Только, чур, свет не зажигай, спать хочется. Поздно всё-таки...

А свет так или иначе пробивался из коридора через верхнюю застеклённую часть двери.

Нащупал Лебедь под столом наш клейстер, водрузил на стол, взял ложку и начал наяривать. Только крикает от аппетита. Я хохочу в подушку, кончаюсь. А Гришка комментирует каждый его глоток: «Вот, видишь, всё в мире полезно. Киселёк сварили и отлично. Он несколько часов назад совсем горячий был, объедение! А был бы сахар, вообще не оторвался бы. Кушай, кушай сынок!»

И вот решающий момент: Лебедь ложкой вытягивает один из грязных дырявых носков.

И пытается это дело прожевать. Но так случилось, что носок застревает в зубах и не жуётся. Лебедь вскакивает к двери и включает свет. Затем мы слышим несколько звуковых странных конвульсий и вся дверь заливается съеденным клейстером... затем дверь открывается — и Лебедь исчезает.

— Пошёл сынок в туалетик,— комментирует Гришка,— вот сколько ни говори этим младенцам: не жри много!— а они всё равно жадничают. Вот, дорвался до мороженого, как описано в «Старике Хоттабыче».

Я кончаюсь от смеха. А Гришка хоть бы что — серьёзен и основателен.

— Вот вам, дети, урок. Нельзя ничего переедать, пусть это даже самое вкусное, как наш клейстер.

А вот ещё история, случившаяся уже летом, когда мы проходили практику на заводе, который выпускал магнитофоны «Днепр». Как раз шла одиннадцатая модель «Днепра», мы с Гришкой приспособились на настройку, и даже по окончании практики нас не прогнали, а платили — и мы работали как звери. И тут, приходя домой, мы застаём новичка в нашей комнате номер 10.

— Кто такой, — интересуется Гришка.

— Я заочник, приехал экзамены сдавать, — признаётся новичок.

— А звать тебя как?

— Серёжа.

— Ладно, это очень трудно запомнить, мы будем звать тебя «Заочник». Где спать собрался?

— Не знаю, мне сказали, что одна кровать у вас свободна.

— Да, свободна, вон та, Лебедя. Ты как насчёт мочеиспускания?

— Не понял?

— Ну, всцывается по ночам или порядок у тебя? Знаешь, когда бывает такой напарник, что по ночам всцывается, потом это ж всё в комнате сохнет, и эту вонь мы должны все нюхать.

— Нет, нет, у меня всё в порядке. Я даже в пионерлагере не всцыкался.

— Да вот, все так говорят, что у них всё нормально. Потом смотришь, а на простынях везде жёлтые пятна. И вонь в комнате. Хоть топор вешай...

— Платино-иридиевый, — добавляю я. — Весом в один килограмм.

— О, слышал, заочник, о таком топоре? Словом, так тебе скажу: если начнёшь мочиться в матрац, мы тебя отсюда быстро выдворим. Так и знай.

— Да не, что вы, всё будет нормально!

— Поживём — увидим... — подытожил Гришка.

И вот заочнику надо по делам в институт. Он уходит. А у нас начинается настоящая пахота.

Молча всё делается, план созрел ещё во время разговора.

Гришка хватается чайник, наполняет его водой. Закрывает крышкой. Ставит на шкаф, прикрывая книжкой. Я уже подготовил полихлорвиниловую трубочку нужной длины, нашёл прищепки из кухни женской половины общежития. Трубочку мы выкладываем за гришкиной и моей кроватью, подведя её снизу под матрац заочника, прокалываем матрац, и трубка вовсе не видна, даже если снять простыню. Засасываем воду и ставим пару прищепок — возле моей кровати и возле гришкиной. Готово, ждём заочника.

Он приходит поздно, мы с Гришкой уже валяемся в постелях. Раздевается, ложится, выключаем свет. Через полчаса дружно храпим. «Заочник, ты спишь?» — это Гришка.

Ответа нет. Идёт отмашка, означающая, что Гришка снял свою прищепку. Снимаю и я. Тишина. Проходит минут пять. Затем «Ой, ой, ой!». Тишина. Заочник встаёт и включает свет. Роемся в своей постели. Мы спим. Он роется, роется. Складывает простыню, вешает на перила кровати. Но, видимо, матрац насквозь мокрый. Исследует что-то. Вздыхает, ложится, гасит свет. Мне уже его жалко. «Серёжа, — говорю я, — что-то случилось?» «Да нет, ничего особенного, — отвечает заочник, — Спим». «Ладно, спим!» — отвечаю я. И вытаскиваю предательскую полихлорвиниловую трубку из его матраца. Чувствую, Гришка начинает подтаскивать эту трубку. Ну и хорошо. Следы все скрыты.

Утром идёт признание. Заочник совершенно потерянный. «Это что у тебя с простынёй?» — спрашивает Гришка. «Не знаю», — отвечает за-

очник. На ней чётко видно влажное пятно. Гришка подходит к кровати заочника и отбрасывает одеяло. На матрасе сияет огромное мокрое пятно. «И как же ты спал?» — удивляюсь я. «А я сам не понимаю, — отвечает заочник. — Я и не спал, если откровенно...». «Ну, что будем делать?» — вопрошает Гришка. — Ты же вчера нас уверял, что не ссыкун». «Я не знаю, что вам ответить», — говорит заочник. Вижу, Гришке тоже становится его жаль. Мы, старые сволочи общежития, просто так, зазря, обидели парнишку. Что делать в этом случае?

Гришка говорит вдруг: «Ладно, мы все высушим. Ты прости нас, мы тебя разыграли. С помощью вот этого», — он достаёт полихлорвиниловую трубку, которая до сих пор подключена к чайнику.

Заочник улыбается.

— Ну, и отлично, что ты не обижаешься. Мы тебе, брат, поможем во всех делах. Я, например, чертить могу тебе, я хорошо черчу! — говорит Гришка, склонив голову.

Заочник улыбается.

— И я тебе помогу всем, чем смогу, — говорю я. — Ты только скажи, что надо.

— Вы отличные ребята, я вижу, — говорит заочник.

— Ну, и хорошо! Давай лапу, Серёжа, — говорит Гришка.

И я тожежимаю руку Сергею.

Инцидент исперчен, ура!

Мы вместе прожили около 20 дней. Помогали Сергею, чем только могли. Он оказался очень славным парнем, даже прощаться было тяжело... Хорошее это было время. Хоть и уставали мы за рабочий день, но я всегда приходил и усаживался за свою миллиметровку — эдакая клетчатая простыня. Я пытался рисовать схему будущего электрооргана. Я свято верил, что будет у меня великое счастье создавать элект-

ромузыкальные инструменты... Это был своего рода фанатизм. Но вот Гришка, например, его поддерживал и говорил мне: «Если ты его не слепишь, то кто?»

А потом, после окончания своей продлённой практики на радиозаводе, я стал искать способ дальнейшего трудоустройства в связи с тем, что маме и короедам надо было помогать. И пришёл к трудному выводу: работать надо по ночам, а днём — учиться, хотя было непонятно, а когда же тогда спать? Но молодые смотрят на жизнь по-другому... И вот в августе я устроился на завод «Большевик» в литейный цех выбивщиком. Что представляла собою эта профессия, я вам сейчас примерно обрисую. Выбивка — это такой процесс, когда краном на вибрационную машину подаются отливки, как правило, находящиеся ещё в литейной форме. При этом задача выбивщика состоит в том, чтобы помочь вибрации растрясти и освободить отливку от земли и литейной формы. Для этого выбивщик, вооружённый обыкновенным большим молотом, запрыгивает на вибромашину и лупит молотом висящую на цепях литейную форму. Далее процесс почти непредсказуем — как из формы освободятся литники, за что они зацепятся, какую роль сыграет облой, т.е. всякие непредусмотренные формой слои затвердевшего металла. При этом от вибрации и ударов молота в воздухе носится огромная масса песка и пыли, и выбивщик должен покорно это вдыхать и глотать. Едва оклемавшись после очередной выбивки, надо быстро бежать к бригадиру и не успевшими избавиться от дрожи руками копать очередную форму заливки непосредственно в земле огромного цеха. А там отливались металлические огромные цилиндры диаметром в 25, 30 и 40 метров, которые, после заливки и остывания, также попадут ко мне на выбивку. После окончания смены я шёл в ду-

шевую, мылся, отхаркивался, переодевался в цивильную одежду и бежал к троллейбусу, чтобы уехать на свой родной факультет, где я потихоньку отсыпался на лекциях. Но самое страшное в этой профессии — это полная грудь пыли, которая кашлем постоянно выводится с мокротой наружу в виде плевков жёлто-земляного цвета. Гришка тоже попробовал подключиться к выбивке, но его хватило только на неделю. А я продолжал работать до самой снежной зимы, пока не случилось славное в моей жизни событие — знакомство с молодым Гарриком Баллом, сыном нашего великого преподавателя.

ЛЕЩ С «ПЕРЧИКОМ»

Наталья Ивановна Сокол была ангелом-хранителем житомирских электромузыкантов. Другими словами, она в Министерстве нашем являлась куратором по товарам народного потребления. То один, то другой из наших инженеров заявлялся к Наталье Ивановне с кипой документов, которые должно было утвердить начальство. И самая тягомотина среди этих ворохов касалась технических условий. Куратор их обязан был пересмотреть, выправить, где надо, и самостоятельно представить на подпись высокому шефу: представитель завода не должен был мозолить глаза начальству. Мы все её называли не иначе, как просто Наташа, потому что так сложилось, что её весёлый нрав и симпатия к нашему направлению постепенно вылились в хорошую дружбу между нами. В главке периодически проводились конкурсы на лучшую разработку ТНП, и их, как правило, также возглавляла Наташа. Поэтому нам приходилось встречаться и в других городах, скажем, Ленинграде, куда мы приезжали со своими новинками для участия в конкурсе. Но неизменно мы получали первое место, потому что сама Наташа говорила: «А кому ещё можно отдать первенство? Сковородке или детским кубикам? Нет. Такого товара, как «Электроизмеритель» никто не сможет поставить. Поэтому вам просто суждено всегда занимать первое место».

Мало-помалу, Наташа стала приглашать наших к себе домой переночевать, так как в шальной Москве это было проблемой — устроиться в гостиницу. А это привело к тому, что мы познакомились и с её сёстрами — постарше её и помоложе, Наташа была средней. А потом при-

глашали их провести отпуск в Житомире. Сначала побывала у нас сама Наташа, и ей понравилось. Потом она приезжала и с сестричками; как правило, мы им брали путёвки на базу отдыха «Лесной берег», им там очень нравилось: вокруг — огромный разлив Житомирского моря с великолепными пляжами, а всё остальное расположено в прекрасном лесу. Ну, естественно, когда в выходные нам удавалось выехать на рыбалку, то Наташа неизменно примыкала к нам, ей очень нравилось путешествие по нашим рекам, она чувствовала себя «своей в доску» — просто не было ни грамма натянутости или наигранности отношений — всё было очень дружелюбно и естественно.

Ну вот, так и в этот раз, субботнее утро мы встречали в точности на том же месте, о котором рассказано в главе «Глубокое бурение за Панской Скалой». Вдоль берега нашей стоянки мы расположились так: вначале заякорились мы с Эдиком на нашей лодке, затем стоял самостийно Фукс, а далее, напротив низменного залива, расположились Наташа и Миша Мандрыгин. Между нашими лодками было примерно по тридцать метров.

Нам не очень повезло в этот раз с клёвом, мы сидели и грустно взирали на неподвижные поплавки, поверхность водного пространства была тихой и спокойной, а утро предвещало солнечную и жаркую погоду. Но был ещё один фактор, который через пару часов начал беспокоить Фукса, Эдика и меня. Мужики есть мужики; мы с утра попили пивка — знаете, так просто для настроения, ну и чтобы несколько разбавить результаты бурного вечернего застолья. А вот Миша был предусмотрителен и отказался. Ему можно было только позавидовать. Когда вокруг только мужская компания, то в этом ничего страшного нет: чем дальше проникает в организм предательское пиво, тем быст-

рее встал и пописал в воду. Но когда рядом в лодке сидит прекрасная женщина, то этот стереотип мужского поведения не приемлем. Мы трое переглядывались и готовы уже были отказаться от любых успехов в этой рыбалке, причём тем активнее, чем глубже доставало нас пиво. Наконец не выдержал Фукс, он сказал, что надо бы для костра насобирать хвороста, и быстренько поплыл к берегу. Мы с Эдиком также понимали, что высидеть нам не удастся, и, в конце концов, решили, что Фукс прав, и надо немедленно заняться приготовлением завтрака. Тем более, что не клюёт же! Так что вскоре только один экипаж остался на боевом дежурстве — Миша и Наташа. Едва мы успели сбежать в заросли, как на этой лодке что-то стало происходить. Наташа подсекла и стала поднимать удочку, как её научил Миша. Но когда на поверх-

ность воды вдруг вышел огромный лещ, Наташа просто перепугалась и опустила удилище. Миша заорал: «Наташа, держать удочку! Упустишь рыбу!», она взяв себя в руки, снова начала вываживать леща. «Ох ты, — бормотал Миша, — какой красавец! Держать, Наташа, я иду на помощь!» — он схватил подсак и начал осторожно подводить его под попавшегося Наташе «крокодила». Я представляю, что в этот момент испытывала Наташа! Но — ура! — они справились. Миша очень профессионально подобрал леща сачком и еле затащил в лодку. Это был гигант, подобного которому никто из нас, старых житомирских рыболовов, и не мечтал выловить. Жаль, у нас не было весов, чтобы хотя бы приблизительно оценить вес пойманного Наташей леща. Наверное, в нём было килограммов шесть с гаком. Он даже по цвету не был похож на

обычных лещей, и по форме также отличался склонностью к квадратным очертаниям.

Словом, Миша и Наташа ещё с часочек посидели на лодке, но безрезультатно. Когда они причалили к берегу, то нашему ликованию не было предела:

— Наташа, ну, как ты себя чувствуешь?

— Оу, у меня руки до сих пор дрожат, как у пьяницы! Это был какой-то кошмар! Да я же его чуть не упустила, когда он появился! Я просто чуть не умерла от испуга!

Но мы все радовались тому, что у нас такой фантастический улов! И, конечно, поздравляли и подбадривали Наташу. Она, судя по всему, чувствовала себя очень счастливой — ведь только она поймала, да и не просто рыбу, а исключительный экземпляр!

Эдик нашёл в наших вещах фанерку размерами примерно в половину канцелярского стола и прикрыл леща, уложенного во влажную траву, от солнечных лучей, потому что ни один наш садок не вместил бы в себя такого титана.

И в этот момент оказалось, что у нас будет восхищённый свидетель шикарного успеха: к берегу подгрёбал наш начальник отдела кадров Миша Радаев. Он вышел на берег: слова приветствия, поцелуй ручки Наташи — ведь Радаев нередко бывал в Министерстве. «Ну, как улов?» — задал Радаев стандартный вопрос. И в это время Эдик сделал финт ногой: сбросил фанерку с Наташиного леща.

Радаев оторопел, у него из горла послышался вначале чуть ли не орлиный клёкот, потом несколько междометий, а потом самое, что ни на есть, мужское выражение, вспоминающее о проделках весьма известной фольклорной матери...

Потом он огляделся вокруг, мутными глазами увидел Наташу, сопоставил произнесённое только что с её присутствием и начал резво извиняться:

— Ой, дорогая Наталья Ивановна, прошу, простите меня, но меня так шокировали размеры этого слона, что я не удержался от грубоватого выражения, ещё раз простите... А кто его выловил?

— А вот Наталья Ивановна и выловила,— ответил Эдик.

— Да вы что?...— и снова последовало то же самое выражение, упоминаящее фольклорную маму — и снова: — Наталья Ивановна, я опять заговорился, прошу, простите, пожалуйста, мужика несдержанного! Но это же чудо, поймать такую рыбину...

— Ну что делать, товарищ Радаев! Нам, москвичам, обычно везёт!

— Не,— сказал опять Радаев,— да я такого леща никогда не видел! И к тому же это ...— и далее в третий раз последовало то же самое выражение с упоминанием матери. За которое Радаев уже дважды извинялся.

ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ

Это, разумеется, кличка, которую Виктор Владимирович Месниченко считал очень удачной и даже сам иногда называл себя Змеем. Для всех электромузыкантов сочетание Змей Горыныч или просто Змей было весьма привычным. Длительное время он был инженером, сопровождающим «Эстрадин-8Б», пахал, как Папа Карло, выпускал сотнями извещения на изменение, старался не упускать даже мелочей.

Змей — очень талантливый человек, можно только позавидовать. Ещё в студенческие времена он участвовал в различных стройотрядах и так насобачился, что стал профессиональным штукатуром. Это был первый его талант, ни с чем другим несравнимый.

Второй талант его — творчество. Он мог писать стихи, песни, юморески, но более всего любил сочинять афоризмы. Самое интересное, что сочинял он их непрерывно, подчиняя им все другие занятия. Иногда мы называли это занятие «словоблудием», но когда бы он и чего бы не делал, мы знали, что в это время в его голове вертится какая-то фраза, и он пытается ей придать блеск и красоту. Иногда он настолько переключал на эту работу все свои извилины, что думать или помнить даже о чём-то важном, он уже не мог. Можно много рассказать случаев полных запарок, в которые он попадал во время своего сочинительства. Когда мы встретились после моего возвращения из Иркутска, я предполагал, что он стал более степенным в этом отношении, но куда там!

Помнится, собираясь уходить, он взял у меня два ведра, пошатался по моему саду-огороду и нагрузил эти ведра кочанами кукурузы, ябло-

ками, грушами, огурцами и помидорами, словом, обеспечил свою жену Валентину Николаевну запасами на весьма продолжительный период. «Я тебе вёдра завтра верну», — сказал он. «Да ладно!» — ответил я. И он потащил эти вёдра через Ново-Сенную к остановке троллейбуса. Но работа над афоризмом ни на секунду не прекращалась. Доехав до своей остановки «Хлебная», Змей спокойно вышел из троллейбуса, и, начисто забыв о своих вёдрах, отправился домой. И не сразу даже дома, до него дошло, что вёдра остались в троллейбусе!

Скажу честно: у меня в компьютере хранится совершенно несметное количество Змеевых афоризмов...

А ещё раньше лет на двадцать, когда он возвратился из очередной поездки к Охотскому морю, где в одном из богатых совхозов он совместно со своими старыми друзьями из стройотряда штукатурил, то сразу заявился ко мне со своими сюрпризами в виде балыка и красной икры, и, так как квартиры он ещё не получил (а, собственно и штукатурить ездил ради того, чтобы ускорить кооперативное строительство квартиры), попросил разрешения помыться в моей ванной. Ради Бога, пожалуйста! И лишь об одном я его строго предупредил, что у меня газовая колонка «с придурью», в ней не работает клапан, перекрывающий газ при выключении проточной воды. «Ты понял? — спросил я, — запомни, что надо сначала выключить на кухне газ, а только потом перекрывать воду. Помоешься, воду не закрывай. Крикни мне, я газ перекрою. Запомнил, Змей?». «Конечно, — заверил он, — что ж тут непонятного! Не переживай, всё будет хорошо!» — залез в ванную и, конечно же, предался своим афоризмам. Затем, завершив купание и афоризм, и начисто забыв о моих предупреждениях, закрыл кран горячей воды. Пока он фыр-

кал и вытирался, я вдруг ощутил какое-то смутное беспокойство, потом шипение и трески, побежал на кухню и увидел, как жидкий металл капает из труб моей колонки. Затем начался бурный потоп, и я, как жилец самого верхнего этажа, начал заливать своих соседей снизу... Как вспомнишь — вздрогнешь...

А вот его проделка немного иного плана. Мы стояли напротив села Тетеревка, ближе к санитарной плотине на правом берегу Тетерева вчетвером: Лев Фукс, Змей, Виталий Волошин и я. График питания у нас был такой: в часов пять утра, перед выездом на рыбалку, мы съедали что-нибудь несущественное, иногда с чаем для того, чтобы не курить натошак. Затем у нас был

«обедо-завтрак» в часов 11-12, когда клёв прекращался. Потом мы отдыхали в палатках или тени, и снова выбирались уже на вечерний клёв, после которого следовал стандартный «обедо-ужин» — это уже бывало с наступлением темноты. Функции подготовки выполняли по-очереди, ею занимался «дежурный», который именно в этот день занимался чисто хозяйственными делами, позабыв о рыбалке, а трое «свободных», естественно, рыбачили.

И вот однажды, когда дежурил Змей, он предложил нам «кофеёк» на третье — я очень удивлялся, как он замастырил кофе с молоком, когда у нас кофе и в помине не было. Но «кофеёк» был очень вкусный, и мы с удовольствием выпили по большой кружке. Что потом с нами началось — трудно рассказать. У меня, например, началось такое сердцебиение, что, казалось, сердце выскочит из груди. Более того, мы все были как калеки, мы не могли встать и передвигаться... А Змей смеялся над нами: «Ну, вот вы теперь и узнаете, что такое дальневосточный чифирь!» Оказалось, что он в котелке сварил несколько пачек — да все имевшиеся в наличии! — чая, разбавив это поило молоком...

Ладно, расскажу ещё одну историю не по теме, но зато привязанную по времени к последнему событию. В послеобеденный час однажды мы выехали рыбачить. Фукс дежурил, а Змей искал в округе грибы. Волошин погрёб к противоположному берегу поближе к камышам. Я же решил попытать счастья вдали от всех почти у Тетеревки, так что меня с Виталием разделяло километра полтора, даже видеть, что у него происходило на лодке, я не мог. На зато «привет» от Виталия сумел получить. Выискивая получше место, я переплывал от одной камышовой заросли к другой, и вдруг увидел нечто странное: плывущий столбик. Самое инте-

ресное, что этот столбик передвигался время от времени рывками. Ну как было не узнать, что это за столбик?

Подплыл я к нему, ухватился, потянул к себе. И вытащил подсак вместе с огромным карасём, запутавшимся в сетке. Я сразу узнал подсак Волошина. А карась был действительно хорош! Воображение нарисовало мне картину, как Виталий подсачивает пойманного карася, а там следует рывок крупной рыбы, подсак вырывается из руки Волошина, и рыба на какое-то время утаскивает подсак под воду...

Ну, думаю, классно! Сейчас и Волошина разыграем! И погрёб я потихоньку к своему берегу. Ознакомил друзей с воображаемой историей подсака и поставил это орудие Виталия на его законное место. А громадный карась был передан дежурному для чистки и жарёхи.

Сейчас смешно вспоминать эту историю. Приплывает попозже Виталий, совершенно расстроенный.

— Ах, чёрт, если б вы видели! Поймал я такого классного карася... Но он вырвался вместе с подсачеком... А больше ничего и не клюнуло...

— А подсачек у тебя чей был — твой? Или чужой? — начинаю я шутку.

— Нет, мой, мой!

— А чем ты объяснишь свои сказки про подсак, да про этого сказочного карася, Виталий, если ты даже не брал с собою в лодку своего подсачека?

— Как это не брал? — возмущается Виталий.

— А потому, что он как стоял с утра в твоей пирамидке, так и стоит до сих пор.

Виталий подходит к своему имуществу удочек и прочего. Да, подсак на месте. И совершенно сухой.

— С ума сойти... Я же помню, что брал подсак с собой, помню, как утопил его... с карасём вместе...

— Всё это твои фантазии! Ты же не станешь отрицать диалектический материализм и причинно-следственные связи, а, Виталий?

— Да, диалектический материализм... трудно, конечно отрицать...— Но вдруг Волошин развеселился,— но когда имеешь дело с такими прохиндеями, как ты, то иногда можно и над диалектикой поиздеваться. Вон, гляди, что Фукс чистит — разве это не мой карась?

— Ваш, ваш, Виталий Иванович!— отвечает Лев.— Не слушайте Лёшу, он поймал ваш под-сак вместе с вашим карасём. Так что, справедливость восторжествовала!

История эта, как мне помнится, относится к 1980 году. Именно там, напротив Тетеревки мы подряд узнали о смерти Высоцкого и о первой смерти среди «наших» — не стало Евгения Евстафьевича Лащука...

...Часто со Змеем мы творили вместе. Скорее, даже не творили, а вытворяли. Делалось это так. Змей начинал новое стихотворение (относится оно к временам «застоя»):

Когда вернулся я с парткома,
Где разбирался мой вопрос:
Чего не ночевал я дома,
Чего получку не принёс?

Вот здесь я подхватывал и завершал так:

И стало стыдно мне, неловко:
В Москве идёт партийный съезд,
А у меня с подругой Томкой
Как говорят, «опять заезд».
Народ на вахту трудовую
Встаёт на благо всей страны...
А я кручу напропалую,
Как пережиток старины!
Так дайте, дайте мне нагрузки,
Чтоб не шатался по бабью,
И, несмотря на то, что русский,
Я с послезавтра не пью!

Пусть мужики передовые,
Подхватят мой почин и клич.
Спасибо, органы родные,
Спасибо, Леонид Ильич!

Ну, народ догадывается, что в те времена последняя строка могла быть адресована только Брежневу...

А вот снова начинал Змей Горыныч:

Жена ушла как частота,
О чём свидетельствует ухо.
Квартира стала вдруг пуста,
Ни слуха о жене, ни духа.
Забрала вещи все из дома,
Необходимые как раз,
И унесла к своим знакомым,
Оставив только унитаза...

А здесь эстафету принимал я и логически доводил начатое до конца:

За что же так страдает честный
Простой советский инженер?
За то, что дома неизвестно,
Когда бывает. Например:
Всё лето по уши в навозе:
Прополка, силос...Канитель!
И осенью в родном колхозе
Картошку убираю, хмель...
То возвожу фонтан в экстазе,
Сооружаю дом жилой,
То на совсем вонючей базе
Копаюсь в овощи гнилой
(За лето собранную мной!).
Добавим тут командировки
По утверждению ТУ...
Жена ушла... Я жру в столовке.
Спасите, граждане! Ау!

А некоторое время спустя Змей законтачил как-то с работниками кукольного театра и при-тащил в отдел пяток игровых кукол — нас попросили по мере возможности их отремонти-

ровать, поправив различные тяги. Я на них поглядывал и решил: «Надо делать ширму». Так у нас в отделе был создан кукольный театр. Режиссировал постановки Юра Птицын, мы со Змеем писали сценарии, Альфред Грибер с баяном делал музыкальное оформление, Жанна Аксельрод пела, Петя Гаммер играл главного героя. Я тоже играл разные роли. Тематика была юмористической: вначале мы поставили Михаила Жванецкого «Собрание на ликёро-водочном заводе», затем пошли собственные сочинения на заводскую тематику. Обычно в сценарии было много песен, всё это несколько напоминало КВН, народ бурно поддержал наше начинание. Доставляло громадное удовольствие в разрезе ширмы наблюдать за зрителями — они, как правило, неудержимо хохотали, вытирая слёзы, а нас несло на импровизации, одна смешнее другой. На концертах в честь разных праздников нас обычно оставляли «на закуску», мы завершали заводской концерт. В последнем концерте, перед тем, как возвратить кукол, мы поставили шоу на тему «инженера с лопатой», ибо эта проблема стала как никогда острой — инженеры привлекались «пачками» и ежедневно — горкомом, обкомом, горисполкомом, а кроме того, завод сам строил новую гальванику, жилые дома и детский садик «Золотой петушок»...

Выступление получилось смешным, острым, народ веселился. А бедные партийные функционеры бегали вокруг нас и пытались получить сценарий постановки, потому что надо было что-то пришить к «делу». Но я сказал, что всё построено у нас на импровизации, бумаг нет, выступление последнее. На этом всё закончилось с куклами. Но в памяти нашей очень многие песни и шутки спектаклей оставались ещё очень долго...

БАЛЛЫ

Должен вам доложить, что в те, давно ушедшие годы, на киноинженерном факультете оптику читал профессор Балл. Это был совершенно замечательный дедок. Он приходил к началу занятий аккуратненький, с беленьким выглаженным воротничком, с галстуком. Потом мы поняли, что к лекциям его готовит и одевает заботливая жена, поскольку сам профессор к этому был совершенно не способен.

Многие наши сокурсники на его лекциях специально усаживались поближе к доске, чтобы иметь полную возможность наслаждаться речами Балла. А некоторые вели конспекты как можно более подробно, выписывая все слова профессора именно так, как он их произносил. Потом одни или коллективно они читали написанное в конспектах и буквально умирали со смеху. Потому что: а) профессор не выговаривал некоторые буквы, например, «р», заменяя её буквосочетанием «ыэ»; б) он иногда произносил нелепейшие словосочетания, часто лишённые всякого смысла, то есть, оговаривался, совершенно не замечая этих оговорок; в) поведение его порою за доской было чрезвычайно смешным и нелепым.

Забегая вперёд, скажу, что способ приёма им экзаменов по оптике был самым демократическим в Политехе: он требовал, чтобы все студенты на экзамен приходили с «талмудом», т.е. с конспектом. Затем он раскрывал конспект очередного экзаменуемого и спрашивал: «А скажите, милейший, что означает эта каыэтинка?» И если студент отвечал (или читал по конспекту), Балл приходил в дикий восторг и говорил: «Пыэкыэасно! Замечательно! Види-

те, вы всё знаете!» В том же духе он задавал ещё несколько вопросов и ставил пятёрку, таким образом, у него все ведущие конспекты были отличниками. До сих пор я покатываюсь со смеху, вспоминая его некоторые формулировки, типа: «Возьмём маленький кызасненький шайэик зелёнького цвета»!

А за доской во время лекции он вёл себя абсолютно непредсказуемо. Первое — он ни на секунду не прекращал речь, часто писал или рисовал на доске и тут же влажной тряпкой стирал нарисованное, тряпка для стирания с доски порой оказывалась у него в кармане брюк, после чего он стирал с доски носовым платком, вынутым из другого кармана. Однажды после перемены он совершенно шокировал наших дам, сидевших поближе к доске. Он, видимо, посещал туалет, и, когда вышел оттуда, забыл застегнуть ширинку. И из неё совершенно наивно выглядывал беленький уголок профессорской сорочки. Когда тряпка для стирания мела уже оказалась у него в кармане, а носовой платок тоже вскоре был использован, и занял место в кармане пиджака, он заметил нечто белое, торчащее у него из брюк. И схватил Балл это, и стал энергично это вытягивать из ширинки — что ему удалось, хотя и ценой расстегнувшихся пуговиц на сорочке. Но он таки умудрился этим белым вытирать хоть низ доски! Девки наши кончались от смеха, но старались это делать как можно деликатнее, чтобы не смутить профессора и не оторвать его от важного дела...

...А это я сам видел: из здания они вышли вдвоём — Балл и завкафедрой, профессор Карновский.

Завкафедрой шёл посреди, скажем прямо, не весьма широкого тротуара, а Балл шагал одной ногою по тротуару, а другой — по мостовой, которая была заметно ниже.

Я шёл сзади них и уже улыбался во все зубы. Балл весьма долго так шагал, а потом сказал невнимательному Карновскому: «Вы знаете, доызогой дыэуг, никак не пойму, но я почему-то стал хыэомать!», после чего завкафедрой силком вытащил его на тротуар, и Балл откровенно обрадовался тому, что жить стало легче.

...А это мне рассказывали: однажды ректор Политеха доцент Плыгунов по какой-то причине вызвал к себе профессора Балла. Сам Балл перед посещением ректора (а это дело было мокрой весной) отчего-то кипятился и приговаривал, что наконец-то всё и прямиком выскажет Плыгунову. Когда Балл появился в приёмной, то секретарша Плыгунова грубовато сказала ему: «Вы хотя бы калоши сняли, прежде чем входить в кабинет ректора!» Профессор тут же старательно стянул калоши с ботинок, взял их в правую руку и вошёл к Плыгунову. Подойдя к его столу, он с размаху поставил свои калоши на стекло стола ректора и начал свою возмущённую речь. Представляю себе, насколько это шокировало интеллигентного Плыгунова!

Я думаю сейчас, когда мне посчастливилось узнать семью Баллов поближе, каких сил и трудов стоило жене профессора ежедневное приведение в порядок его одежды и внешнего вида! Это был, конечно, настоящий подвиг...

Всё произошло случайно. Я, утомившийся от своей работы выбивщиком, по подсказке одного соученика, зашёл на кафедры нашего факультета и поинтересовался, нет ли у них для меня работы лаборанта. Мне отвечали чаще всего «нет», а вот пожилой заведующий одной лаборатории (к сожалению, я не помню его фамилии) начал меня подробно допрашивать, как я попал в такую мясорубку. Я рассказал, а он выслушал. В конце он сказал: «Да, положение незавидное. Я не обещаю точно, но постараюсь вам помочь». И всё.

А через несколько дней, помнится, в коридоре, у окна меня остановил профессор Балл.

— Вы знаете, мне ыэсказали вашу тыэагичную истойэию. Это пыэямо кошмаыэ. Я вам подскажу, что надо делать. Мой сын Гаыэик ыэаботает в Институте Психологии. Я ему ыэасказал пыэо вас, и он покоыэнейше пыэосит зайти к нему, когда вам будет удобно.

И ещё, он долго и много говорил со мною, но мне трудно точно передавать его речи.

Я просто горячо поблагодарил его и, выбрав удобное время, забежал в указанное мне место.

Институт психологии Академии Наук УССР находился во втором квартале от Крещатика повыше Центрального Универмага по улице Богдана Хмельницкого. Поднялся я наверх и, кажется, на третьем этаже отыскал длинный коридор Института психологии. И первый, кого я увидел в этом коридоре, был младший Балл, который тщательно носом отслеживал филёнку стеной панели. Скажу сразу, Гаррику не были свойственны качества его отца, но ходить по коридору Института, приглядывая за филёнкой — была единственная его странность.

Гаррик был настолько же приветлив, как и его отец. Оказалось, что он окончил именно Киноинженерный институт, более того, он уже защитил диссертацию по коррелометрам — это такие приборы, которые отслеживают корреляцию (ну, не бейте меня сильно, я просто не знаю, чем заменить это слово из теории вероятности). В Институте психологии он работает уже давненько, занимается приборным оснащением психологических опытов. Как оказалось, Гаррик искал такого человека, который помог бы ему в работе над аппаратурой, которую дружно придумывают его сотрудники-психологи, а один из наиболее активных психологов по фамилии Милерьян сумел даже заключить (напомню, это было в середине 1961 г., т.е. уже после полёта

Ю. Гагарина) договор с каким-то ведомством о разработке аппаратной части психологических методов, касающихся отбора кандидатов в космонавты. Договор был с приличным материальным обеспечением, так что после переговоров с Гарриком, он остался доволен мною и отвёл меня к учёному секретарю Института для оформления меня на работу. Я числился лаборантом, но денег мне положили больше, чем я получал в горячем цеху. Более того, мне сразу было сказано, что я имею полное право во время занятий на работу не приходить, а приходить позже, когда мне это будет удобно. Точно так же, достаточно было звонка Гаррику, чтобы на следующий день изменить мне время работы в Институте. Я мог приходить уже затемно и сидеть до 12 ночи, а мог и переносить свои будничные хлопоты на выходные дни. Рабочее место мне было определено в просторной мастерской, где слесарил-токарил пожилой мастер, с которым мы быстро подружились. У меня был широкий стол, на котором мне предстояло мастерить и собирать аппараты, о которых шла речь выше.

С Гарриком вообще у нас сложились отношения, которые я ценю до сих пор. Он очень любил со мною беседовать, мы совместно обсуждали конструкцию и психологические аспекты создаваемых приборов, он проникся ко мне уважением, так как разглядел способности, о которых только мечтал. Другими словами, мы поверили друг другу и постепенно очень подружились. Гаррик не удержался, стал приглашать меня к себе домой, потом я понял, что таким образом он решил меня подкармливать. А там — недалеко от работы — на углу улицы Красноармейской в огромном доме жили обожаемые мною Баллы, прекрасная культурнейшая семья, сразу принявшая меня как родного.

Именно в этом здании ранее находился Киноинженерный институт, знаменитый тем, что

однажды студенты, сдававшие некий экзамен, получали двойку за двойкой, и один из них решил позвонить в пожарную и сообщил, что на третьем этаже Киноинженерного «горят» студенты. Затем он позвонил в «психиатричку» с сообщением, что профессор такой-то сошёл с ума. Такое время тогда было, что почти одновременно в здание Киноинженерного прибыли пожарники и кареты скорой помощи!

На работе мне тоже вдруг начали уделять чрезвычайное внимание. Сначала учёный секретарь, с которой мы уже познакомились при приёме на работу, стала заходить ко мне, вроде проводивать, и каждый раз она знакомить с очередной из дам, которые многочисленно работали психологами. Эти дамы, как квочки, ходили вокруг молодого пацана и придумывали, что бы такое хорошее и приятное сделать «своему сыночку», как они стали меня называть. Это было приятно и ничуть не отягощало, ибо вообще среда Института была доброй и семейной. Исключение составлял только Милерьян, который постоянно был чем-то недоволен, бурчал. Однако со временем и он стал ко мне относиться по-отчески: видимо, его ожидания, что я стану сачковать, не оправдались. Мне и правда было интересно создавать новые приборы, и я практически всё свободное время был в Институте, засиживаясь с мужиками до поздней ночи. И вот, однажды, меня ознакомили с приказом директора Института психологии УССР, этим приказом я был переведён на должность инженера, с соответствующим увеличением заработной платы...

Я посылал маме деньги, но семье всё было мало. Мама продолжала настаивать, чтобы я бросил институт или перевёлся на заочный. А мне этого делать ну никак не хотелось. Я и так учился на пределе возможностей, потому что работа всё же отнимала массу времени. Но ска-

жу вам, что такое молодость! Мне казалось тогда, что ничего невозможного для меня не существует. Я, конечно, пропускал много занятий в институте. Вот, скажем, надо сдавать дифференцированный зачёт по теории вероятности. Поскольку я посетил всего несколько занятий, конспект у меня был самый несчастный. Сдавать завтра, а сегодня, ближе к вечеру, я беру книгу Вентцель (напомню, это женщина-математик, которая написала также чудесный роман «Кафедра»), заваливаюсь на свою койку и всю ночь читаю эту книгу. Утром бегу в институт и сдаю теорию вероятности на «отлично». Тут же у меня из головы начисто вылетает всё, что я за ночь запомнил! Почти такая же история была с сопроматом. Это серьёзный предмет, о котором говорили студенты так: «Сдал сопромат, можешь жениться!» И я его тоже сдал на «отлично», почти не бывая на лекциях.

Но, в конце концов, я всё же сдался на мамины уговоры. Это произошло в 1962 году.

Я перевёлся на заочный факультет, увеличив себе срок обучения, ибо на заочном надо было оканчивать не 5, а 6 курсов. Уволился из Института психологии, получив там красивую трудовую книжку, попрощался едва ли не со слезами со всеми сотрудниками и уехал в Житомир.

Почти сразу же после приезда пошёл на завод «Электроизмеритель», где из отдела кадров меня сразу же выгнали — мол, нет вакансий. Но я был упрям, и через некоторое время проврался в кабинет главного инженера Таракановского. Он посмотрел мою трудовую и позвонил главному конструктору Невмержицкому, тот меня принял, побеседовал и направил в конструкторский отдел к Письменному работать инженером-конструктором. Почти два года я изучал конструкторское дело с Зайцевым, Царенко, Колесниковым, Захаровым, пока на

заводе не появился Виталий Волошин... И вот тогда впервые я получил реальную возможность заняться своей электромузыкальной суперидеей!

А до этого, работая в отделе главного конструктора, я успел: научиться скрупулёзной работе ведущего приборы конструктора, жениться, поиграть в футбол за ОГК, принять участие в выпуске юмористической газеты ОГК под названием «Стоп». Всё это были этапы, к чему-нибудь приводившие. Конструкторская работа по сопровождению изделий в производстве очень пригодилась мне и на новой стезе. Женившись, я приобрёл постепенно статус бездомного мужа, имеющего маленькую дочь. Игра в футбол за ОГК очень мне нравилась, а однажды, забив головою решающий гол, я потерял зрение на один глаз. Это произошло из-за тромба в артерии, питавшей сетчатку глаза. Таким образом, я стал не только глухим на правое ухо, но и слепым на правый глаз. Но дефекты эти были окружающим незаметны, хотя и мешали мне чертить, что в определённой степени положительно повлияло на решение начальства перевести меня в отдел к Волошину. У него я стал вначале ведущим инженером-электриком по изделию «Итератор 1». Это была аналоговая вычислительная машина для решения дифференциальных уравнений до 8 порядка.

Открытость Виталия позволила мне как-то обсудить с ним моё увлечение электромузыкой. И случилось совершенно для меня неожиданное — он тоже загорелся этой идеей и позволил мне вначале во внеурочное время, а потом во всю полную силу заниматься макетированием первого нашего электромузыкального инструмента. Вот тогда и появилось словечко «Эстрада», вот тогда мы и познакомились с Лёликом Вайнштейном, который апробировал наши первые «Эстрадины». И 12 февраля 1964 года впервые наше детище было продемонстрировано

комиссии с главным инженером завода А.Г. Назарчуком. Результат этого был таков, что в отделе Волошина появилась номинально лаборатория 21 во главе со мною, что было предложено утвердить перспективный план работы отдела Волошина по электромузыкальным инструментам. Другими, более понятными словами — 12 февраля 1964 года на заводе «Электроизмеритель» возникло новое техническое направление, а мы, его апологеты, стали в этот день ежегодно отмечать «День электромузыки». Кстати,

делаем это и сейчас, по прошествии 45 лет — в этот день обычно нам звонят наши дорогие сотрудники-израильтяне — Алик Грибер, Лев Фукс, Петя Гаммер, звонит Яша Тененбаум из США, звонит Саша Чалышев из Канады, а Змей Горыныч из Ельца. И мы, собравшиеся в примерном составе: Эдик Кулаженко, Миша Мандрыгин, Валя Комиссарчук, Аркаша Кузнецов, Володя Бабинцев, Леон Толчинский, Леонид Федорчук, т.е. обломки отдела НИО-17 СКТБ, а также прежних модификаций отдела — лаборатории 21, КБ-6 — ведь время шло, и были необходимые переименования, но независимо от них, электромузыкантов ни с кем не перепутаешь! Мы свято храним память нашу о сотрудничавших с нами Виталии Волошине, Борисе Сасаге, Юрии Птицыне, Володе Омельченко и других дорогих нам людей...

ЕЩЁ О СОБАЧЬЕЙ ЖИЗНИ

(2000-2009)

СОНЯ

Мы только что переехали из Иркутска и занимались ремонтом нашего нового жилища. Забор вокруг усадьбы был разрушен, и потому состоялась эта встреча. Мать (читай — жена) заходит в дом с огорода, а за нею — Чебурашка. «Нет, ты глянь на это чудо!», — кричит она мне. Оказалось, встретив мать в огороде, Чебурашка сделала охотничью стойку, потом подошла, «улыбнулась» и лизнула матери руку. И пошла рядышком к дому. Я заговорил с нею, присев на колени — она тоже подошла ко мне, принялась лизнуть в нос и сказала: «Я у вас буду жить».

Хоть и понравилась мне Чебураха, я ей не поверил. Явно пришла от соседей, значит, и уйдёт домой. Но настал вечер, а она не уходила. Когда пришла пора спать, я выпнул её на порог и сказал: «Иди домой, дорогуша, тебя хозяева заждались».

К нашему удивлению утром мы обнаружили её на пороге. Она тут же по-хозяйски вошла в дом и потребовала жратиньки. Накормили. До боли приятное существо.

А воображение рисовало мне старушку-пенсионерку, которая вся в переживаниях, куда подевалась её собачка... И позвал я Чебураху пройти по окрестным улочкам и переулкам. Она с удовольствием пошла со мной. Ходили и спрашивали соседей: «Не ваша ли собака? А не знаете, чья?» Никто не знал. Лишь в один из переулков Чебураха наотрез отказалась заходить. Я решил, что она просто устала, и мы пошли домой. Так продолжалось несколько дней: она ночевала на пороге (лето было), а днём мы отправлялись

вместе на поиски хозяев. И снова она отказывалась заходить в тот же заклыйтй переулоч...

Она освоилась полностью, даже стала облаивать приходивших к нам гостей, почтальоншу, гоняла с огорода ворон и забредших кошек. А с нами вела себя так, вроде мы старые её хозяйева, и мы быстро к этому чуду привыкли.

Но однажды она бросилась с лаем к калитке... неожиданно замолчала и, поджав хвост, метнулась в дом. За калиткой я увидел мальчишку лет 15, который мне делал какие-то знаки. «У вас моя собачка! — сказал он, когда я подошёл ближе, — она убежала из дома, я уже несколько дней её ишу.» Я пригласил его зайти во двор. Чебураха исчезла. Насторожило, что она спряталась.

— Ну, хорошо, что хозяин нашёлся,— по-кривил я душой.— А где ты живёшь?

Оказалось, в том самом «заклятом» переулке...

— Соня, Соня!— стал звать он собаку.

Чебураха (оказывается — Соня она!) не от-зывалась. Хозяин был настойчив, и она появи-лась на пороге, униженно вилая хвостом, но как только он протянул к ней руки, она отбе-жала и спряталась за мою штанину...

— А ты её не обижаешь?— спросила мать, — она странно ведёт себя с хозяином.

— Ну что вы, я ни разу не бил её, кормим хорошо...

— Ну ладно, забирай свою Соню, что поде-лаешь,— сказал я.

— Мы уже к ней привыкли, такая красивая и хорошая собака,— вставила мать.

— Ну, вы её не знаете,— отвечал мальчик.— Она такая... шлюха. Убегает из дому постоян-но. А я ишу её. Гулёна она. Сука, одним сло-вом. Буду теперь знать, где её искать...

Мы с матерью переглянулись. Как-то грубо-вато получилось у него...

Взял он её на руки, развернулся и пошёл. А Соня через его плечо смотрела на меня, и её глаза говорили: «Что ж вы делаете, вы же види-те, что я не хочу уходить от вас, я плачу...»

Несколько дней мы её не видели. Мать уехала в Сумы к сыновьям, я был дома один, возился с ремонтом потихоньку... И вдруг — чудо, бе-жит ко мне лучезарная, сияющая Соня, виз-жит, я хватаю её на руки, она облизывает мне всё лицо, не переставая визжать от восторга! Никогда не забуду эту встречу — не поверите, я её целовал в мордаху, это была такая обоюдная радость! Накормил. Ела жадно, давилась...По-том опять повторился восторг встречи, что-то она пыталась мне рассказывать, но я понял одно: там ей плохо, а здесь она счастлива.

Когда вновь пришёл этот мальчишка, я ска-зал ему, что не зря она убегает, собакам это несвойственно, они верны даже дурным хозяе-вам; значит, у них происходит что-то неорди-нарное, раз убегает она из дому и прячется от хозяина. Я предложил ему продать её мне. Он наотрез отказался, забрал её и ушёл. Но она опять прибежала через пару дней.

Так повторялось в течение месяца. Наконец, настоящим хозяевам это надоело, и мальчишка пришёл ко мне уже с официальным предложе-нием, согласованным с его родителями.

Он захотел, чтобы я взамен купил ему щен-ка-пекинеса, причём, обязательно девочку, оказалось, он имел некоторый навар, прода-вая щенков от Сони. Я с радостью согласился, тут же схватил его за руку, потащил к телефо-ну, развернул кучу газет с объявлениями, и мы стали обзванивать хозяев пекинесов. К удив-лению своему, очень быстро обнаружили под-ходящий по описанию экземпляр; я вызвал такси, и мы поехали с парнем по адресу. Воз-вращались оба довольные: щенок ему подо-шёл, а я готов был отдать любые деньги за

Соню, поэтому облегчение кармана на сто гривен меня только радовало.

Но больше всех радовалась Соня — не знаю, как она это поняла, что её больше не заберут, но визга и поцелуев было примерно столько же, как в и ту незабываемую встречу её первого возвращения...

Позже узнал, чем всё объяснялось — лупили Соню нещадно в «заклятом» переулке... Эта история произошла в 2000 г. летом-осенью. Бывшие хозяева Сони разменялись и уехали. Лишь через два года Соня «повела» меня в этот переулок, обошла всю усадьбу своего детства...

А потом мой старый друг Аркадий Кузнецов, увидев у меня Соню, сообщил, что у него «точно такой же» кобелёк, его ему «в наследство» оставила сестра, уехавшая насовсем в Россию. И он с радостью подарит его мне... Так у нас появился Топа, который действительно был той же в точности породы. Я его перекрестил в Стёпу, он не возражал. А Соня не возражала против молодого симпатичного «мужа». Правда, на условиях, что главой собачьей семьи останется она. Стёпа согласился, не раздумывая. И никакая Соня не шлюха! Бродить любит, но ходим мы только вместе, сама она — никуда. Моногамия оказалась для неё очень даже приемлемой: так интересно наблюдать эту парочку в брачный период... Стёпа — настоящий джентльмен, от Сони не отходит, ухаживает постоянно и с большим достоинством. Видно, что ей это внимание приятно, они ведут себя как неразлучники...

Теперь у соседей за забором живёт их сын Кузя. Я его назвал так, чтобы можно было не на словах, а на деле любому показать Кузькину мать.

А у нас живёт всеобщая любимица, их дочь Дуся (мальчиков разбирают знакомые в очередь) а Дусю мы и сами не захотели отдавать... Эмоциональное и милое создание, повторяющее маму, но очень дорогое, выстраданное нами

(очень серьёзно болела). Теперь у нас слово Дуся обозначает самое родное и любимое...

Соня лежит всегда возле меня на пуфике, а Дуська лежит тут же на коврик. Только Стёпа весь в делах — он дом охраняет, пока девки нежятся... Настоящий мужчина!

ДАШКА

История появления Дашки на белый свет ещё более поразительна.

Дуська щенилась впервые. Приспичило ей с наступлением ночи 4 февраля 2004 г. Искала место, и я поставил ей в качестве укрытия картонную коробку из-под телевизора со специально прорезанным окошком для входа, устелил дно всякими тряпками и загнал её туда. А сам уселся за стол с книгой, приготовившись к бессонной ночи.

Её мама Соня обычно тоже рожала в этой коробке. Она всегда тяжело рожала, страдала от боли, визжала, выла, рычала... Поэтому я ожидал начала родов именно по этим признакам. Но в будке было тихо. Через некоторое время тишина меня насторожила, и я заглянул в будку. Дуся сидела с глупыми глазами, а перед нею лежал странный белый комок. Присмотревшись, я понял, что это плод в плёнке последа... Прикоснулся пальцем — он был почти холодный.

Видимо, материнские инстинкты ещё не проснулись в молодой собачурке, и она не понимала, что надо обрабатывать плод, снимать плёнку, иначе дитя задохнётся... Не понимала, как это делать... А я это «как» понимал ещё меньше... Потому позвал жену, которая тоже ожидала родов, но задремала. Сели мы — двое «высших» существ у собачьей будки и стали друг

друга понукать «что-то делать». Но ничего не делали, потому что не знали, как...

И тут меня осенило! Я позвал Соню. Та протиснулась по-хозяйски между нами в будку, обнюхала плод и стала быстро его обрабатывать. Что-то грызла, облизывала, пинала носом, наконец щенок запищал. Она улеглась и подгребла его под себя. А на Дуську, сидевшую рядом по-прежнему с глупым выражением «лица» зарычала. Дуська тут же поджала хвост и вышла из будки.

Мы были совершенно растеряны, потому что поняли: Соня «присвоила» щенка. Но она уже старенькая, год как не рожала, молока, естественно, у неё быть не могло... Странная ситуация! А в это время Дуська в соседней комнате странно присела на паласе и из неё вывалился ещё один комок — на этот раз тёмного цвета — а сама она побежала, прыгнула в кресло и улеглась, глядя на нас теми же глупыми глазами... Мы были в шоке. Что делать? Я схватил новорожденный комок и потащил к Соне в будку: «Давай, бабуля, выручай свою необразованную дочь!» И она тут же занялась и этим комком, и через пару минут мы услышали второй голос (добавлю — это как раз была будущая Дашка!). И этот щенок оказался под брюхом Сони. Они оба деловито терзали её пустые соски...

«Может, у Сони появится молоко, — сказала жена, — рассказывают, что у людей случались такие истории. Материнский инстинкт иногда просыпается и у нерожавших». Я очень сомневался на сей счёт, тем более, что Соня находится по возрасту за гранью климакса. Но не стал спорить, а сказал, что утром позвоню знакомому ветврачу. В это время мы услышали писк из соседней комнаты. Оказалось, что Дуська родила третьего, но на сей раз сумела его обработать и стала кормить, а когда мы подошли, она зарычала.

К утру диспозиция прояснилась окончательно: в кресле лежит Дуся с тремя щенками, а в будке — Соня с двумя и без молока. И та и другая озабочены материнством, и нас к щенкам не подпускают. Беседа с ветеринаром ничего не прояснила: в редких подобных случаях молоко у нерожавших «кормилиц» появлялось, но возраст... Словом, она предложила полагаться на судьбу и ничего не менять — ну, погибнут двое без молока, ну, что поделаешь, мол...

Три дня продолжалась эта неясность. Щенки, оставшиеся у Сони, стали орать — видимо, были голодные. И вот, воспользовавшись отлучкой Сони по естественной надобности, жена перетаскала этих двоих к Дуське... Трудно вам описать, как страдала Соня, потеряв щенков... Она бродила везде, искала, звала их, обращалась к нам с глазами полными слёз... Я потрогал её сосочки — они набухли — не сильно, но набухли... Надавил на один — молоко! У Сони появилось молоко! Не знаю, как бы развивались события дальше, но на данный момент этого молока было явно недостаточно, щенки голодали...

Соня поняла, наконец, что «её» щенки у Дуси... Сидела рядом с креслом и плакала. Скулила, просила нас ей помочь. Я опасался естественной, на мой взгляд, ситуации, когда Дуська на время оставит щенков без присмотра, то Соня немедленно займёт её место, и тогда обратно Дуську не пустит. Но... люди, вздумайте в это чудо! Это — на мой взгляд. Но не на собачий... Мы, люди, способны на подобные поступки. А собаки, оказывается, нет... Дуська спокойно уходила по своим делам, я, конечно, был начеку, но... Соня страдала рядом с креслом, так и не позволив себе перешагнуть табу... Она только взбиралась повыше, на диван, стоявший рядом, смотрела на клубочек шевелящихся детишек и тихонько скулила... Потом, когда щенки стали самостоятельно передвигаться, у них было две заботливые «мамки»: Соня тоже их вылизывала, «убирала» за ними, но ни разу не сделала попытки «присвоить».

Месяц назад, когда у кошки появились котята, почти так же вела себя Дуся — она взяла на себя функции «названной» мамки котят. Смешно и трогательно было наблюдать, когда она охраняла оставленных кошкой на время котят, никого к ним не подпуская, ухаживала за ними, вылизывая их... А когда возвращалась Марыся, она смешно бодала головой Дуську, как бы благодаря её за помощь. Марыся укладывалась с котятами, а Дуська сидела рядом и, по глазам ощущалось, была очень счастливой... Так продолжалось почти месяц. Сейчас котята разбрелись по дому и уже не очень нуждаются в подобной опеке. Кстати, должен отметить, что все наши собаки с большой нежностью относятся к ним.

ФРОСЬКА

Фроська — первенец Дашки. Дашка, рожая её, ещё, видимо, очень неумело перегрызала пуповину, тянула её. И у Фроськи возникла грыжка. Я было собрался оперировать её, но потом подумал — а кто из знакомых ветеринарных врачей сделает эту операцию безукоризненно? И понял — никто. И решил просто хорошо следить за ней, чтобы не возникали эксцессы. Естественно, её братья и сёстры ушли «к хорошим людям», а Фроська осталась со мной.

Когда мне пришлось продавать свой дом и усадьбу и перебираться в однокомнатную квартиру, решение было одно: всех собак надо куда-то пристроить, потому что мне некуда было взять их. Я познакомился на Житнем рынке с одной собачницей, которая согласилась забрать к себе в микрорайон Солнечный всех моих собак, гарантируя мне доброе отношение к моим зверям. Я, разумеется, отдал собак бесплатно, и они уехали в Солнечный. Для меня это был очень тяжёлый процесс, мне до сих пор снятся все ребята — Кузя, Дуська, Дашка... Растроганная знакомая собачница сказала мне, что если я попрошу вернуть одну собаку, она возвратит мне любую из них. Ещё не переехав в новую квартиру, я стал буквально бредить моими любимцами. А особенно мне страшно было за Фроську с грыжкой... И я не выдержал: поехал на рынок, нашёл мою собачницу и попросил вернуть мне Фроську. Она позвонила по мобилке мужу-шофёру, и тот через некоторое время приехал на базар с Фроськой. Это ещё та была встреча! Фроська была уже щенная, Кузя за ней поухаживал. А у нас переезд затянулся, и Фроська разродилась в начале февраля. Числа 20-го февраля пришлось переезжать, и в Эдиковых «Жигулях» мы везли на заднем сидении Фроську и в отдельной «упаковке» всех

пятерых щенков. Она очень переживала, но, едва мы вошли в квартиру, я постелил в уголке покрывало, выгрузил щенков, и сразу всё стало на место: Фрося улеглась с ними и была очень довольна.

С тех пор мы живём вместе с Фросей.

Это единственная из всех наших собак, которая доверяет мне своих щенков. Без меня она отказывается их рожать. При каждом родах мне приходится выполнять роль акушера: ей трудно с грыжкой так перегнуться, чтобы достойно обработать каждого щенка. Я научился подхватывать и вытягивать щенка, а также перерезать ножницами его пуповину. Ну как в этих условиях Фроське не оказывать мне полное доверие?

Только это и остаётся, потому что обычный стиль поведения собаки-роженицы просто привёл бы к трагедии. В дальнейшем, когда я подкармливаю или ласкаю малышей, Фроська ведёт себя очень уверенно и спокойно: 100-процентное доверие...

Есть у Фроськи один недостаток, с которым мне приходится мириться и управляться: периодически она линяет и сильно разбрасывает свою шерсть по всей квартире. Это довольно сложная проблема в малом помещении, но скажите, что мне делать? Только управляться с этим, как это только возможно.

Самое смешное — она стала меня дрессировать! Для неё стало вдруг престижным, чтобы на прогулку я сносил её на руках с лестницы второго этажа, где мы живём.

А вот когда идём с прогулки, она понимает, что надо вернуться самостоятельно. Почему? Потому что погода бывает разная, и возвращаться она может грязной. Всегда, возвращаясь, она ждёт у ванной, пока я наберу теплой водички для купания. Купается охотно, вытирается с удовольствием. Для прогулок у нас существует расписание, которое почти не меняется: первый

раз мы идём гулять в полшестого утра, второй раз — в пять вечера. Почти за два года проживания в новой квартире Фроська ни разу (!) не напачкала в ней. Она любит сама выбирать маршрут прогулки: бежит всегда впереди меня, а я покорно иду следом, но она, я заметил, аккуратно следит за мной. У неё появились знакомые и друзья (!) среди множества бездомных собак нашего квартала. К друзьям она идёт особенно охотно, обнюхивается и как бы переговаривается с ними. Абсолютно никто из этих собак никогда не зарычит на неё, не укусит. Только приветливое, вежливое отношение — это же надо суметь так себя поставить маленькой шавке! Но ведь не только собаки! Её почему-то очень обожают женщины. Она сама к ним относится с доверием, подходит, ластится. Мужиков игнорирует. Её уже хорошо знают соседи в нашем квартале; она, в принципе, смеш-

ное создание, и я часто замечаю у встречаемых людей улыбку, адресованную Фроське. Она очень доброе, терпеливое существо, ныне единственная моя спутница. У неё необычный день рождения – ночь с 31 декабря на 1 января. Как у моей мамы. Когда мы будем встречать Новый 2010 год, ей исполнится пять лет. У нас такие хорошие сердечные отношения, что я иногда думаю, а может, действительно это волшебное воплощение моей мамы?

И ещё я хочу сказать любителям выбирать себе «мальчиков»: за свою собачью жизнь я понял, что нет лучше друга, чем собака-«девочка». За исключением короткого брачного периода, это существо всецело предано хозяину, с нею не бывает «форс-мажоров», которые столь неприятны обладателю кобелев. Фрося не носит ошейника и не приучена к поводку, она свободна, и именно за это она так благодарна мне, что не сделает ни одного несогласованного с хозяином поступка. Я прекрасно управляю её поведением только с помощью слов, помогающих мне больше, чем назойливый поводок.

СКАНВОРДЫ И ПРОЧЕЕ

Когда мне исполнилось 58 лет, я вдруг серьёзно задумался: а чем мне заниматься через два года, на пенсии? Я владею в совершенстве компьютером. Это удобно тем, что работать можно дома. Скажем так: в известных условиях можно работать даже лёжа на диване, если оснаститься соответствующим оборудованием. Какие можно выполнять работы? После некоторых раздумий я оставил два варианта: а) программировать, б) разрабатывать кроссворды и сканворды для прессы. Чтобы программировать, надо этому научиться. А чтобы составлять кроссворды, надо также научиться программировать. Потому что хочешь – не хочешь, а надо будет сделать для этого специальные программы. Таким образом, начинать надо с программирования. Поскольку для кроссвордов более всего подходит программа «в клеточку» Excel, то целесообразно изучать программу Визуэл Бэйсик для приложений, которая встроена в Майкрософт Офис. А обыкновенная Визуэл Бэйсик позволяет делать и самостоятельные программы. Так был сделан выбор языка программирования. На освоение общего Визуэл Бэйсика по имеющейся изданной литературе мне понадобилось около полутора месяцев. И первая дельная программа, которую я написал, это была программа отпуска товаров, которыми мы торговали, а также общая схема бухгалтерского учёта. Должен сказать откровенно, что я не ожидал сразу такого немедленного успеха: мы потом долго работали по этой программе без всяких сбоев и ошибок. Поскольку, вообще говоря, речь о производимых программах могла идти в очень широком ракурсе, я решил на-

писать несколько программ игрового плана и выставить их на сайтах Интернета. Так появилась первая программа под названием «Ах, Счастливчик!», которая имитировала появившуюся в то время новую передачу телеканала НТВ. Я самостоятельно разработал массу вопросов, различных по сложности, и выставил программу на сайт условно-бесплатных программ. И — чудо произошло! Эта новая программа неожиданно завоевала всеобщую популярность и вышла на первое место в Интернете по итогам скачивания файлов. Я сразу стал прославленным программистом. Мне приходили тысячи писем с благодарностью и сотни предложений по совершенствованию базы вопросов. Одно из таких предложений мне прислала девушка по имени Ольга Ивенская (запомните это имя), а кроме этого она стала регулярно пополнять базу хорошими вопросами. Мне писали и программисты, чаще всего лестные отзывы, а один хакер, взломавший мою программу, прямо написал, что его поразила логичность и необычность хода моего программирования, и указал, что у программы есть только один недостаток — она не защищена от взлома. Я это постарался учесть, и последующие несколько программ, которые хоть и являлись игровыми, но были, в известной мере, защищены от взлома. Прошло некоторое время купания в лучах славы, но что эта слава, если никто не хотел покупать мои программы? Нужно было понять, что наш соотечественник скорее околеет, чем станет платить деньги за программы! Или это должен быть совершенно другой сегмент рынка, как, например, антивирусные программы, или мне попросту следовало удавиться. Десятки программ я выставил в Интернете, но у меня никто и ничего так и не купил. Тогда я, как всегда неунывающий, приступил к реализации следующего проекта — поставки кроссвордов средствам мас-

совой информации. В это время уже действовал наш совместный с таганрожцем Алексеем Ивановым проект «Ах, везунчик!», наследовавший мой «Ах, счастливчик», но ставший игровым сайтом, где можно было разным пользователям соревноваться и беседовать в перерывах игры. Это был своего рода новый всплеск популярности этой игры, благодаря которому возникли отдельные команды, решившие в дальнейшем даже встречаться в реале.

А я засел за разработку кроссвордных программ, изучив предварительно, что по этой части уже сделано. И попался мне под руку такой славный парень из Петрозаводска Игорь Марченко, с которым я вступил в переписку, потому что этот, как было по всему видно, способнейший программист, упускал многие очень важные вопросы из кроссвордистики. Нам удалосьkontakтировать настолько хорошо, что он согласился почти со всеми моими конкретными предложениями, и потому появилась программа «Крестословица 1.26», которую можно считать венцом нашего сотрудничества. Это было в 2002 году. Кроме этого я написал целую систему различных программ под «Excel», которые позволяли решать любые самые сложные, вопросы для профессиональной работы над кроссвордами и сканвордами. Параллельно я попробовал размещать свои кроссворды и сканворды в местной иркутской прессе и достиг там известного успеха. Он сказывается до сих пор, хотя я живу теперь очень далеко от Иркутска, но систематически меня просят присылать сканворды и оплачивают мои услуги. Я увидел за это время всю слабость и нищету средств массовой информации: работая на область, газета не может себе позволить щедро платить за сканворды. Как оказалось, это могут себе позволить лишь чисто кроссвордные издания, распространяемые на всю Россию, или даже шире. Та-

ких изданий не так много, потому там все вакансии заняты... Но вот как-то однажды Оля Ивенская написала мне, что она работает в таком мощнейшем издательстве под названием «Логос-Медиа» (Москва), которое контролирует практически 70% российского рынка кроссвордов и сканвордов, и она могла бы предложить мне работу, если я пройду вступительный конкурс, для чего она мне прислала требования редакции к сканвордам. Там всё было очень логично и строго: в одном сборнике сканвордов не должно быть повторения слов, более того, не допускались дубли в виде синонимов или однокоренных слов. Слова должны быть простые, чуть посложнее должны были пересекаться с другими всеми своими буквами. Задача была не в том, чтобы совсем озадачить решающего, а наоборот, помочь ему легко решить сканворд, получая удовлетворение от своего уровня знаний. В сканворде не должно было быть двухбуквенных слов, трёхбуквенные нужно было сводить к минимуму. Я решил для себя так: в сканворде не должно быть ни двух, ни трёхбуквенных, а к минимуму я буду сводить четырёхбуквенные. Это потребовало от меня придумать систему такого составления сканвордных сеток, при котором обеспечиваются заданные минимумы коротких слов, а в остальных случаях работают только длинные слова. Но эта задача была сложной, хотя и решаемой, если грамотно подойти к структуре сетки. И это удалось мне. Я послал необходимое количество сканвордов, и через некоторое время мне сообщили, что со мною по телефону хочет поговорить главный редактор «Логос-Медиа» Леонид Сладков. Он сообщил мне, что я принят в число авторов «Логоса», и что он желает мне удачи. Затем пришло письмо от Оли Ивенской, в котором она выражала свою огромную радость, что меня приняли. Кстати, если вы наблюдаете

за программой НТВ «Своя игра», то иногда можете там видеть Олю Ивенскую, которая пытается удачу игрой в качестве знатока. Скажу прямо, это очень красивая и очень умная женщина. Таких мало!

А дальше меня прикрепили к Коле Калмыкову на составление выходившего тогда журнала «Товарищ капитан». К своей радости я за первый же месяц заработал тысячу долларов! Это было великолепно, потому что решались все проблемы на долгое время, пока я буду нужен редакции «Логос-Медиа». Затем я пошёл по рукам. С кем только меня не заставляли работать! Как говорится, меня по порядку перепробовали все бабы и все мужики «Логоса». И вот один из этих мужиков, Миша Захарчук (как уже по фамилии можно было догадаться, что он такой же хохол, как и я) пишет мне как-то, что ездит на

своём авто летом в Хмельницкую область проведать своих стареньких родителей, но за время поездки так устаёт, что ему не помешала бы остановка на ночь в Житомире. Ну, блин, напугал! Да я с радостью приму такого замечательного коллегу! И вот с этой первой встречи началась наша большая дружба, потому что мы очень хорошо поняли друг друга и очень правильно оценили друг друга. С тех пор я стал чуть ли не первым автором «Логоса»: к Новому году у них принято было дарить лучшему автору корзину с напитками и вкуснятинами. Они специально собирались по этому поводу, и многие говорили, что надо бы в этот раз поощрить Федорчука, но это как бы сложно... передавать корзину на Украину или посылать... давайте лучше дадим кому-нибудь из москвичей... Тут вставал Захарчук и громовым своим голосом сообщал, что трудностей никаких нет, что он берёт на себя обязанность отвезти мне подарок собственноручно! И все сразу облегчённо соглашались — пусть везёт! А я, соответственно, занимал первое место среди авторов. А Захарчук, довольный, что вывел меня в «передовики», сообщал мне, что конфеты и прочая вкуснятина до лета не доживут, но бутылки он мне точно привезёт, а что нам, конфеты что ли нужны? «Конечно,— писал я ему,— на кой мне хрен эти конфеты — портить зубы? Главное — первое место!»

И точно так же я каждый год занимал первое место среди авторов, и никто моему Захарчуку не противоречил! Вот что означает «украинская мафия» в московском «Логос-Медиа»! А сколько раз Миша перепечатывал мои «труды» повторно в различные сборники! Повторная печать сильно снижала уровень гонорара, но это были совершенно неучтённые и неожиданные доходы для меня, дай ему Бог здоровья! Ведь в прежних условиях ему было всё равно, кого печатать повторно!

Миша — отличный писатель. У него много изданных книг. У меня есть, к сожалению, лишь две: монография «Якубович. Вся жизнь — «Поле Чудес» и совершенно толстенная и умная, разнообразная, многоаспектная «Встречная полоса» — это рассказы о встречах и беседах с очень многими, с очень известными людьми, не перечислить всех! И тем не менее, он очень простой и контактный мужик, хотя даже по рангу он полковник в отставке. Я познакомил его со своими друзьями — Эдиком, Мишей Мандрыгиным, с дочерью Олей, мы с радостью встречаемся каждый год. Жаль, что возрастные барьеры вмешиваются в наши контакты! Хотя Миша несколько моложе меня, но всё труднее ему преодолевать расстояние между Москвой и Хмельницким.

Но и не только возрастные барьеры... Издательство «Логос-Медиа» было продано немецкой фирме «Бауэр». Новые шефы назвали свою фирму «Бауэр-Россия». Вроде всё продолжается в том же духе... Но по-другому. То, главное, ради чего некогда упирался Леонид Сладков, стало побочным. А именно, когда сканворды делаются автором, то это каждый раз что-то новое, что-то необычное. А когда новые хозяева фирмы решили перевести всё составление на автомат (согласен, это более экономно!), но ныне журналы фирмы мало чем отличаются друг от друга... Знаете, возможны разные игры со словом, но до тех пор, пока слово остаётся живым. Если же слово заостенело — пиши пропало. Мёртвое слово не научит, не согреет, не вдохновит. Именно это составляет ту тончайшую суть, отличающую литературу от макулатуры. Потому, я уверен, рано или поздно фирму ждёт упадок. Но... это их немецкие дела, нас они не касаются. А сейчас уволены все авторы (и я в том числе), а также уволены «лишние» редакторы (и мой Миша в том числе), так что дай Бог фирме хорошо пережить мировой промышленный кризис...

Виталий Волошин был мудрее, проницательнее и прагматичнее меня. Именно этим я объясняю то, что он защитил в Институте кибернетики, с которым мы долго сотрудничали по другим направлениям, исключая электромузыку, диссертацию, получил звание кандидата технических наук и покинул завод, перейдя полностью на лабораторную работу в Житомирском филиале Института кибернетики, который был создан как бы целенаправленно для Волошина. Иными словами, он так же, как и я, предвидел наше крушение, но знал это раньше и точнее, чем я.

Но настал и мой черёд тоже. Правда, в моих дальнейших поступках было меньше целесообразности и больше случайностей. Везун от природы, ваш покорный слуга, сумел также вовремя покончить с заводской службой на «Электроизмерителе», но влезть в ещё более сложные ситуации. Однако фортуна была ко мне снисходительной и наградила меня несколькими ценными подарками, но предвидеть их воздействие на меня не научила. А жаль... Вот и поведаю я вам самую смешную из всех моих историй.

Первая случайность. В наше производственное объединение был включён коростышевский завод «Электроприбор», в прошлом — филиал киевского «Электроприбора». Этот заводик выпускал спиннинговые катушки типа «Дельфин» в нескольких разновидностях и ещё проводочные рыболовные катушки «Проминь» (тоже нескольких видов). Тут же был назначен от нашего объединения новый директор «Электроприбора» Харчук. А он хорошо меня знал и очень лестно обо мне всегда отзывался. Это непроизвольно привело к тому, что все новые изделия (катушки)

были переданы нашему НИО-17 для сопровождения как товаров народного потребления. Кроме того, Харчук потребовал от наших ребят активного участия в производственных процессах, с тем, чтобы мы ощутили все достоинства и недостатки как самой конструкции катушек, так и технологических процессов их изготовления. Другими словами, наши ребята дневали и ночевали на новом заводе, пока не было налажено совершенно бесперебойное производство этих катушек.

Теперь в мои функции вошла также продажа спиннинговых катушек на оптовых ярмарках. «Эстрадины» давно сидели у меня в печёнках, как товары, которые я ежегодно продавал на ярмарках. Но то были ярмарки культтоваров. А теперь я должен был участвовать и в ярмарках спорттоваров, что естественно вызывало увеличение моей загрузки.

Ну, а вот и первая Всеукраинская ярмарка спорттоваров в Луцке. Мы выехали туда с Юрой Станкевичем, начальником отдела сбыта. До этого мы уже успели познакомиться с боевым составом товароведов Житомирского объединения спорттоваров и наладить с ними хорошие дружеские связи. Мы прибыли в Луцк 9 апреля, а 10-го открылась ярмарка. И вдруг в центре моего внимания оказалась начальник отдела Сумского областного объединения «Спорттовары». Я не хочу сейчас ни называть эту женщину по имени, ни характеризовать её. Скажу лишь, что втюрился я, как пацан — это было как удар грома. Все дни ярмарки я искал к ней подходы, но всё было бесполезно, так и уехали мы со Станкевичем в Житомир. И пронёс я эту любовь через годы, и всё с этого момента было отдано ей.

Она написала мне письмо, которое прояснило ситуацию. Она замужем, у неё двое детей, мальчики 12 и 19 лет. Один учится в школе, другой уже призван в армию, служит в Ровно. Призналась, что не осталась ко мне равнодушной и сейчас очень переживает, что отказалась от ка-

ких-либо контактов. У нас завязалась переписка, телефонные звонки стали системой, а в мае мы встретились в Москве на очередной оптовой ярмарке, где в одном помещении Малой Спортивной Арены проходили все ярмарки и спорттоваров, и культтоваров. Ну, естественно, со мною Алик Грибер, представляющий новый электронный баян «Эстрадин-084». Она была потрясена этим баяном — не могла даже представить себе, насколько это мощно и красиво. Она влюблена в меня. Мы находим способ поселиться в одной комнате нашей министерской гостиницы «Союзэлектроприбора». Пятнадцать дней мы были вместе. Я познакомил её с моими друзьями-москвичами, а они организовали нам замечательные поездки к архитектурным памятникам Москвы, приглашение в Американское Посольство, где я был представлен послу как «Отец советской электромузыки». И был я там, естественно, «с женой». Она была прекрасна...

Затем мы встречались время от времени то в Сумах, то в Житомире. Потом провели в сентябре месяц в Ессентуках, куда её направили врачи для лечения желудочной язвы. А я тоже достал путёвку. Экскурсионные поездки по горным перевалам, к Эльбрусу, в Кисловодск. Пришёл момент решимости. Откровенно говоря, я уже был год как разведён. А ей всё предстояло пройти отдельно. Но где жить, где работать? Ни Житомир, ни Сумы для этого не подходили.

И вот вторая случайность: ко мне в гости является мой старейший друг детства Коля Платицын. Мы жили долго рядом (через забор), наш двор граничил с «Лесоохраной», так мы тогда называли «Управление лесной охраны», на территории которого проживал Коля со своей мамой. Мы были друзьями по-настоящему: он был очень интеллигентен, начитан, культурен, хорошо учился. Потом наши пути разбежались, он уехал учиться в Пензу, я — в Одессу. Но при любой возможности Коля навещал свою маму и сестёр. А заодно и мы встречались. Каждый раз оказывалось, что Коля очень удачно продвигается по карьерной лестнице. А ко мне он любил ещё заходить, потому что всегда мы баловали его нашими электронными звуками. В этот раз он был совершенно очарован Аликом Грибером; сказал, что купит наш баян для своего объединения в Иркутске. Выяснилось, что он — Генеральный директор ПО «Радиян». Тогда я ему рассказал о возникшей у меня любовной коллизии. «Это всё легко решается, — сказал Коля. — Я вышлю вам гарантийное письмо, и через три месяца после приезда в Иркутск вы получите квартиру. Работа, естественно, вам будет предоставлена. Тебе — заведующего лабораторией ОКБ, ей — финансового директора предприятия. Заплатим подъемные. Приезжайте. Но у вас должен быть оформлен брак, учтите». Это было весной 1985 г.

Я позвонил любимой. Спросил главное: «Ты в Иркутск со мною поедешь?» Она, без секун-

ды раздумья, ответила: «Да куда угодно!» «Тогда разводишься, мы в Иркутске должны быть мужем и женой! Иначе нас не примут».

В июле 1985 года она приехала в Житомир, и мы поженились. Я взял на заводе отпуск и подал заявление об увольнении по переводу в Иркутское ПО «Радиян».

Мы провели чудесный отпуск на правом берегу Тетерева в «отдыхательном» домике 7-го цеха (электромзыкального). С нами был Саша, её 12-летний сын. Мы готовились к совместной жизни в Иркутске. Я несколько раз навещал и старшего Володю в Ровно, где он служил. Нам удалось с детьми сгладить все вопросы. Переговоры же мои в парткоме о кандидатуре моего сменщика прошли неудачно. Я настаивал на Фуксе — партком не хотел еврея. Я сказал, что это лучшая кандидатура. «Нет, — ответили мне, — будет назначен Кулаженко.» «Ну и хрен с вами, — сказал я. — Вам жить, вам виднее».

А теперь вы спросите: «А что же смешного в этой всей истории?»

Э, ребята, вы не знаете главного...

А главное это то, дорогие мои молодые и энергичные, что если вы хотите увести чужую жену и она согласна бросить мужа, а заодно и своего любовника, чтобы остаться с вами, то рано или поздно она бросит и вас, хотя бы ради раздела имущества! И обдерёт вас, как липку!

Поэтому я рекомендую: заведите себе лучше собаку. Помните, как говорил Елисейев: «Все бабы — жабы». А собака никогда не предаст своего хозяина! Она будет всегда рядом и будет заглядывать вам в глазки, и стараться вас держать в поле своего зрения, и прощать вам всё-всё-всё. А кроме этого, вы будете знать, что собачку надо ежедневно выводить на прогулки, а потому вам некогда будет болеть. Вот в чём смысл собачьей жизни!

ДОПОЛНЕНИЕ-ЭПИЛОГ

(2000-2009)

А сейчас я схематично опишу, что было дальше в Иркутске — просто для полноты информации. Если надоело, можете это не читать.

Я прилетел в Иркутск в августе 1985 г., меня встретил лично сам Коля Платицын.

Поселили меня временно в 14-ом общежитии «Радияна». Это был натуральный клоповник. Жена должна была приехать через полтора-два месяца. Пока я жил в клоповнике, бойцы Платицына приводили в порядок двухкомнатную квартиру в другом общежитии.

Когда приехала жена с сыном Сашей, наша временная квартира в этом общежитии была готова, и мы вселились. Скажем так, всё равно это был клоповник, но мы уже научились сражаться с этими гадами карбофосом. По крайней мере, в этом общежитии было неплохо жить — завод наш был через дорогу. Это было очень здорово, потому что мы в 50-градусный мороз не успевали обморозить уши и щёки. Затем, в точно указанный в гарантийном письме срок Коля показал мне новый дом и новую квартиру. Но я сморщил носик... Там было такое болото... Коля сказал: «Вижу, что не нравится. Ну погодите тогда ещё пару месяцев». Мы решили, что лучше погодить. Потом состоялся показ другой квартиры. Она была лучше первой, но безобразно далека от завода.

«Ладно, — сказал Коля. Он был терпелив и относился к нам очень хорошо, — попробую обратиться на железную дорогу».

Словом, мы так «перебирали харчами», что было уже неловко. Но Коля был упрям и верен своему слову. Следующая квартира была на

Севастопольской улице, в двух кварталах от завода по прямой. Трёхкомнатная, на третьем этаже с двумя огромными лоджиями. Мы посмотрели, остались довольны, и нам выдали ордер. Не спеша, переехали с параллельным вселением кошечки, которую потом назвали Каткой. Все наши соседи были железнодорожниками станции Иркутск-2. Коля получил это жильё взаимнообразно от Комарова, начальника этой станции.

Жена занималась на заводе финансовыми делами. Я вскоре стал главным инженером ОКБ, что, как оказалось, напрямую подчинялось министерству. Потому мне часто пришлось летать в Москву, иногда по полным пустякам. Но это продолжалось не очень долго, так как в стране начался перестроечный бедлам. Когда Коля лишился поддержки родного министерства (потому что оно распалось), ему пришлось уйти с завода — местные асы не любили присланного им на голову требовательного директора. Но меня это никак не коснулось, потому что местному народу нравилась моя инженерная хватка. А ещё то, что я никогда не матерился, как местные, и это всех удивляло: как можно решать сложные производственные вопросы без мата? На заводе провели выборы нового директора и избрали Юру Семака, бывшего начальника цеха. Тот раскрутил систему приватизации всего объединения. Приватизаторами стали 16 человек, создавшими нечто вроде кооператива. И меня включили в эту 16-ку. После того, как Ельцин пережил ГКЧП и дал отставку Горбачёву, темпы приватизации стали нарастать. Что касается моих занятий, то я, познакомившись с обоими заводами объединения, отверг идею Платицына делать электромузыкальные инструменты. По сути, что резисторное производство, что конденсаторное — были скорее химическими предприятиями, нежели

электронными, и я раскрутил там неожиданные для местных вещи: мы стали делать косметику — тени, помады, лосьоны и ещё сотни разных наименований кремов, одеколонов, духов, затем внедрили разные цвета сапожных кремов, начали изготавливать керамические изделия с росписью и т.д. И вот на ярмарках оказалось вдруг, что наши обычные конкуренты, такие как релейный завод, радиозавод, авиазавод — «лежат», а только один «Радиян» во всю торгует и процветает: наша массовая продукция оказалась нужной и доступной. Я, как профан в делах приватизации, радовался, что мне удалось насытить производство разработками, и только у нас на заводах люди имеют работу и зарплату. Как я, оказывается, заблуждался! Мне напрямую ничего не говорили, но я чувствовал, что у начальства начинало нарастать недовольство моей деятельностью. Потому что народ должен был увольняться с заводов, цеха должны были пустеть. Только в этом случае, когда на объединении останется всего 16 человек, можно будет сказать, что цель достигнута.

Когда некоторые члены 16-ки начали погибать, я понял, что дело серьёзное и лучше всего мне уйти как с завода, так и отказаться от участия в составе 16-ки. И в 1995 мы с женой уволились с завода и начали коммерческую деятельность в статусе частных предпринимателей. Мы перебрались на фабрику игрушек, которая уже была полностью свободной от рабочих, только её директриса ещё регулярно приходила на фабрику и сдавала в наём помещения. Тем паче, фабрика была совсем недалеко от нашего дома. И мы открыли там оптовый магазин. Нам здорово помогли совсем молодые предприниматели, которые завозили из Москвы различные импортные кондитерские изделия типа жвачки, чупа-чупсы, сникерсы, шоколадки и давали нам небольшую скидку (3%) при при-

обретении этих изделий, так что мы должны были торговать по их ценам, чтобы товар не залёживался. Сначала мы торговали вместе с женой, но потом оказалось, что она не понимает ситуации: она постоянно пыталась поднимать цены, и это отражалось отрицательно на всём ходе торговли. Поскольку это было абсолютно недопустимо, мы впервые стали работать отдельно — я открыл свой магазин, она держала свой. Потом она открыла контейнерную торговлю на оптовых рынках, и её ценовую политику я не контролировал. Но сам был верен своей политике — работать в пределах скидки, как это ни трудно. Результат пришёл тогда, когда наши шефы убедились, что я верен их ценам. И я в конечном счёте получил более высокую скидку — 5%, а через некоторое время и 9%. Потом я подключил к кондитерским изделиям очень ходовые табачные изделия и — результат оказался сногшибательным: я начал богатеть.

В это время у меня нарастало желание вернуться в Житомир. И вот однажды я поехал в Житомир и оформил на своё имя покупку 4-х комнатного домика с участком сада-огорода в двенадцать соток. Затем помог своей бывшей жене и дочери также приобрести неплохую квартиру взамен той, двухкомнатной на пятом этаже, которую мы получили от завода в 1969 году. Моя нынешняя жена также поехала в Сумы и тоже купила квартиру сыну Володе.

А когда я возвратился, она попросила, чтобы я позволил ей приватизировать нашу квартиру в Иркутске с целью её продажи, раз мы собираемся уезжать. В принципе, она уезжать не хотела, особенно в Житомир. Её больше привлекала Одесса, где мечтал жить наш Саша. В результате так и вышло — наша квартира была продана, а куплена квартира в Одессе. Надоел мне Иркутск до чёртиков. Надо сказать, меня

трижды обворовывали, но я сумел подняться. Меня встречали в темном подъезде и избивали, пытаясь отнять деньги, которых, я, кстати, с собою никогда не носил. Но нос мне-таки перебили, и я сейчас кривonosый...

И вот, наконец, мы подвели итоги: фактически мы с женой расстаёмся, она едет в Одессу, а я в Житомир. Она так и сказала: «У тебя будет житомирская квартира, а у меня одесская. Ты ничего не имеешь против?» Ну что ж, так пусть и будет... Мы отправили двадцатитонный контейнер, который должен прибыть вначале в Житомир, и из него я должен был выгрузить свою четверть вещей, а три четверти вещей жены и сына затем должны были отправиться в Одессу. Жена приехала в Житомир проследить за отправкой её вещей. Мы совместно организовали отправку, затем вместе с нею и Эдиком поехали ко мне домой. Когда мы перекусили с возлиянием, Эдик вдруг стал уговаривать мою жену остаться в Житомире.

— Смотри, какой дом, какой огород! Зачем тебе ехать в Одессу?

И она вдруг согласилась остаться в Житомире... Это был май 2000 г.

Ещё в Иркутске она стала меняться, увлекаясь всё больше мистической стороной жизни, контактируя с экстрасенсами. В Житомире это получило дальнейшее развитие, но какое-то непоследовательное. Она часто ходила в церковь, но и обожала контакты с бабками, заговорицами и предсказательницами. Выписывала крайне странные газеты с заговорами и заклятиями. Я к этому относился с известной долей удивления, но не решался вмешиваться в её увлечения. Она попросила меня нотариально отказаться от права на квартиру в Одессе. Я сделал это, потому что и не думал воспользоваться её жильём. Потом она стала работать в некоей дикой фирме, распространявшей

китайские пищевые добавки. Я помогал ей, чем мог. Она однажды попросила, чтобы все зарабатываемые ею деньги оставались ей и её детям. Я и здесь не возражал, поскольку зарабатывал кроссвордами, и нам на двоих этого хватало. «Твоя дочь колдует против меня, мне бабки сказали», — заявила она однажды. Я ничего не возразил, покрутив пальцем у виска.

Но вот нагрянула беда. Не забуду никогда это 12 февраля 2007 года. У неё развился серьёзный инфаркт, и её увезли в инфарктное отделение Первой больницы. Я практически всё время проводил в этой больнице, получая рецепты-выписки от врачей и покупая лекарства. Совершенно фантастические средства потребовала от меня эта болезнь. Я тратил порою более тысячи гривен в день, и этого иногда не хватало. Мои «кроссвордные» деньги таяли, как снег. Я работал ночами, взял на себя дополнительные задания.

Но это мало помогало. К восьмому марта её выписали из инфарктного, но дома она теряла сознание, приходилось вызывать «Скорую». Я добился, чтоб её разместили в Областной больнице и попытались ей помочь. Но всё было тщетно. Её врач предложил поместить её в киевскую Октябрьскую больницу, чтобы снять кардиографическую картину происходящего. Каждый день я ездил в Киев и выполнял запросы врачей. Наконец исследование было сделано, и меня пригласил к себе врач, проводивший операцию.

Он сказал, что жить мой жене осталось не более четырёх месяцев, если не сделать аорто-коронарное шунтирование. Оказалось, что за эту операцию врач потребовал четыре тысячи долларов. У меня их не было, и я стал одалживать деньги у друзей, но жену разместил в Институте. Ей сделали операцию, после которой я отдал четыре тысячи долларов. Она приходила в себя. А на меня навалилось новое испытание, о котором я ей не говорил, чтобы не провоцировать сердечную не-

достаточность. Оказалось, что четыре тысячи я должен был только главному оперирующему хирургу. А все другие — и их было много! требовали с меня свою долю возмездия — это ассистировавшие на операции хирурги, лечащий врач и даже медсёстры, делавшие уколы. Когда я посчитал, то оказалось, что я должен немедленно отдать кошмарную для меня сумму! К этому моменту жена оклемалась и заявила мне, что на лечебную реабилитацию она поедет в Сумы. Я решил, что это нормально, потому что в Сумах у неё много родных и знакомых, которые помогли бы более, чем я один в Житомире. И я дал согласие. Она уехала с братом в Сумы и была там госпитализирована. А я тем временем поехал в Житомир и оформил в банке кредит, получил эти деньги и отвёз в Киев. Затем стал думать, как отдавать 4 тысячи друзьям и 15 тысяч долларов — банку, ведь с процентами! Как ни крути, кроссвордистика не смогла мне помочь решить эту задачу. Тогда я напился и мне на какое-то время стало легче... Она до сих пор не знает, как невероятно трудно мне было.

Прошли месяцы, и я надеялся, что вот-вот она вернётся домой и мы вместе решим, как нам быть дальше. По сути достигнуто главное: она спасена и будет жить. Но вот однажды она мне позвонила и сказала, что в Житомир она не вернётся: три бабки ей сказали, что моя дочь сильно колдует и её в Житомире ожидает верная смерть. Потому что она предлагает продать дом и взамен купить жильё в Сумах. Как будто колдовство не распространяется через границы областей!!! Тем более что, по сведениям, полученным от сумских бабок, моя дочь теперь колдует против меня, и я умру в феврале 2008 года. Ей и в голову не приходило, какие суммы мне ещё надо отдавать в Житомире... Я снова напился, проклиная всё на свете. И это помогло, хотя и сильно болел после этого. Я вдруг ясно и чётко понял: какое, изви-

ните, на хрен колдовство? Что за заморочки? Из меня делают куклу, которая нужна только для того, чтобы перевезти своё имущество в Сумы и подохнуть на пороге купленного там нового дома!

И я решил сделать по-своему. Я сказал ей, что в никакие Сумы я не поеду. Если я и подохну, то предпочитаю это сделать в Житомире, где покоятся мои родители, мои друзья. «Тогда,— ответила она,— продавай дом и передавай мне половину денег, чтобы я могла купить себе квартиру в Сумах». «Но ты же уже имеешь квартиру в Одессе, также полученную от меня!» «Эта квартира уже переписана тобою на Сашу, то есть она не принадлежит мне. И если бы мы с тобою сейчас разводились, то ты бы должен был отдать мне половину своего имущества!»

Боже, как я был счастлив, что неимоверными усилиями спас от смерти это замечательное существо! Мне кажется, что мужчина не смог бы так поступить, как она. По крайней мере, я — так уж точно. А женщина сможет и, даже более того, будет считать всё абсолютно справедливым...

И я продал дом, и отдал ей половину денег, и почти весь скарб её помог перевезти в Сумы. И рассчитался с друзьями и с банком. И купил себе маленькую квартирку, в которой сейчас и живу и заново переживаю невероятно смешную историю своей последней огромной любви. Мой кроссвордный друг Миша Захарчук сказал мне, кстати: «Я так же понял, почему ты не стал развёрнуто говорить о своей любви. Она вся — в стихах, несмотря на всю её трагичность. Но с другой стороны, ты имел счастье влюбиться в зрелом возрасте. Это почти что равносильно, как если бы на тебя снизошла благодать Веры в Господа. Не снизойдёт, как и на меня. Хотя я уже и стыжусь своего материализма и дарвинизма, но что поделаешь...»

Ну вот, на этом, наверное, мне можно закончить свои рассказы о себе и о друзьях, об электромузыке, о любви и о моей «собачьей» жизни...

Менячи
ПЕРИОДА ПЕРЕСТРОЙКИ
радости

В ОРКЕСТРОВОЙ ЯМЕ

В воскресенье «по ящику» давали симфонию соль-минор Моцарта. Музыка сама по себе — прелесть, но и оркестр был превосходен — слаженно и дружно взмывали смычки, вызывая водопады хрустальных звуков, поддерживаемых матовым скалистым ложем альтов и виолончелей, мириады сверкающих брызг рассеивали флейты, окутывая дымящимся туманом кустарник гобоев и кларнетов, сквозь который огненным восклицательным знаком прорывалось солнце литавр.

«Вот бы наш завод работал, как этот оркестр,— подумалось мне.— И всего-то для этого надо, чтобы каждый точно исполнял свою партию, краешком глаза присматривая за полетом дирижерской палочки!»

И вдруг фантазия родила другую картину: за исполнительские пульты рассаживаются мои сослуживцы, а на дирижерский помост выходит генеральный директор. Стук дирижерского карандаша по стеклу письменного стола... внимание! Начали!

— Минуточку!— вдруг возопили ударные.— Работать невозможно. Здесь чертовски дует.

— Кто у нас отвечает за подготовку оркестровой ямы к зиме?— строго спросил дирижер.

— Причем здесь «кто отвечает»?— бурно запротестовала флейта.— Окна заклеили, батареи горячие, а на них, видите ли, дует!

— Зачем зря болтать-то,— стали нервничать ударные,— вон в полу щель какая! Оттуда и дует!

— Могли бы заделать силами своей группы,— посоветовала флейта.

— Да разве ж это группа — всего два человека?— возразили ударные.

— По уголовному кодексу, двое — уже группа,— пошутил дирижер, и пошел лично проверить поступивший сигнал. Флейту следовало бы наказать, но он поостерегся ее визгливого тембра.

Оказалось, что дует из саксофонов и тромбонов. Однако, воздух шел теплый, хотя и с повышенным содержанием углекислоты. Работать было можно.

— Пусть тогда хоть Кирюхин отвернет в сторону свой гобой, а то закусить хочется,— чуток еще поторговались ударные, признав, в общем, свое поражение.

— Кирюхин, отверните свое дуло,— сказал дирижер, и Кирюхин сразу проснулся.

Возвращаясь, дирижер заметил, что на некоторых пультах вместо нот лежали «Огоньки», «Недели», а у альтиста Данилова даже дефицитные «Дети Арбата». «Ну и порядочки: что бы ни делать, лишь бы ничего не делать!»— расстроился дирижер, но он ценил время и потому не стал выяснять, как это можно Моцарта сыграть по тексту Рыбакова.

Остановившись перед дирижерским пультом, он для того, чтобы успокоиться и почувствовать себя увереннее, достал из внутреннего кармана смокинга записную книжку, раскрыл ее и прочел: «Скрипки — слева, альты — справа.» Стало легче, он поднял палочку и постучал:

— Так. Все. Закончили базар. Вторая часть, начнем с пятой цифры, и-и-и...

— Можно вопрос?— потянул вверх руку пианист,— вот тут поглядите, у меня какая-то партия несуразная...

— Но-но, полегче, парень,— зашипел кто-то из-под литавр,— партия у нас одна!

— Прошу немедленно прекратить неделовое! Вторая часть, цифра пятая... и-и-и...

Душераздирающий инструментальный вопль донесся слева. Дирижер вздрогнул:

— В чем деле, что за звучание?!

Скрипач Сидоров в ответ поплевал на свой смычок:

— А какого бы вам хотелось звучания без смычковой канифоли?

— А что, разве нет канифоли?

— Нет на складе. Не завезли.

— Сколько же можно вам вдалбливать, что до двадцатого должны быть составлены ведомости дефицита? Или без постоянных напоминаний нельзя обойтись?

— Ведомости есть. Канифоли нет.

— Юрий Евгеньевич, в чем дело?

Тромбонист, отвечавший в оркестре за доставку канифоли, потупил взор и патетически молчал.

— Ну, товарищи, так работать нельзя! Это же не оркестр, а детский сад!

Общее молчание. Что-то, а паузы оркестр держать умел мастерски.

— Так. Запишите в протокол. Чтоб сегодня был приказ. С тромбониста один оклад. А нам придется играть без канифоли. Как хотите, а

играть надо. Вторая часть, цифра пятая. Вступают контрабасы.

Взмах палочки.

Контрабасы молчат.

— Что такое? Где контрабасы?

Контрабасы сегодня на капусте,— пропищала флейта-пикколо.

Дирижер подпрыгнул. На него было больно смотреть.

— И какой же умник такое придумал? Послать на капусту опору оркестра? Послать басы! А как же контрапункт? Да известно ли вам, что без басов нет оркестра?

Пауза. Потупленные взоры. И во внезапно наступившей тишине — как шелест — с задних рядов донесся конец анекдота: «какая разница между скрипкой и контрабасом? А он отвечает — контрабас горит дольше, гы-гы-гы...»

— Ладно,— наконец смиряется дирижер, — пусть эту партию временно возьмут на себя виолончели. Время, товарищи, время! Давайте начинать!

Виолончели как-то нерешительно хрюкнули и замолкли.

— Не понял, а у вас что? — удивился дирижер.

— Виолончели играть не смогут. У нас не аттестован техпроцесс извлечения звука с вибрато. Ну и, сами понимаете, госприемка...

— С ума сойти! Мы играть будем или не будем! Я вас спрашиваю! Есть у вас хоть капля гражданской совести?

Искомая капля отыскалась. Кое-как запиликали. И вдруг:

— Стоп, стоп, стоп,— это снова дирижер. — Ты чё играешь, балда?— это он к пианисту.

— Как это чё? Чё написано, то и играю.

— А чё у тебя написано?

— Вот и я говорю, какая-то партия несуразная...

— Но-но, парень!— опять предупредили из-под литавр.

— Так чё за партия?— допытывался дирижер.

— Да эти, как их, пляски. Половецкие. — Флейта-пикколо громко прыснула.

— Вот так, товарищи!— дирижер победно оглядел музыкантов,— Вы только гляньте на него: все играют Моцарта, а он — Бородина! А ты чего не звякаешь, руки твои в брюки?

— А я треугольник в ремонт отдал. В инструментальное производство.

— На кой же черт? Что может сломаться в этой железяке, не понимаю?

— Дык, ничего и не ломалось. Есть график периодической проверки и ремонта. Вами же лично утвержденный.

Но дирижера было трудно обескуражить.

— Графики для дураков не составляются! А ты, гроза воробьев, где был на шестом такте?— обратился он к ударнику.

Тот, багровея, выползал из-под установки.

— Тут...Эта... колотушка проклятая... куда-то закатилась...

— Да не про колотушку я! Тарелки твои почему молчали?

Ударник виновато молчал.

— Он в тарелках винегрет из буфета припёр,— наябедничала флейта-пикколо.

— Слушайте, куда я попал? — спросил дирижер,— Нет, вы скажите, куда я попал? Последний раз спрашиваю, вы играть будете?

— Да ить, вроде, рабочий день закончился,— робко вякнул кто-то из духовиков.

— К черту рабочий день!— вне себя от злости закричал дирижер.— Вечеровать будем! Субботы, воскресенья, ночами работать будем! Хоть «Чирика- пырика», а сыграем! Ну, взяли! Третья часть, вторая цифра, опаньки, флейты!

Но флейты уже были в футлярах, а флейтисты под шумок резались в шахматы.

— Играть будем?— угрожающе тихо спросил дирижер.

— Уже играют,— ответил кто-то из деревянной группы.

— А чего это, как что, так сразу — флейты?— вдруг обиженно завопила флейта.— У нас инструменты маленькие, звук тихий и производительность ни к черту. Пущай, вона фаготы вкалывают, у них и дудки калибром потолще и зарплата повыше!

Пианист тоже был недоволен:

— У меня на рояле сплошной ручной труд, никакой механизации! И с техникой безопасности плохо, а вдруг кто крышку рояля захлопнет? И вредные условия — уровень шума повышенный! А молока-то не выпросишь!

Трубаچی поддержали его и потребовали за вредность бесплатное питание и путевки в санаторий матери и ребенка.

С поля вернулись контрабасисты. Им на смену выехали смычковые. Корнет-а-пистон Корнилов и виола да-гамба Вавилов, специалисты играть туш, были на месяц посланы в помощь мясокомбинату на разделку туш. Дирижеру бы и вовсе впасть в отчаянье, но он был оптимист.

К тому же времени на уныние не хватало — телефонограммой его затребовали в исполком с докладом на тему: «Состояние настройки и перестройки смычковых, а также перспективы развития медных духовых до 2005 года». С чем он и убыл.

А жизнь продолжалась.

ДЕТИ ЛЕЙТЕНАНТА ШМИДТА

«Клептомания — (от греческого клепто — краду) импульсивно возникающее непреодолимое желание совершать кражи даже без корыстной цели».

(*Советский энциклопедический словарь*).

Объявление.

При поликлинике ПО «Радиян» на кооперативных началах открыт кабинет анонимного лечения от клептомании. Прием больных ежедневно. Плата краденым. Доктор О. Бендер.

Наш внештатный корреспондент, заинтересовавшись новой формой оздоровительного обслуживания работников объединения, посетил клептокабинет, предварительно украв со своего рабочего стола карандаш и резинку в качестве платы за интервью. Больше на столе воровать было нечего.

Предварительно условившись с доктором о встрече по телефону, наш корреспондент в назначенное время робко постучал в загадочную дверь.

— Лед тронулся, господа присяжные заседатели!— приветствовал его О. Бендер лучезарной улыбкой, указывая на возлежащего ниц пожилого мужчину в помятом костюме сомнительного цвета, у которого из-под полуспущенных штанов торчал, покачиваясь, серебристый тонкий длинный медицинский инструмент.

— Зонд?— поинтересовался любознательный корреспондент.

— Как бы не так!— весело отвечал доктор.— Наш пациент (будем называть его Пани-

ковским) решил разбогатеть на чепухе. Проходя мимо участка технохимии, он позарился на моток посеребренной проволоки...

Паниковский тихо застонал — ввиду оживших воспоминаний.

— Сколько я вам говорил, что воровать не красиво? Несите свой крест с достоинством, Паниковский. Он ведь не только спёр драгметаллосодержащий материал,— продолжал товарищ Бендер,— но еще и проглотил его в панике от возможного разоблачения. Пришлось нам открыть здесь маленький серебряный рудничок.

О. Бендер стал неторопливо наматывать на свой локоть блестящую проволоку под аккомпанемент ритмичных взвизгиваний пациента.

Нити, казалось, не будет конца. Наш корреспондент непроизвольно подивился как искусству тов. Бендера, так и мужеству тов. Паниковского. Когда с операцией было покончено, Паниковский заторопился покинуть гостеприимный кабинет. Даже более, чем подтянуть штаны.

— А он еще жалуется, что его девушки не любят! Не такие драгметаллы девушкам по душе. Вот и вся цена моего труда! — Бендер брезгливо швырнул в угол сверкающий, отбеленный желудочным соком, моток. На пороге тут же возникла пышная пациентка, в которой наш корреспондент, насмотревшийся экранизаций произведений Ильфа и Петрова, без труда различил мадам Грицацуеву, ныне работающую в резисторном производстве.

— А, знойная женщина — мечта поэта!— воскликнул приветливо доктор,— раздевайтесь и ложитесь на кушетку!

«Мечта поэта» стыдливо посмотрела на корреспондента:

— Но, товарищ Бендер... пусть они выйдут,— вдова игриво указала пальчиком.

— Мадам, это моя медсестра. Ну да, в брюках, но это теперь можно. И потом, я вас не

пойму: воровать плоды вы не стыдились, а показать медикам свои мичуринские достижения стыдитесь! Ай-яй-яй!

Вдова, краснея, прилегла на кушетку, отчего та по-старушечьи вздохнула и застонала. Мадам, вторя ее стонам, закинула подол.

Восхищенному взгляду нашего корреспондента предстал раскидистый куст картофеля в романтических бело-фиолетовых цветочках, растущий как бы непосредственно из пупка многострадальной мадам Грицацуевой.

— Случай необычный, но закономерный, — задумчиво прокомментировал доктор. — Знойную женщину послали в Еланку подбирать картошку. Без ничего нам домой возвращаться не хотелось, — Бендер ласково похлопал пациентку по щеке, — и мы по привычке — «с паршивой овцы хоть шерсти клок» — засунули несколько картофелин за пазуху. Дома по запарке забыли вынуть клубни, а они, попав на благодатную почву, в перерыве между двумя банными днями дали всходы и укоренились... Ну что, мадам, скоро будем молоденькую подкапывать? Оперировать, конечно, можно, но я вам советую дожидаться урожая. Одевайтесь, — сухо командовал Остап, и вдова, слезливо подвывая, встала и удалилась, топорщась своим неожиданным огородом.

— Побольше бывайте на солнце! — крикнул ей вдогонку доктор и пояснил, — Вегетационный период в Иркутске, однако, маловат.

— Скажите, Остап Сулейманович, — после недолгого раздумья спросил наш корреспондент, — а вы не боитесь, что ваш кооператив может прогореть из-за недостатка пациентов? Ведь те два случая, свидетелем которых я стал, согласитесь, уникальны!

— Что вы, Киса! Отнюдь! Сейчас много говорят о разных пороках нашего общества, но об этом как-то умалчивают, так что контуры

воровства остаются размытыми. Ну, скажем, что такое проституция? Это та же любовь, переведенная на самофинансирование с ограниченным восстановлением основных производственных фондов. Социальный лепет, и только. Или возьмем алкоголизм, Говорят, 140 — 170 миллионов человек в стране так или иначе зависимы от алкоголя. Но это только каждый второй. А воруют? Да почти все. Малое воровство — большая проблема. О распространенности заболевания говорит лучше всего наш язык, в котором более 50 слов-синонимов глагола «украсть» — своровать, стянуть, стащить, стырить, стибрить, слямзить, свиснуть, приделать ноги, увести, оприходовать, смышковать, взять, что плохо лежит и т.д., плюс несколько вариантов вовсе непечатного свойства. Те из нас, которые не «расхитители», определенно принадлежат к «несунам». Запись ко мне — на месяц вперед. Поглядите, что несут заводчане в виде платы за лечение, — и великий комбинатор широко распахнул дверь подсобного помещения. Там неlepой грудой лежали: резисторы, конденсаторы, водяные пистолеты, тиристоры, термисторы, пиломатериалы и оргстекло, лампы и стартеры, краны и унитазы, бутылки с толуолом и ацетоном, поворотные столы автоматических роторных линий, вольтметры и денсиметры, грохоты и мензурки, «поющие кубики» и «прыгающие лягушки», электронные потроха от новейшего термопласт-автомата, алмазные круги и стеклотекстолит, цветочные горшки и осыпавшиеся срубленные ели, скреперы и бульдозеры, дисплеи, мешки с двуокисью титана, задняя бабка от станка с ЧПУ... Среди этого богатства наш корреспондент с удивлением опознал доску объявлений ОКБ, которую сперли зимой, и даже ящик для записок в газету «Электрон», которая еще недавно зывала к гласности у проходной.

— Вот, несет народ,— то ли с гордостью, то ли с издевкой сказал доктор.— Несет на блюдечке с голубой каемочкой.

Тут дверь кабинета вновь отворилась, и появился симпатичный веснушчатый парень с кулем за спиной.

— А, Шура Балаганов, заходи!— встретил его как родственника доктор.— Что припер?

— Да... вот валялось.. на втором этаже... — Шура пнул куль ногой, и из него посыпались маленькие этикетки с жирными голубыми товарными знаками завода.

— Шуру мы лечим гипнозом,— пояснил Бендер,— уже выздоравливает, хотя болезнь была сильно запущенной. Теперь он ворует только отходы производства и макулатуру. Социально почти не опасен. Из таких вот ребят, находящихся на пути к выздоровлению, с целью профилактики мы создали анонимное общество «Дети лейтенанта Шмидта», где бывшие клептоманы, собираясь вечерами, пьют чай и вспоминают свое проклятое прошлое...

— Ну и как, без рецидивов?

Шура Балаганов криво усмехнулся:

— Куда там... Вчерась вон собрались, а самовар тью-тью! Кто-то из своих, видать, умыкнул...

«Да,— подумал наш корреспондент,— многовато еще будет работы у Остапа Сулеймановича...Кстати, вот еще один синоним слова “украсть” — умыкнуть...»

Пожелаем же успеха человеку нелегкой судьбы, человеку трудной, но благородной профессии!

Дорогу кооперативам!

1989 г.

Послесловие автора

Прошло восемь лет. Язык наш обогатили новые синонимы слова «воровство»: приватизация, секвестирование, уход от налогов, рэкет, ваучеризация, затраты на избирательную кампанию, вклады, акционирование... Завода «Радиян» нет, его приватизировали.

О.Бендер организовал «Хопер-инвест» и сейчас живет в Израиле. Адам Козлевич ворует и продает автозапчасти. Шура Балаганов ездит на черном «LandCruiser» и подворовывает на оптовых рынках. Паниковский вытаскивает газеты из почтовых ящиков и перепродает их на Подстанции. Мадам работает продавцом и, сделав недостачу в одной торговой точке, быстро переходит в другую.

Одним словом, заседание продолжается!

1997 г.

НЕ ХОЧУ НА ПЕНСИЮ!

Искренне восхищаюсь, с какой искренностью мы говорим и как искренне поддерживаем то, в чем искренне сомневаемся или даже совершенно искренне уверены в противоположном.

Мы искренне хотим, чтобы кто-то, наконец, встал и сказал всю правду, после чего мы искренне скажем, что он дурак. Сами очень мечтаем иметь больше других, а ему говорим: «Тебе что, больше других надо?» Мы не читали, что он там написал, но единодушно с ним не согласны и требуем, чтобы его выдворили. С другой стороны, мы думаем, что он где-то прав, но из союза писателей исключаем. Потому что мы обожаем атаку, но предпочитаем сидеть в обороне.

Нам хронически не везло с начальством, но мы убеждены, что «наверху виднее». Выбирая Иванова, мы заранее знаем, что он ни на что не годен, и любой из нас подходит больше, но зачем нам «высовываться»? Он нам потом говорит: «Какие будут соображения, товарищи?» — и мы, переглянувшись, обнаруживаем, что соображать-то мы научились, но только «на троих», где и проявляем высокую общественную активность, широту взглядов и отчаянную прямооту суждений.

Нам очень неловко тревожить тех, кто хорошо устроился. Даже абонемент на компостер в автобусе мы передаем не через сидящих с удобством, а через стоящих с напряжением, среди которых нам более предпочтителен тот, у которого заняты обе руки.

— Вы что, — кричит он нам, — не видите что ли: я уже двояковогнутый?

— Ничего, — добродушно успокаиваем его, — мы и сами двоякодышащие!

Проклиная начальство, завод и план, мы приходим в выходной на работу исправлять чьи-то просчеты, скорбя о потерянной рыбалке или неокученной картошке, но называем это гордо «встать на трудовую вахту» или «помочь производству». Обыкновенные трудовые будни перед всепартийной сходкой называем «девятнадцать ударных недель». А вдруг двадцать получится, как быть? Или после конференции можно работать хуже? Остаемся после работы «работать»: беседуем, пьем чай, играем в шахматы. Искренне верим, что это необходимо для выполнения плана и негодуем, почему это другие не «вечеруют».

Аттестовав изделие Знаком качества, мы все вместе не сомневаемся, что оно стало лучше, хотя каждый знает, что «оно» осталось таким же, как и тогда, при второй категории. А теперь думаем, что «оно» еще качественнее, потому что прошло госприемку, хотя мы (между нами!) обвели контроль вокруг пальца, а «оно» как было среднего рода, так и осталось.

Когда мы на собрании молчим и думаем: «Подождем, посмотрим», это называется: «Коллектив дружно высказался «за». Мы во многом всех перегнали и даже каждая корова у нас дает молока на 20 литров больше, чем на самом деле может дать. Директору, развалившему производство, мы запишем: «по состоянию здоровья», а двух первых секретарей проводим «на пенсию», хотя одному из них только 55, а другому — 58. И при этом всем понятно, за что это их таким образом.

«Винные строго наказаны» означает, что вынесли выговоры, которые люди привыкшие принимают, как периодически неизбежное, с легкой улыбкой и без душевного трепета. А ту же капусту, которую осенью мы срубили на бескрайних мамоновских просторах, утопая в грязи, прилипчивой, как насморк, под знаком «помощь сельскому хозяйству», весной, сняв-

ши прогнившие в овощехранилище верхние две трети и доведя кочан до вида сморщенного личика новорожденного, продадим себе же, только дороже, а «птичку» поставим в графе: «снабжение трудящихся свежими овощами».

— Кого обманываем?— сокрушаемся мы с другом, выходя с завода по увольнительной записке, где обозначено: «В ЦНИТИ для проведения патентного поиска», хотя я иду в гараж подтянуть торсион, а он — в ларек за пивом...

Не хочу на пенсию! Люди черт знает что могут обо мне подумать, когда услышат, что ушел на пенсию.

Лучше давайте прямо напишем: выгнан за то, что не понимал, почему ему пора на пенсию по состоянию здоровья!

И поделом, хотя мне только 49.

ОБМЕН

Я просто в ужасе от широты собственных интересов.

Вот так, бывает, сижу на работе и думаю: а как там в Греции? Или, допустим, почему ведро картошки на Мальдивских островах? Или, к примеру, волнует такой вопрос: чем отличается загорелый негр от незагорелого, и, вообще, загорают они специально или нет, и, если да, то зачем?

И все меня куда-то тянет и тянет. Очень, знаете, хочется на Таити. Никогда там не был. И еще так, чтобы обязательно с видом на лагуну, вокруг обаятельные голые таитянки, как на картинах Гогена, и никаких очередей: пиво и омары подносят прямо к месту моего возлжания.

И еще: все осточертело. Дом, работа, теща, зарплата... особенно, зарплата. Все как-то слишком обыденно: пришел, натянул спецовку, туда-сюда, день до вечера, одно светлое пятно — с товарищами в домино постучим, а тут уже зовут: свои пятьсот получи! А если тебе еще и сделать чего-нибудь надо, ты мне наряд выпиши и дополнительно заплати, потому как у меня квалификация и соответствующая широта интересов. А за «спасибо» — извините, комар на нос сядет — я пальцем не пошевелию, ты мне заплати вначале, а потом требуй! Столько лет меня к этому приучали!

Одним словом, надоело. Решил послать в «Нью-Йорк таймс» такое объявление:

«В порядке культурного обмена между странами с различным социальным строем и в русле процесса разрядки меняю: двухкомнатную квартиру с проходными комнатами на первом этаже пятиэтажного дома (балкон на втором) в районе Ново-Ленино (Иркутск) на полномет-

ражную многокомнатную в районе Нью-Йорка по договоренности. 102-й этаж и Бруклин не предлагать».

У меня — угловая в панельном доме. Швы промерзают, туалет заливает, подъездных путей нет, воды — тоже. На кухне помещается только теща — и то не вся целиком. Разве что она по пояс выглянет из окна, и тогда все равно из двери подол будет маячить в такт ее беседе с соседкой. Но имею помещение еще меньше. В него входим только боком, и что нас всегда интересует, так это — как развернуться, не говоря уже о том, чтобы сесть? Теоретически дверь можно запереть, но тогда коленки получатся как бы лишними.

Однако, надеюсь взять приличную доплату. Может, какой-то там артист или другой безработный (скажем, ученый-атомщик) только и мечтает, как бы вырваться из ихней ужасающей действительности и просто не знает, кому за это дать полмиллиона. Оказывается, мне! Я добровольно уступаю родной седьмой микрорайон для пользы общего дела.

Вы спросите, какая польза? Законный вопрос. Отвечаю: пора с ними разобраться. Хочу навести там порядок. Опыт, слава богу, имеется.

Лишь только мой океанский лайнер вспорет гладь Гудзонова залива, и из тумана возникнет пресловутая статуя Свободы, я скажу им:

— Гладь вашу в лоб, сэр, разве это свобода?!

А что, давайте, разберемся...

Мне, например, обидно за вашего бесправного продавца. Покупатель заходит в магазин — ну фон-барон! — брюхо вперед и губу уже с порога кривит, а продавец бегом к нему: «Добрый день, сэр, не правда ли, хорошая погода, сэр, что вам угодно, сэр, спасибо, сэр, не беспокойтесь, мы счет пришлем, сэр, заходите еще, с покупкой вас, сэр!» — ну и так далее. Явно, унижается человеческий фактор. Мистеры, да

вы гляньте: у нас, на Подстанции: она — королева прилавка, она — уважаемый человек! Сдачи не даст, а попробуй пикни: даст сдачи, больше не попросишь. «Давай, мурло, шлепай, чего мухловишь?» — подгоняет она зазевавшегося очкарика, и очередь с нею улыбочиво солидарна. Потому как и обыскать может: а вдруг ты чего упер из отдела самообслуживания?

Нет, мистеры, пора кончать с эпохой рабства. Вот у нас в столовой, поглядите, простая советская женщина ходит с тряпочкой, иногда столы ею вытирает. Так она вам так вытрет, что на руках пиджака всю жизнь будете манную кашу носить. А вечером, гляньте, какую сумку с продуктами домой тащит — закачаешься. Потому что в нашей стране любой труд в почете! Повторяю — любой!

И трудящиеся у вас еще не прозрели. Добра-то на вашем производстве вон сколько — особенно на фирмах «Локхид» и «Дженерал электрик»! У нас на заводе, считай, по сравнению с вами, вообще, хоть шаром покати, а все же рачительный человек найдет что-нибудь для дома, для семьи, да и вынесет, что сможет, через проходную. И вахтершу убедит, что лист оргстекла, который он несет — не виден, потому что прозрачен. И вахтерша поверит! Так что же, нельзя у вас так организовать? Можно! Страна, небось, богатая!

И еще — куда торопитесь? Все там будем. Ты посиди, Джон, отдохни, переведи дух, а то вкалываешь, вроде не на капиталиста работаешь, а на себя. Вот мы у себя — как бы и на себя, и то не очень надрываемся: все поровну — и план, и премия. Все деньги не заработаешь. Зато поболтаешь целый день на работе с ребятами, и как от этого кругозор расширяется! Я, например, просто в ужасе от широты своих интересов!..

ОДИН ЧАС ИЗ ЖИЗНИ ЖЕНЩИНЫ

Монолог

«Союз нерушимый республик сво...» — это гимн, под него ложусь, под ним просыпаюсь. Его, наверное, специально для нас, женщин, создала страна победившего социализма. Победившего — кого? Нас?

Господи, все болит. Каждая косточка. И зуб опять ноет. Никак не соберусь к врачу. Говорят, какой-то кооператив рвет зубы. Первый — дороже, остальные — дешевле. Отдай зарплату — получишь пустой рот. Не знали, как назвать — кооператив «Гестапо».

А этот рядом сопит — ему еще час можно валяться. Целый час сна — это такое счастье! Везет дуракам! Не знаю, что отдала бы за час сна, может, даже самое дорогое, что нынче есть у женщины, — талон на сахар. Дождемся ли талонов на соль?

«Не сыпь мне соль на рану, не говори навзрыд...» Ах ты, боже ж ты ж мой же ж! Мои пасхальные колготки! И эти поползли! Хоть бы кто догадался подарить, но... черта с два. Этот считает, что лучший подарок женщине к 8 Марта — это бутылка водки. В самом деле, кому придет в голову натянуть импортные колготки на сковородку? А я для него... Ну, если и не сковородка, то нечто среднее между стиральной машиной и приспособлением для глажения брюк. «Не сыпь мне соль на рану...» — вот напасть, как привяжется с утра мотивчик — не отвяжется...

А что же ты от него требуешь, дорогая, да ты глянь на себя... Каждое утро хочется плюнуть в зеркало. И тушь кончается, и крем негде взять. И дорого все: котелок картошки — шесть рублей... А Юрке пальто — во как надо! Руки, как

грабли, рукава до локтей, вытянулся за зиму выше крыши.. Конфорка большая сгорела, в химчистку надо... Ремонт надо делать: стены кривые, все в ямах — тараканы ноги ломают, жалко... Кожа сухая, лицо все горит. Да, милая, с такой кожей — в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов... Интересно, а в Америке есть глушь? Пожалуй, нет, это дело — чисто русское. Оттого эти американцы в шестьдесят выглядят на тридцать, а мы в тридцать — на сто двадцать. А Виктор Иванович мне: «Какие у вас красивые руки!». «Ох, Витенька, ты тот же Витенька!..» Чудак. А голос у него приятный, бархатный: «Красивые руки...» Не руки, а манипуляторы... Что делать — весь день как белка. Этот... помощничек, когда полы мою, ноги приподнимет, вот и вся помощь. «Не сыпь мне соль на рану...»

И в работе делов невпроворот, отчет сдавать десятого, а Верка расклеилась, пособить не может, вся в лоскутах. Опять потянуло ее на солененькое... Проклятая бабья доля: «Если ты беременна — это только временно, если не беременна — это тоже временно». Жалко ее до слез, и себя тоже жалко...

А тут еще эта... эмансипе... Виктору проходу не дает: «Ах, Виктор Иванович! Ах, Виктор Иванович!» Вырядится, небось, сегодня — декольте снизу до подмышек. А голос — железом по стеклу — ей-богу приятнее, от ее взгляда ножи тупятся. Зато вся в импорте, элегантна, как рояль... в конюшне. Свободная женщина! А тут двое короедов... Пора их будить. Что там передают? Опять: «Неблагоприятные условия для рассеяния в атмосфере...» Смог над Иркутском. Но кто сказал, что смог — это плохо? Смог — хорошо. Вот коли не смог — это плохо.

Эй, Юрка, Сережка, аборигены, подъем! Чай созрел, оладьи будут! Вот... этот... телок... закряхтел, заворочался... Пузо встать не дает. Что, Юрочка? Носки? Так ты же их вчера в телеви-

зор швырнул, когда нашим шайбу забили. Ну, ладно — не забили, а забросили, откуда маме знать. Нет, Сережка, так не умываются. Ты только нос мочишь, а надо все личико, и шейку, и глазки... И не пальчиком, а всеми ладошками. Боже, что с тобой случилось, полный рот пены? Слышь, отец, он вместо зубной пасты твой крем для бритья схватил, ты бы клал куда повыше! Юрка, ты что там, в туалете застрял? Скорее — папа уже на одной ноге прыгает, снизу соседи проснутся... Ой, оладьи горят! Где брюки? Да почему я должна знать, где носки, где брюки? Ой, а это что? «Дорогая мамочка, поздравляем с Международным...» Спасибо, деточки, спасибо, милые, но зачем же вы на обоях, да еще помадой? У мамочки ее и так почти не осталось... Сереженька, а зачем ты цветочек в мамин сапог? А... понимаю, это как бы ваза, да? Так ты туда и водички налил? Боже мой, в чем же мамочка на работу пойдет?..»

РЕВНОСТЬ

У него сегодня день рождения, но не в этом дело. А дело в том, что ему приснился ночью дурной сон. Оказалось, Мариванна ему изменяет. Конечно, это было только во сне, но факт есть факт.

Факт становился очень удручающим и казался реальным оттого, что во сне были известны и имя счастливого соперника — Николай Альбертович, и род его занятий — заведующий базой Книготорга. И еще такая, больно ранящая, подробность: на сопернике были голубые спортивные брюки с белыми лампасами и пижонистые кроссовки фирмы «Адидас». Нельзя объяснить, почему эти атрибуты давали такое преимущество, но Василий Лукич или просто Вася, как называла его Мариванна, страдал по-настоящему, хоть и во сне. Мариванна на четыре года моложе Васи, и это делало его позицию мучительно уязвимой. Она — стройная, красивая и пружинисто-упругая — уходила от него куда-то в синеву, и облако ее волшебных золотистых волос медленно таяло в знойном небе. «Ах, он так одинок и несчастен,— слышался издали голос Мариванны, озабоченной состоянием дел заведующего базой Книготорга.— Ах, я так ему нужна». Грудь Васи трещала, как земная кора при землетрясении, а сердце пронизывалось фосфоресцирующими электрическими разрядами ревности и обиды. «А я?.. А как же?.. Разве можно так?.. Ах ты, гад...» — бессвязно, а главное, бессильно и беззвучно восклицал периодически Вася, и холодный пот обливал его крутой и упрямый лоб.

А затем — почему-то гвоздики. Эти цветы, прижимаемые ею к груди, и прозрачные кру-

жева рукавов ее нежносиреневой блузы, когда он увидел ее впервые... Безмерное страдание приносили Васе эти накатывающие прибоем давние воспоминания...

Они жили в разных городах и каждый день дважды — утром и вечером — говорили по телефону. По утрам всегда в одно и то же время звонила она, и, едва проснувшись, он ощущал в душе праздник предстоящего прикосновения к ее голосу. Он шагал на работу и радостно бубнил про себя: «В голубых городах просыпается медленно небо... Он неверен и легок, голубых городов наших сон... Воздух утренний их пахнет свежеиспеченным хлебом... И еще ожиданием, когда зазвонит телефон...» А вечером звонил он, и порой остро ощущал, как телефонные кабели наливаются до отказа их словами и чувствами, и тогда отправлялся домой, чтобы там, сидя за столом, продолжить беседу в письме.

Рациональные люди рационального века, они вскоре обнаружили, как сказали бы в наши годы, что в узкую щель таксофонного монетоприемника уже протиснулись «Жигули». И тогда решили жить вместе. А может быть, потому, что короткие встречи, ежедневные звонки и письма не приносили облегчения? Может быть...

А скорее всего, виной тому был июль, когда Вася приехал в ее город и стоял, маясь нетерпением, в назначенном месте, и вдруг она выросла, как тоненькая веточка вербы на противоположной стороне улицы, и в руке ее дрожала бархатно-бордовая, почти черная, роза. Поток машин разделял их, и не было даже надежды хотя бы на мизерный промежуток, куда можно было бы рвануться навстречу своему счастью. И они пошли — очень долго! — каждый по своей стороне, не сводя лучащихся глаз друг с друга, потом побежали — быстрее, быстрее!

Невероятные, как легенды, имена дарил он ей. Здесь были Голубая Журчащая Речушка и

Жемчужинка, Серебристая Туйка и Пушинка, Ромашка и Соломинка... Но более всего предпочитал (даже про себя!) называть ее по имени-отчеству, доведя с годами до укороченного — Мариванна, и лишь в этом имени со всей полнотой отражалась, как ему казалось, та мера чувств, которые он к ней испытывал.

Жизнь неслась горным потоком, дел и забот было все больше, а года становились все короче. В повседневности поблекли, а затем завертелись-закружились и унеслись куда-то тревожащие своей тайной магические имена. Осталось одно — Мариванна.

И вот теперь все прахом, такое предательство... Сбросив, наконец, сон, но еще с закрытыми глазами, он потянулся влево, к Мариванне. Но ощутил под рукой остывшую поверхность ее подушки. Новая волна ревности накатила на Васю.

— Боже мой, как ты стонал во сне!

Сухонькая старушка стояла у кровати и тревожно смотрела на Васю, протягивая ему стеклянную мензурку с каплями. По комнате пополз валериановый запах. Вася строго взглянул на старушку:

— А кто такой Николай Альбертович, а, мать?

— Как это кто? Заведующий базой Книготорга.

Вася выпучил глаза, замычал и с негодованием отвел протянутую руку с мензуркой.

— Заведующий?.. — зловеще переспросил Вася, и голос его приобрел металлический оттенок.

— Ну да, ты забыл, наверное, я же рассказывала тебе... Мы с ним в больнице вместе лежали.

Горсть соли на его незажившую рану!

— Ишь ты, «вместе лежали!» — ворчливо передразнил Вася. — Ты хоть бы слова какие другие подобрала!

— Ой, Вась, что я вижу! Совсем мужик сдул! Да ты что, ревнуешь?

Вася отвернул лицо в сторону, прислушиваясь, как медленно укладывается на положенное ему место выскакивавшее недавно сердце.

— Ох, Вася, Вася,— с ласковой укоризной сказала Мариванна,— тебе же, сегодня, милый, семьдесят пять годков стукнуло, а ты все такой же!..

Она присела, легкая, как пушинка серебристого тополя, на краешек кровати. Василий Лукич, немного подумав, виновато положил ей на колени свою большую седую голову. Теплая рука легла ему на затылок, и дыхание перехватило...

— Жемчужинка ты моя, золотая...— тихо произнес он. — И ты, мать, для меня все такая же...

Не знаю, бывают ли золотые жемчужинки.

А может быть, я ошибаюсь, и совсем не так называл Василий Лукич Мариванну...

Но, если я что и соврал в рассказанной истории, то только это... Честное слово!

ТЕЛЕМАХИДА

Молодые поборники технического прогресса! Вы мне, конечно, не поверите, но когда-то телевизоров не было совсем.

Было все: лес, река, футбол, книги, лыжи, каток, Бунчиков и Нечаев, «Вам, возвращая ваш портрет», а вот телевизоров — не было.

Теперь все перечисленное мы получаем только с экрана. Раскрыв рты, с дурацкими улыбками на отрешенных лицах вперяем свои взоры в гипнотический прямоугольник, и нередко вилка проносит кусок куда-то в область уха. И имеем мы, значит, следующую информацию.

...Семь геологических экспедиций, затратив миллионы, пропали без вести в горах Тянь-Шаня вместе с экипировкой, и только восьмой в докембрийских отложениях удалось обнаружить медную руду. Горнообогатительный комбинат обошелся в 123, железная дорога — в 45 миллионов. Бюрократы чинили препятствия, рабочие — оборудование, но руда все же была доставлена в Джезказган. Новый технологический процесс — два года, отработка — два года, директор металлургов — два года, главный инженер — орден Дружбы народов, коммерческий директор — инфаркт. Лозунги, приветствия, призывы: «Далее техническую революцию!» Аплодисменты, митинги, торжества, но отливки все же были доставлены в Киев, где кабельщики вытянули их в провода. Большие трудности поджидали заводских умельцев: если работала линия, обрывался провод; когда выдерживал провод, ломалась линия. В ударные сроки все было приведено в соответствие, директор — Государственная премия, главный инженер — инфаркт, коммерческий директор — четыре года условно, но

минчане получили все же обмоточный провод ПЭВ-2 с винифлексной изоляцией.

Госприемка вставала грудью, но прекрасная холоднокатаная сталь из Никополя, обогащенная кремнеземом в Норильске, все же была доставлена в Минск, где и был изготовлен силовой трансформатор ТПРУ 2.490.018 ТУ.ОГО с проводом ПЭВ-2 внутри. Не все было просто, поиски и находки, удачи и разочарования, директор — инфаркт, главный — инсульт, коммерческий — по собственному желанию, но трансформатор все же был доставлен в город Горький.

Хуже обстояло дело с графитом. Угольный сланец с острова Саарема был отвезен в Петрозаводск, где его рафинировали и, несмотря на тяжелые погодные условия, доставили все же в Мурманск, затем Северным морским путем, в полное отсутствие навигации, привезли в Хатангу. Капитан ледокола — звезда Героя, старпом — ящик водки от капитана в честь события, мичман — алименты от буфетчицы. Экипаж месяц гулял в Хатанге, где и выгрузил графит на причал, но забыл, где. Группа энтузиастов из Верхоянска по заданию Центрального Комитета прорвалась к злополучному причалу на собачьих упряжках, раскопала снежные завалы и отыскала вместе с графитом почти неповрежденного временем мамонта.

Санним путем графит был доставлен в Иркутск, где шестой цех намеревался перемолоть его на шаровых мельницах и смешать для разлива с креозолформ-альдегидной смолой К-21291, каковой на тот момент и не оказалось на складе. После длительных межведомственных дебатов эту смолу стал выпускать Каракалпакский самоперегонный комбинат, для чего заимствовал все воды Аму- и Сыр-Дарьи; в результате эти реки на картах обозначены теперь пунктиром, а море, в которое они впадали, не обо-

значено вообще. Директора отметили в приказе, главный заработал гепатит, у коммерческого реквизируют трехэтажную дачу, но три бочки смолы К-21291 в купейном вагоне с невероятными приключениями все же были доставлены в Тайшет, где экспедитор Куликов, под фамилией которого скрывался инженер Засадов, с помощью железнодорожной милиции был высажен из купе вместе с бочками как пожаро-небезопасный элемент.

Однако, будучи горячим патриотом своего завода, экспедитор-инженер Куликов-Засадов, проявив находчивость, нашел на свалке списанный почти новый трамвай, переоборудовал его в аэросани и все-таки доставил смолу в Иркутск, где и получил выговор по заводу за качество привезенной смолы, имевшей редкостный разброс молекулярной массы.

Но разброс последней не смог противостоять дружному коллективу завода, и изделие СП-342 все же было изготовлено и доставлено в город Горький, куда за день до того прибыл силовой трансформатор ТПРУ 2.490.018 ТУ.ОГО с проводом ПЭВ-2 внутри. Вот так на Горьковском радиозаводе появились только два узла из десяти тысяч, входящих в телевизор «Чайка Ц280Д», на экран которого мы сейчас и глядим.

Продолжая получать с экрана столь всеобъемлющую информацию, вообразим хотя бы схематично трудности, возникавшие при дальнейшем комплектовании. Не хватало железных дорог и вагонов: начали строить БАМ, но закончили или нет, никто не поймет, овечьи стада в Калмыкии отказались бодриться при отсутствии грубых кормов на складах, занятых транзисторами; уникальное импортное полиграфическое оборудование, приобретенное до революции, окончательно развалилось при попытке напечатать инструкцию по эксплуатации; тракторы без ремонта смогли преодолеть поле

лишь в один конец — и то на холостом ходу; махровый дефицит убил нравственность; залив Кара-Богаз-Гол остался только в памяти аксакалов, а хороший гол, забитый нашей футбольной сборной, не смогли припомнить и они; белье, вывешенное на балкон для просушки, стали именовать «черньем»; «Волго-Дон» врезался в «Волгонефть» — и радужные пятна тоннами расплылись по Онеге...

Молодые поборники технического прогресса!

Во имя чего вся страна неистово напрягает жилы и бицепсы, вырубая тайгу и вгрызаясь в недра, отбирает от почвы последние силы и придает Бирюсе запах падали? Во имя чего мы съедаем богатства, предназначенные потомкам, оставаясь при этом бедными, раздраженно ругаясь на декадниках, а в это время с лица Земли исчезает последнее подобие улыбки, и остатки материнской крови — нефти, резво откачиваются вахтенным методом?

Оказывается, для того, чтобы качественно и в срок изготовить вот этот самый телевизор «Чайка Ц280Д», не годящийся и в подметки ни одному японскому; и для того, чтобы наши дети и внуки, слабея мышцами и интеллектом, не знали, что такое лес, книги, река, футбол, каток, красивые девушки, а все это получали только с экрана, с дебильными улыбками на отрешенных лицах, вперяя взгляд в гипнотический прямоугольник и пронося кусок на вилке мимо рта куда-то — кажется, в область уха...

ТОСТ

«Где-то что-то сдохло», — так решил Иннокентий Свистунов, которого жена называла ласково Кеша или Коша, а за глаза — Этот, Кашалот или Кашеглот.

И вправду, что-то такое носилось в воздухе, неясное и несуразное, что вся интуиция Кеши проявлялась лишь в импульсном режиме.

— Знаешь, Глафира, где-то что-то сдохло! — наконец решился признаться Кашалот своей дородной супруге.

— Ты так полагаешь? — ответила Глафира вопросом. Эта манера Глафиры отвечать вопросами злила мужа, поэтому в ответ он недовольно буркнул:

— Тыфу, ты, ну ты, ножки гнуты! И поговорить не с кем!

В дверях мелодично звякнуло, и на пороге возник Степан, сосед.

— Кеша, — голосом артиста Андреева загудел он с ходу, — тебе не кажется, что где-то что-то сдохло?

— Ну, — обрадовался Кеша, — я вот тоже Глафире толкую, а она не верит!

— Почему ты так решил? — кокетливо поджала губки Глафира и, на всякий случай, пригнулась.

— Что главное в наш стремительный век, Кеша? — продолжал Степан.

— Деньги, — не подумав, ответил Кеша.

— Ты — непроходимая тундра, Иннокентий! — Степан многозначительно поднял палец. — Главное — это информация. Информация о том, что где дают. Так вот, к сведению: в нашем магазине дают майонез!

— Ну? — воскликнула Глафира и стала лихорадочно стаскивать захватанный передник.

— Как ты думаешь, Степа, в этом платье в горошек прилично бежать в магазин?— спросила она игриво.

Степан критически оглядел бурлящие формы Глафиры — это были необозримые поля зеленого горошка на белом фоне.

— Да-а-а...— раздумчиво протянул Степан. — Никакого майонеза на твой горошек не хватит!

— Ты так считаешь? — испугалась Глафира и побежала переодеваться.

— Захвати рюкзак,— жизнерадостно посоветовал Степан. — Там не только майонез. Сахар и колбасу дают без талонов! Кофе растворимый! Куры по два шестьдесят! Помидоры болгарские! Гречневая крупа!

— Господи, да что же это происходит?— совсем растерялась Глафира.

— Говорят тебе: где-то что-то сдохло!— сказал Кеша, — надо с книжки деньги снимать.

— Так куда положить-то?— всплеснула руками Глафира.— Холодильник мал!

— Ничего, пусть лучше пропадет, чем случай упустим,— сказал практичный Кеша.

— Во-во! Народ весь в панике!— подтвердил Степан.— Моя вона тоже побегла в сберкассу. А главное, слышь, Кеша — пива навалом! Трех сортов: «Жигули», «Адмиралтейское», «Рижское» — с ума сойти!

Кеша схватился за сердце. Вернее, это для Глафиры «за сердце», а для Кеши это было святое место за подкладкой, где до поры до времени таилась заначка.

Хлопнула дверь. Это реактивно вышла на орбиту Глафира.

Вслед за ней с саквояжем немислимых размеров понеслись за пивом Кеша со Степаном...

Через некоторое время в доме Кеши был накрыт стол, отличавшийся от праздничного разве что только разнообразием, изобилием и великолепием. Глафира изящно нарезала россий-

ский сыр, волновавший давно позабытыми дырочками, а гора громадных розовых конечностей дальневосточных крабов заставляла переводить вожделенный взгляд на трогательно запотевшие бутылки с пивом. Глафира излучала праздничное довольство, огромный кот Васисуалий в необычайном возбуждении бодал щекой табуретку, а сын Кеши — Кеша-младший, пытался досрочно стянуть что-нибудь со стола.

— Руки мыл?— строго спросила его Глафира.

— Мыл, вот понюхай!— протянул ей руки в чернильных пятнах Кеша-младший.

— Туалетом пахнут,— установила Глафира.

— Правильно!— согласился сын. — Я ведь и мыл туалетным мылом!

— Тебе с чем бутерброд?— спросил отец.

— С собой,— разрываясь между едой и телевизором, отвечал Кеша-младший.

— Где же и что все-таки сдохло?— пытался разобраться в феномене неожиданно обрушившегося на них изобилия Кеша-старший.

— Спрашивал Алешку-подсобника,— рассказывал Степа,— он говорит, вы что, программу «Время» не смотрите? Отныне, говорит, и на ближайшие 15 лет наш лозунг: «Быстрее от слов переходить к делу!»

— Да ну, врет он все,— вдруг резво вмешалась Глафира.— Бабы вот что сообщают: в наш дом вселился по обмену сам Муратов!..

— Иди ты!— восхитился Степан. Муратов был всему городу известный начальник.

— ...И все фонды из того района, где он раньше жил,— продолжала Глафира,— передали в наш магазин.

— Внимание, совершаю открытие!— заорал Степан и открыл бутылку.— Предлагаю тост за товарища Муратова!

Вы прочли и, конечно, подумали: «Неправда. Так не бывает». Совершенно с вами согласен. Выдумка. Розыгрыш. Просто очередная шутка.

А если хотите правду, то у Глафиры платье не в зеленый, а в синий горошек. И кота зовут не Васисуалий, а Василий. И вообще, так не бывает. Ничего нигде не сдохло, и все осталось по-прежнему.

1989 г.

Послесловие автора

В 1997 году все написанное выше почти никто не поймет — в чем, собственно, хохма? Майонеза хоть завались, три сорта пива — разве это изобилие на фоне пяти десятков наименований, которые можно приобрести в любом районе города, а сыров с дырочками — эка невидаль, зайди на центральный рынок — глаза разбегаются!

Были б только деньги покупай — что хочешь! Изобилие не для избранных товарищей, а для всех, уже реально пришло. К хорошему привыкаешь быстро, и уже никто не хочет помнить, что недавно на каждого приходилось в месяц 400 граммов колбасы, а магазины тоскливо демонстрировали пустоту. И напрасно не хотят помнить.

Потому что, действительно, нигде ничего не сдохло. Потому что товарищ, зашифрованный под фамилией Муратов, нынче жив-здоров и баллотируется в губернаторы Иркутской области, он зовется теперь «господин» и пока ещё стесняется своих «Мерседесов»...

СОМ

юмористический рассказ

Если вы рыбак, то возражать не станете: главное на рыбалке — острый крючок и верный глаз. Крючок надо заострить, а глаз — направить. Известно, чем. Хоть рыбаки все врут, но всё это — чистейшая правда.

Когда июльская погода бывает неустойчивой, как сердце красавицы, когда запахи гроз бегают по полям наперегонки с ароматами трав, когда ночь становится короче рыбьего хвоста — значит наступила пора идти к омутам высиживать сомов. У нас с Паньком для этого все готово, кроме жареного воробья, до которого сом сильно охоч.

— Две штуки взял, — радостно сообщает мне Панько накануне. Это он про то, «чем» глаз направляют.

— А не много ли? — сомневаюсь я. А то, думаю, получится, как в прошлый раз.

А в прошлый раз, значит, случилось вот что. Прибыли мы на реку с ночевкой. Пока светло было, мы слегка глаз направили и стали рыбацкое счастье вечерним клевом проверять. Поймали двух ельцов и, естественно, подняли за успех. Потом еще что-то там поймали, но уже четко не соображали, что именно. С вечерней зарей свежело, а Паньку стало жарко, и он разделся до плавок. В сумерках я потрошил для ухи улов, но не помню — снял ли чешую? Гляжу, Панько спит поперек тропы. И муравьи через его грудь уже свою тропинку проложили. Начал его будить — бесполезно. И кричал, и свистел, и тормошил, и тещин голос имитировал. Потом по котелку ложкой колотил, потом

котелком — по его котелку. Спит. От храпа травы полегли. И чем разбудил — не поверите: отошел я метров на двадцать и стал в стакан наливать, Панько от бульканья и проснулся. Направил он глаз, чтоб котелок над костром повесить, и вдруг — шарах! — все в золу и опрокинул. Ну, мы люди не гордые, картошечку, лучок да морковку от золы да песка слегка отряхнули и опять в котелок. Тут и вовсе стемнело. Пробуем уху ложкой — жидковато, вроде. Рыбки-то маловато поймали.

— Слышь,— предлагает Панько,— давай перловки бросим, у меня есть, я ее для насадки взял.

Пошуршал он в своем рюкзаке, позвенел жестянками с разной рыбьей снедью и подает мне одну из них.

— Всю высыпать?— спрашиваю.

— Да сыпь всю, на перловку все равно сейчас не клюет,— отвечает Панько.

Направили мы глаз под ушницу и слопали ее с огромным аппетитом. Дымком она пахнет, песочком на зубах похрустывает, ельцы жирные, как поросята... Да и кто из вас не знает, что нет ничего в мире слаще рыбацкой ухи?

Утро было лучезарно-многообещающим. На червя клевало отменно, и следовало ожидать, что на опарыша пойдет крупный рыбец.

Панько снова долго гремел своими жестянками, разыскивая опарышей, и наконец поднял на меня свои голубые задумчивые глаза:

— Никак не пойму, куда они запропастились?

Я почувствовал, как у меня в желудке начала набирать обороты неизвестно откуда там появившаяся центрифуга.

— А...а...а перловка?— насилу выдавил из себя вопрос.

— Перловка на месте,— отмахнулся Панько,— да на нее же не клюет!

Вот такие дела. Потому и спросил — не много ли? Но Панько считает этот вопрос решенным и

озабочен другим: где взять воробья? Ну, ничего, в крайнем случае, кусок курицы поджарим.

Для не очень сведущих сообщаю подробности. Сом ловится только глубокой ночью. Ширина реки значения не имеет, было бы достаточно глубоко. Лежит, значит, сом в своем омуте целый день и даже усами не шевелит. А за полночь выходит на охоту — тогда берегись этого речного орангутанга! Не крючок на него требуется — а крюк, не леса — а шнур. Потому ловят его не простой удочкой, а донкой с колокольчиком. Конечно, направив глаз предварительно.

Прибыли мы на место, когда вечерело. У одного деда-доброхота расспросили, что и как. Присоветовал он нам одно волшебное место, где живет истинный черт, а не сом. Сказал, что ночью сам слышал, как он играл, словно бревно в воду падало.

Ну, устроились мы на бережку, дровишек натаскали на ночь, костерок раздули, курицу изжарили. Отделили: лучшее сому, остальное — нам. Ну и, сами понимаете, глаз направили. Забрасывать-то в темноте надо, а тут от рыбака особая сноровка требуется. Сидим, значит, и чувствуем: никуда этому сому от нашей курицы не деться!

Затем постелил Панько на песке клееночку, уложил на нее шнур колечками, а я ему фонариком подсвечиваю. Раскрутил он грузило над головой да ка-а-ак забросит! Со свистом! Умеет забросить Панько — весь шнур с клеенки сошел. Натяжечку сделали, колокольчик подвесили.

Сидим у костра, ожидаем. Вначале анекдоты рыбацкие травили, шустроили, а после двух — дремота стала одолевать. Но спать нельзя — сома прозевать можно.

— Уснем,— говорит Панько, позевывая.

— Точно,— отвечаю.

— Надо бы еще по чуть-чуть,— советует Панько.

— Иначе уснем,— говорю я.

— Вот, теперь не уснем,— спустя некоторое время говорит Панько, смачно похрумывая огурцом.

— Пока,— философски замечаю я. И тут как зазвонит!

Вскочили мы и бегом к донке. А там колокольчик, как живой, вверх-вниз дергается! Панько ухватился за шнур, энергично подсек и давай тянуть. Слышу — на реке глухо ухнуло, будто кто пузом шлепнулся. Это сом от боли «свечу» сделал.

— Вот сомина,— сладострастно шепчет Панько,— шнур ладонь режет!

О, сладкое счастье борьбы с крупной рыбиной! Не потому ли ты так желанно, что очень коротко по сравнению с часами, а иногда и месяцами ожидания тебя? И не ради ли тебя живет на свете рыбак? Пусть человек познает все — горе и радость, любовь и измену, пусть у него будет дача и автомобиль, белые штаны и Рио-де-Жанейро, тюрьма и ссылка, пусть он узнает славу и власть, творчество и застой, пусть прекрасные невольницы в гареме услаждают его неистовую страсть, и пусть он пресытится жизнью, но не имеет он права умереть спокойно, пока не почувствует, как на том конце снасти трепещет и рвется в темную глубину вод огромное живое серебряное веретено...

Нам повезло. Сом был матерый, не меньше двух пудов. Он упирался изо всех сил, бросался по реке из стороны в сторону. Панько наматывал шнур на рукав ватника, потом перехватывал, потому что сопротивление не ослабевало, и даже сквозь вату рукава ощущалась режущая боль от шнура, натянутого до звона. Мы уже стояли по колено в воде и взмокли от пота, когда вдруг почувствовали слабину — сом, устав от борьбы, резко пошел к берегу.

— Подбери шнур!— истошно завопил Панько. Нельзя ни в коем случае допускать ослабление натяжения шнура — сильная рыба, метнувшись неожиданно в сторону, может сойти с крючка.

Вот уже в нескольких метрах от берега на поверхности воды, в окружении переливчатых блистков отраженных звезд, показалась крутая черная морда речного гиганта.

— Чудо-юдо, рыба-кит, аж вода вокруг кипит,— шепотом молился своим рыбацким богам Панько.

Но дальше началась какая-то чертовщина, почти как у Булгакова.

Сом продолжал плыть на нас, достиг мелководья и зашлепал по воде к прибрежному песку. Затем остановился и стал отряхиваться от влаги совсем так, как это делают собаки, так что с его шерсти и кончика хвоста на нас полетели обильные брызги. Шнур выпал из рук Панька.

А сом тем временем, скуля и подвывая, побежал вдоль берега в темную массу кустарника, и шнур тянулся за ним. Прощально звякнул колокольчик, скатившись под ноги Панька...

Постепенно унималась дрожь в коленках, захотелось промочить глотку. Постепенно, как расплата, вставал новый день. Постепенно в наших головах складывалась серая, как рассвет, версия. Мы смотрели на противоположный берег и вспоминали свист заброшенной донки. Ну, конечно, Панько перебросил ее через всю неширокую реку, и жареная курица упала в кусты на том берегу, где ее и разыскал по запаху голодный бродячий пес-барбос...

— Говорил я тебе, что две штуки многовато,— приставал я к другу по дороге домой.

— Да иди ты... — беззлобно огрызался Панько...

МЫ ОБЩАЕМСЯ

На работе мы интеллигентно общаемся. Да и как можно работать, не общаясь? Если хотите, слово — это тоже инструмент. Иногда — «отвёртка», «отмычка», иногда — «шило», бывает — «грабли». А порой такое слово — сгоряча ли, по привычке ли, заворачиваем, что его в типографии и набрать-то не сумеют. Орфографии не знают. Потому-то я такие слова заменил на «бах», если короткое, и «бабах», если подлиннее.

Общаться начинаем прямо с утра.

Вот звонит, к примеру, мой шеф:

— Ты, бабах, что у тебя, бах, в чертежах бах-бах-бабах творится? Ты что, не знаешь, бах-бах-бабах, что цех остановился?

— Всё-таки остановился...— вздыхаю я.

— Остановился, бах-бабах, стоит, как бах! А вы там Муму бахаете! Бахом груши околачиваете, бах-бах-бах! Разберись, бах, жду бах решения бах-бах-бабах через час!

Ну, естественно, бегу в цех.

— Что у вас стряслось?— спрашиваю.

— Бах-бах, бабах по бабаху!— отвечают,— вот вы тут в чертежах бах-бабах забабалили вот эту бабаховину, а её бах на заводе на бабаха нету! А тут ещё госприёмка, бах с бабахом выбабаливается!

Ясно, иду в госприёмку. А мне старший приёмщик и говорит:

— Вы бах, ребята, конечно, хорошие, бах-бабах, но хватит выбабаливаться, больше у вас эти бабахи не пройдут! Не думаете, что нас набахаете, без этой бабахины не будет разговора. Решайте бах с бабахом, йошкин кот, со снабжением, а то бах, хотите бабахнуть и не надуться!

Делать нечего, бегу в снабжение. А там на меня как напустятся:

— Бах-бах-бах-бабах, вашу бах-бах-бах-бабах!

Я попробовал возразить — мол, то да сё... А они мне:

— Бабббабах-перебабббабах! Фондов нету ни бабах! И сидим мы на бабах. Заложили вы, бах-бах-бах эту самую бабаховину, а где разрешение на применение? На складе ни бабаха нет и не будет, бах-бабах!

Думаю, что же делать? Схожу-ка на склад, вдруг найду замену. Стали кладовщики разбираться:

— Тебе что надо, бабахину? Так её полным-полно, хоть бабахой ешь! Чё? В снабжении сказали, что нету? Да они там, бах-бах-бах ни бабаха не знают! Перепутали, видать эту бабаховину с той бабахой, и все дела!

Через час цех заработал. Начали сдавать продукцию. Шеф мне и говорит:

— Вот так, бах-бабах, пока вас в бах не пнёшь, так вы бах-бах и не бабахните!

Чего уж тут оправдываться, действительно бабахово вышло.

Ну, по свежим следам забабалил я эту юмореску. Попросил девочек отпечатать. Одна печатает и говорит:

— Ну и бах-бах-бабабах!

А другая наклонилась, почитала и себе:

— Ах, бабабах!

Решили, значит, что не напечатают в газете такое.

А главный редактор почитал и ничего не сказал. Наверное, про себя подумал: «Эта баховина, конечно, бабаховая, но придётся бабахнуть, ведь никто в редакцию ни бабаха не несёт...»

А мне кажется, что нормально вышло. Что ж поделаешь, если у интеллигенции завода без бабахов ни баха с места не сдвинешь!

О ПРОБЛЕМЕ РАЦИОНАЛЬНОГО ПИТАНИЯ

Минздрав предупреждает!

Почитаешь журнал «Здоровье» — так оказывается, ничего нам нельзя! Пока, ещё видно, не до всех дошло. Полки в магазинах почти пустые, а мы всё ещё не верим медицине и проверяем. Хотя, если по правде, то в торговле пусто, зато в закромах густо, и нередко приходится видеть, как запасённые на три года автономного проживания, уже сублимированные, посиневшие и приобретшие предательский запах куры, с наступлением весны становятся перелётными и покидают дружно холодильники, лоджии, балконы, чтобы продолжить тление в мусорных ящиках, любезно предоставленных ЖЭУ.

Ещё вчера мы наивно полагали, что некоторые продукты всё же полезны. Но вот сегодня наука на основании строго эмпирических фактов убедительно доказала, что от них — смерть. А мы всё проверяем...

Чтобы в смертях не запутаться, нам их раскрасили во все цвета радуги. Соль и сахар, например — это «белая смерть». Особенно сейчас сахар сильно вредный. Ну, это... диабет, мухи вокруг роятся, оса может укусить. Вчера на Подстанции давали по килограмму — очередь, сами понимаете, миллион, одного чудика придавили случайно, последний зуб выбили. Теперь ему, конечно, кроме соли и сахара, только разве что покурить можно. Но табачный дым — это «голубая смерть», значит, тоже нельзя. И водки нельзя — она «зелёная смерть». Ну, об этом мы, положим, давно знаем, но пока проверяем. Подтягиваясь за чьи-то порт-

ки и уши, наступая ботинком на чьи-то пальцы и губы, по ещё тёплым спинам земляков, несём к прилавку своё сокровенное: «Эй, рыжая, вон ту беду за девять двадцать, горела б она синим пламенем!» — и вот она, проклятая и желанная, хоть с риском для жизни, но наша! И продолжается эпоха застолья. Правда, насчёт названия эпохи точно не знают: «Застолья» или «Отстоя». Сторонники второй версии напирают на то, что раньше-де предлагалось требовать долива пива после отстоя. Теперь необходимость эта резко отпала.

Но, если хотите знать, всё это семечки по сравнению с «красной смертью». Это, товарищи — мясо. И всякие другие факторы риска, которые из него вырабатываются. Ну, там, ветчина, буженина, колбаса, котлеты... Мужчины преждевременно стареют; женщины ещё на них надеются, но уже так, знаете, в силу привычки. Да и женщины увядают и уже плохо вписываются в стандартную дверь автобуса. Зубы стали ни к чёрту, одолели язвы, колиты, гастриты. Вы слышали раньше о такой проблеме — завязать шнурки? А вот он уже не может. И жена рада бы помочь, но, предельно согнувшись, достаёт ему только до брючных пуговиц. Если противоположный пол просит намылить ему спину, то проделать это можно только шваброй. Такие мы стали негибкие. А сколько стратегически важного металла страна выбрасывает на изготовление мясорубок, сковородок, ножей, топоришков и молотков для приготовления отбивных, не говоря уже о холодильниках? Ведь сколько можно было построить поездов, теплоходов и самолётов, и поехать, и поплыть, и полететь, и посмотреть, как «у них» там, ну, к примеру, завязывают шнурки? И просто по-человечески интересно, как они мылят спины, не испытывая таких

недостатков в мясном снабжении? А, может, у них и двери в автобусах шире?

Не менее страшна «оранжевая смерть». Это — зернистая икра и лососина. Из стариков, может, кто и помнит, а для молодёжи переведу:

ещё на базах и в спецмагазинах для бюрократов — но это только для торговли и бюрократов, нам не опасно — встречается такая красная гадость, прямиком ведущая к гипертонии. Вообще, из рыбы пока относительно безопасны минтай и ставрида. Но это — пока. Хек и треска уже опаснее. Камбала — не дай Бог! А люди стоят в очередях, не верят, проверяют... А чего проверять? Правило простое: чем вкуснее, тем страшнее! Потому как от слюноотделения организм прогрессивно обезвоживается. Не верьте, когда у друга цветущий вид — глазки блестят, щёчки розовые — ещё чуток попрыгает и — инсульт.

«Жёлтая смерть» — это яйца. Ну, не все целиком, естественно, а только желток. Белок уже уступает, а скорлупа — почти безвредна. Жевать её, правда, трудно, но, если есть кофемолка, то проще. Тем более, что кофе сам по себе — это ужасная «коричневая смерть». Ещё в прошлом году от шоколада и индийского чая, вроде, ничего не происходило, а сейчас от них симптомы, как от кофе. Коварство неопишное: чашечку выпьешь — вроде тонизирует, а на самом деле французы мрут, как мухи. Вот, к примеру, Анатолий Франс — какой писатель был! — а помер от кофе. В самом расцвете творческих сил. Едва-едва восемьдесят лет стукнуло. А сколько мог ещё написать! Хочется верить, что нам уже это не грозит. Не творчество Франса, конечно, а бездумная трата валюты на кофе. Могли бы у них купить что-нибудь более полезное. Ну, скажем, туфли без шнурков.

А пока мы, значит, проверяем, что вредно, что полезно — наука на месте не стоит. Цветовая гамма смертей расширяется. Уже доподлинно известно, что надо опасаться молочного и круп, пора исключить из рациона масла растительного, животного и минерального про-

исхождения, различные овощи и фрукты, джемы и варенья, консервы и соки, макароны, молоко, творог, сметану и разные сыры. Избегайте солёного и холодного, перчёного и жидкого, кислого и печёного, жареного и постного, жирного и горького, горячего и твёрдого, сырого и тёплого, сладкого и мороженого.

Помните об этом и будьте нам здоровы всем цветным смертям назло!

1994 г.

Вой на луну
ИЗ-ПОД НАМОРДНИКА

За моею спиною беда,
 Паруса распустили года,
 Понесли по широкой воде
 От беды. Или к новой беде?
 Повлекли по недоброй волне...
 Или это лишь чудится мне?
 Нет, упруги мои паруса,
 Острый ветер съедает глаза,
 Сверху солнце нещадно палит,
 В неизвестность пучина манит,
 Что-то сладко занает внутри:
 Всё же здорово, чёрт подери!
 Что ли мчаться мне тысячи миль?
 Иль на первой же ждёт оверкиль?
 Видно, нет мне другого пути —
 Что задумано, надо пройти!
 Паруса, продолжайте нести,
 Только так можно душу спасти —
 Нахлебавшись солёной воды,
 Презирая пристрастье беды!

29.04.85.

Воспоминаний светлых благодать,
 От занавесей дымчатые тени,
 Размытый смысл бездумных откровений,
 И привкус их заведомо осенний...
 Они ушли. Отсюда не видать.

Напрасно в руки взять себя пытался
 И ощущался пешкой проходной,
 Когда я видел силуэт родной,
 И, верность сохраняющий одной,
 Я беспрестанно заново влюблялся...

Поверь, не смог бы я в себе спугнуть
 Чарующую встречи неизбежность,
 Через края струящуюся нежность
 И, различая пропасти безбрежность,
 Пойми, не мог в неё я не шагнуть.

Заранее предчувствуя угрозу,
 Как мотылёк стремится на свечу,
 Я безрассудно так всегда лечу,
 Но перед Ним возникнуть не хочу —
 Из сердца вынимающим занозу.

Такая речь покой бы сберегла:
 «Простите, с нею я почти не знаюсь,
 И ничего у вас ломать не собираюсь».
 И то, что (пусть притворно!) отрекаюсь,
 Забыть бы ты, пожалуй, не смогла.

НОЧНОЙ ПЕЙЗАЖ

(уголь, сангина)

Так, свою жизнь швыряя на весы,
Мирков ломая хрупкую обитель,
Заворожённо, словно в цирке зритель,
Глядим, как смертоносный истребитель
Взмывает вверх от взлётной полосы.

Лежит на мне фатальности печать,
Хотя сижу всегда в сомнений кресле,
Достаточно ль свои мы цели взвесили?
Я поступал бы точно так же, если
Пришлось бы мне сначала всё начать.

Перед людьми ответственностью связан,
Проваливаясь в ночи пустоту,
Вливаясь ли в дневную суету,
Как маяка огонь я вижу только ту,
Которой смыслом жизни я обязан...

19.12.84

Не спится, друг, мне. Что-то я болею,
Душа моя в аквариуме сна
К поверхности стремится, задыхаясь,
Не в силах оторваться ото дна.
И знаешь, чем я ранен, чем я болен?
О, я прошу, прости меня за то,
Что вижу я больным воображеньем,
Так, как нормальным видеть не дано...
Блистательный ксеноновый Фонарь,
Проходим освещающий дорогу,
Ярился щедрым светом. Так и мы
Искримся иногда весельем простодушным,
Умом и юмором намеренно играя,
Или одеждой покоряем, силой мышц,
А на худой конец, уменьем выпить тоже.
Так вот, Фонарь... Он так сиял в ночи,
Как будто эта ночь была последней,
И вдруг его лучи коснулись Лужи.
И он офонарел! В неё глазами впился,
И обо всём на свете позабыл.
Так ослепительно она была красива,
Такою чёткой линией каймилась,
Над ней полночный ветер, пробегая,
Жемчужин ожерелья ворошил.
Ну, а она величественно, гордо,
Слегка волнуясь, свет его вбирала,
И он страдал безумно от того,
Что видел в ней чужие отраженья
Таких же стройных мощных Фонарей,
К товарищам красавицу ревнуя.
Но вот к рассвету кто-то из Энерго
Рубильник дёрнул — и Фонарь погас.
И тут же вмиг красавица исчезла.

Я утром поглядел: вонючей мутной жижи
Полным-полна. Случайно оступившись,
Попал в неё ногой, забрызгал всю штанину.
Испачкал обувь. Как она мелка!
Едва асфальт собою прикрывала...
Я плюнул в Лужу и побрёл домой.
И отчего теперь, мой друг, болею,
Душа моя в аквариуме сна
К поверхности стремится, задыхаясь,
Не в силах оторваться ото дна.
Всё оттого, что только вечер станет,
Над городом зажгутся Фонари,
Как тут же, голову свою наполнив светом,
Глупец никчемность вновь боготворит,
И никогда, лучась, не осознает,
Что этой Луже блеск он сам дарит...

* * *

Никогда бы не стал воздвигать
Я стихов своих зыбкое здание,
Если б ты не явилась, как тать,
За любви непреложною данью.
Ты вошла в мою жизнь, как нож,
Раскромсав равнодушия ткани —
А я был на народ похож,
Никогда не плативший дани.
По моим ковылям пронеслась
Быстроногая конница взглядов,
Сабли слов укрепили власть
Поцелуев и нежности ядов.
Стрелы глаз твоих, солнце затмя,
Обратили язычника в веру.
Он, цепями желаний гремя,
Добровольно идёт на галеру.
Мой покой навсегда опочил,
Дни связав белекурою лигой...

Так с восторгом народ получил
Это благословенное иго!

08.06.85

АКВАРЕЛЬ

Войшла — и принесла с собою запах сена,
Дыханье клевера с потухшими цветками,
И озарились стылые елани,
Как будто солнце проломило крышу леса
И прикоснулось теплыми щеками
К ресницам трав, росы слезинки выпив,
Холмы лучами трепетно обняв.
Луга светлели. Птицы задыхались,
Стараясь прокричать точнее вокализы,
Написанные нотами-стрижами
На станах телеграфных проводов.
В валторны ветра дунули дубравы,
Впиваясь в мундштуки губами желудей,
И пело всё о бесконечности живого,
О ветре в крыльях, бурях вдохновенья
И о тебе.

Простор лишался красок —
Он выжимал из тюбиков природы
Последние сверкающие капли,
Чтоб передать в космической картине
Во всю кипящей жизни ликование,
Чтобы она переливалась знойно,
В глаза вьедаясь чистотою цвета,
В тених храня загадку перекаатов,
Сражающихся с пенными валами,
Которые сломить хотели песню,
Укрыв ее шипеньем белой пены...

Но все утихло. Уходя неслышно,
Багрянец клёна обжигал ладони,
Ещё не веря, по коры морщинам
Стекла мои седины до корней.
И жутко слушать мне,
 как тихо жизнь уходит
Из них по капле. Не дано понять,
Какая сила нас вздымает в небо
И радостью нам сердце разрывает,
Чтоб всё затем отнять у нас слезами
И возратить земле. Ещё во мне неясно
Бредет в одежде из отчаянья — надежда,
Что, может быть, напому о себе
Письмом, которое тебе, страдая, пишет
Косая вязь дождя на любовом стекле.
Но только вечером.
А утром прозреваю —
И вижу, как уходит мой сентябрь
Сквозь гарь костров из листьев облетевших
Туда, куда, обнявшись и горланя,
Давно ушли другие сентябри...

БАЛЛАДА О НАГРАДЕ

Над степью вздыблен террикон.
Шахтеров слово – как закон,
Сказали, будто отрубили.
Мы пятилетку отрубили,
И вот дают нам разнарядку
На награжденья. По порядку
Награды разделил начальник
И с ним парторг Ефим Молчалин.
Ну, в министерство укатили,
Там кандидатов утвердили.
По временам, да по застойным,
Давали только лишь «достойным».
Возьмем, к примеру, наш Подпругин –
Начальник редкостных заслуг он,
Его из шахтоуправленья
Прислали к нам «на укрепление».
И вспомнить стыдно: мы – в завале,
Как говорится, пребывали,
Лет пять уже процент по валу
Стабильно шахта не давала...
А он сказал: «Я – у руля!
Ну что, дадим стране угля–
Хоть мелкого, но... очень много».
И мы пошли его дорогой.
Подпругин только намекнул,
Но кое-кто тотчас смекнул
На ленту подсыпать породу,
И покатилося по народу:
«Чем раньше думали, ослы–
Ну, будет больше чуть золы –
Подумаешь, велико дело!» –
И понеслось, и полетело!

Знамена, премии и званья,
Мы – авангард соревнования:
Зола шахтеру не печет –
Ему бы деньги да почет!

Агент-снабженец Сима Львовна
Награды стоит безусловно:
В Госснабе за любой наряд
Она давала всем подряд.
Она «любила» руководство
Не для себя – для производства!
Дадим ей орден «Дружбы» смело:
Что-что, «дружить» она умела...
За дефицитные стропила,
Что из Ташкента отгрузила,
Чтоб связь наладить с тем узбеком,
Полезным очень человеком,
Она бессменно на спине
Служила сразу всей стране,
Когда в постели с томной грацией
«Единство укрепляла наций»!

А кавалером «Трудового»
Решили сделать Тягунова.
Начальник смены Тягунов
Ходил почти что без штанов.
Куда безродному податься?
В деревню думал возвращаться,
А тут колхозная страда.
Для инженеришек – беда.
Послали парня на картошку.
Ну, «погусарил» там немножко...

И на бахче среди арбузов
Одной девице сделал «пузо».
Роман на редкость вышел нервный,
И был он у нее — не первый,
А крайний. Но прицелил в точку:
Она — горкомовская дочка.
Начало нового сезона
Открыл он маршем Мендельсона.
Теперь к его фигуре свинской
Костюм подогнан — импорт финский,
На роже всплыло чувство долга,
Квартира, дача, книжка, «Волга»,
И не тревожит дефицит —
На кой ему наш антрацит!
Но как его не наградить —
Ведь тестю надо угодить...
Ну, словом, в список на награды
Попали кадры все, что надо.
И мы с Алехой угодили,
Хоть ничего не сотворили.
Алеха — в доску парень свой —
Он хоть в забой, а хоть — в запой!
Скорей костями Алеха ляжет,
Чем в чём начальнику откажет.
И вот — медалька. Для приличия.
За трудовое, за отличие...

Как к черной шее не привык
Крахмально белый воротник!
Завязан галстук узелком,
Робея, топаем в обком...
Величественный, словно царь,
Холеный первый секретарь —
Губернский кит, седой финвал
Награды эти выдавал.

Да, Первый — он герой труда,
На фраке — новая звезда,
И на мою худую грудь
(Волнуюсь, дай передохнуть!)
Ее лучей ложится отблеск —
Медаль «За трудовую доблесть».
Но всех растрогала до слез
Та речь, что Первый произнес:
«Из одного металла льют
Медаль за бой, медаль за труд.
Добудем больше углероду
Всему советскому народу...
Нам с Леонидом Ильичем
Любые бури нипочем...
Мы как один, к плечу плечо...
В победу верим горячо».
В ответ Подпругин чин по чину:
«Народ и партия едины!
Работать будем мы, как звери...
Чтоб Ваше оправдать доверье...
Мы, как один... в четыре года!
Удвоим выпуск углерода!»
(Тут я не понял, что за мода,
Чтоб уголь путать с углеродом—
Ну, пусть не в курсе секретарь,
Но ты ж по-нашему гутарь!)
Потом отдельно — на портреты,
И вместе снялись — для газеты.
Пошли с Алехой в ресторан,
Чтоб радость окунуть в стакан.
А он, когда стал сильно пьян,
Медальку в коньяке купал,
К официантке приставал,
Потом такое вытворял:
Награду, как кастет зажал.

КОНСТРУКТОР

Ходил между столами гордо,
Грозил кому-то «чистить морду»,
Затем за мятый четвертак
Оркестр мучил сяк и так:
Пушай, мол, песенку споют
«Из одного металла льют»!
(Алехе, видно, речь финвала
Так в душу глубоко запала!)
А лабухи не знали песни —
Ни слов, ни музыки — хоть тресни.
Но деньги... Кто-то все же спел...
Алёха малость протрезвел
И мутный взор уставив вдаль,
Вдруг взял и плюнул на медаль.
А мне, хмельной покинув зал,
Не то спросил, не то сказал:
«На кой нам хер её дают —
Медаль за бой, медаль за труд?!»

Судьба играет человеком:
Детясли, школа, институт...
Глядишь, и прожито полвека,
Часы — идут, года — бегут.

Ты перепробовал немало
Занятий разных, должностей,
Куда нас только не швыряло —
Конструкторов судьбы своей.

Ты видел бури и ненастья,
Неблагодарных и невежд,
Конструктор собственного счастья,
Конструктор собственных надежд.

Творил, работал, сомневался,
Пилил, сверлил, держал ответ,
И ты конструктором остался,
Поскольку выше званья нет.

Есть разные чины и званья,
Тебе чужда за них борьба:
Конструктор — это не призванье,
Конструктор — это как судьба.

Какое счастье видеть всходы
От кропотливого труда...
Конструктор — это от природы,
Конструктор — это навсегда!

О силе власти репродуктор
Вещает на честной народ...
Министром может стать конструктор,
Но ни за что — наоборот!

РЕЧКА КАМЕНКА

Ах, речка Каменка, дружок,
Мутна ль ты не от женских слез?
На левом берегу – лужочек,
На правом – роща из берез ...
На правом – ласкова подруга,
На левом – верная жена.
И не моя ли в том заслуга,
Что речка Каменка мутна?
К одной – душа моя стремится,
Другую – нежно к сердцу жму.
Еще не пробовал топиться,
Да, видно, все идет к тому.
Ну помогите разобраться,
Ну как же мне себя понять?
Быть может, вдоль реки податься
И лучше третью поискать?

МОЙ БИЛЕТ

Вот притихший вокзал,
Вот купейный билет,
Но моих поездов
На путях больше нет.
Значит, главное что-то
Я в жизни проспал
И теперь опоздал –
Навсегда опоздал.
Золотое кольцо
На любимой руке,
Как надгробная надпись
На памятнике.
А пониже начертан
Саркастичный совет:
Ты – совсем опоздал,
Брось ненужный билет!

Я вишнёвою косточкой
Выстрелен в свет,
В глубину этих глаз,
В их немыслимый цвет.
А секунды, как дятлы,
Мне морзянку стучат:
Для чего ты вообще?
И зачем ты зачат?
Как же быть мне –
Где выход?
Но выхода нет.
В моей потной руке
Пропадает билет.
Все экспрессы лихие
Растрянжирил вокзал,
Ну а я опоздал –
Навсегда опоздал...

НАТЮРМОРТ

Знаю, лишь доброта
Моё сердце спасёт,
Я скажу: «Ничего.
Пусть другим повезёт.
Завтра те, кто сегодня
Мне руки связал,
Пусть приходят
На празднично ждущий вокзал,
Пусть посадят их в самый
Зеленый вагон,
Пусть их в путь провожает
Весёлый перрон.
Пусть огни светофора
Им подарят привет,
Пусть хрустит в их ладонях
Самый лучший билет!

Да святятся вокзалы
До судного дня,
Эти рельсы и шпалы —
От тебя до меня,
Пусть они не ржавеют
И пускай не гниют,
Пусть они разрушают.
Но они создают!»

Перед холстом я вновь стою, немея.
Мазок уверенно кладет щетина:
Вот к фиолетовому — кадмий желтый,
Вот в красные мазки ложится зелень,
В голубизне — оранжевого блик...
И появляется в холсте краюха хлеба,
Прекрасная обычностью своею.
Так, пререкаясь, холод и тепло,
Поющие вразброд, пока они в палитре,
Рождают изумительную правду,
Приоткрывая жизни сокровенность,
Святых-святую тайну мироздания —
Единство и борение различий!
Добро и зло... Начало и конец...
Печали с радостью...

Зловещее с прекрасным...
Здесь тьма и свет. На легких ветках встреч
Растут тяжелые плоды разлуки.
Во восходах жизни притаилась смерть,
В таланте — эгоизм, а в горечи — услада...
Противоречья логику рожают
И смысл. Ведь от добра — добра не ищут,
А от чудес — чудес не ждут. Я знаю,
Только тот поймет прохладу
Колодца с родниковой водою,
Кого дорога, солнце и усталость
Держали от него вдали и долго.
Бессмысленно нам ожидать, что в мире
Когда-то абсолютное добро
Восторжествует, если зло исчезнет,
То пропадет и жизни цель. Поверьте,
Бессмертье никому из нас не надо —
Смерть есть мерило стоимости жизни...

УРОК ГЕОГРАФИИ

Легко мазок ложится за мазком
В мозаику цветных противоречий —
И появляется в холсте краюха хлеба,
Прекрасная обыденностью чистой.
А рядом — нож кухонный — плотояден,
Как неизбежный хлебу приговор:
Он отрицает красоту краюхи
И утверждает сытость едоков.

Вот перед вами карта
Висит на стенке, дети.
Диковинные страны
Присутствуют на свете:

На карте есть Фенляндия —
Страна махровой лени,
Там всё и всем до лампочки,
Как говорят — до фени.

Вот королевство Датское,
Похожее на шляпу,
А с ним граничит Взятское,
Где все берут «на лапу».

А вот страна Норвегия,
А вот — ее сыны:
Халуги, браконьеры,
Ворюги, несунуны.

Обширно графство Блатвия —
И на его гербе
Девиз начертан пламенный:
«Ты мне, а я — тебе».

В империи Кирландия —
Столица в кабаках,
Там ползают в блевотине,
И морды в синяках.

ОСЕННИЙ ЭТЮД

В республике Фразилия
Фразеры, болтуны
Протерли в заседаниях
Последние штаны.

И есть страна Болгария,
В которой все болит:
За страны приграничные
Её сжигает стыд...

Постарело уже, постарело
Голубое реки серебро.
Стынет пляжа тонкое тело,
Как худящей собаки ребро.

Изогнувшись назад дугою
И раздевшись почти донага,
Зябко пробует воду ногою
Чернокожая выдра – ольха.

Ей решительности не хватает,
За ивняк уцепилась рукой ...
Равнодушное солнце зевает
Над потухшей и сонной рекой.

Оставь на мне свои частицы,
 Частицы рук твоих и губ,
 Когда наш день испепелится.
 И ночь когда испепелится,
 Когда весь срок испепелится,
 И без тебя я не смогу.
 Когда вокзал с его толпою
 Откроет новый перегон,
 Истосковавшейся рукою
 Я в вещмешок упрячу стон.
 Я уложу его поглубже,
 Взвалю я на спину тоску
 И потащусь по свежим лужам
 К тому заветному мыску,
 К тому горячему песку,
 К тому зеленому леску,
 Который к берегу поближе
 Раздольно окаймляет плёс,
 К волне, которая залижет
 Мне раны, словно верный пёс.
 И там, когда рассвет родится,
 И встанет солнце над водой —
 Отдам ветрам твои частицы,
 Отдам волнам твои частицы,
 Отдам дождям твои частицы,
 Чтоб мир заполнился тобой!

Ты — тропа моя
 В воскресение,
 Доброта моя
 И спасение.
 Ты — трава моя
 Цвета осени,
 Ты — река моя
 В синей просини.
 Я пройду тропу
 Вдоль полей пешком,
 Упаду в траву
 С тополей пушком.
 Забреду рекой
 До течения,
 Распылю рукой
 Отражения.
 Как кленовый лист,
 Ветром сброшенный,
 Поплыву к тебе
 Я, непрошенный.
 Поселюсь в тебе
 Горько-сладкою
 То ль тревогою,
 То ль загадкою.
 Ты — мое окно
 В страны шепота,
 Ты одна — давно
 Мои хлопоты.

УМИРАЮЩЕМУ ХОЛОДИЛЬНИКУ

Ты — прекрасное
Наказание,
Поездов моих
Расписание.
Ты — до дна мое
Потрясение,
Горе горькое
И везение.
Через годы мост
Переброшенный
В луг, где травы в рост,
В луг нескошенный.

Ушел фреон. Безжизнен холодильник.
Ушел фреон. На полках — пустота.
Есть гвоздь. Сверло.
Драчевый есть напильник.
Сам не исправлю я. Напрасна суета...
Ушел фреон. К чему теперь рыдания?
Пустых ему похвал зачем ненужный хор?
Ушел, как паровоз. Как Штирлиц
на задание.

Ушел, как древний Рим.
Свершился приговор.
Куда ушел фреон, скажите мне на милость?
И я ему вослед в отчаянье кричу:
«Куда, куда, куда? Куда вы удалились?»
Представьте, он в ответ:
«Чтоб вы там подавились!
Всё вам бы только жрать, а я летать хочу!
Ну что вам охлаждать?
С кефиром поллитровки?
Чтоб зря гонять фреон, не надобно ума!
На полках что у вас? Усохшие морковки,
А в остальном — зима. Пустынная зима!»

С чем надобно сравнить
предательство фреонное?

ДОЖДЬ

(сангина)

В нелепом бессильи уходят минуты,
А с ними часы и дни,
И вроде бы мы сильны, как будто,
Но это — когда одни.
И грустно так про себя повторяем,
Уже в который раз:
«Не мы судьбу с тобою ломаем,
Она ломает нас».

12.08.84

Сизый вечер настал. Дождь под крышу
слезою исходит,
От промозглого холода жмутся
друг к дружке дома.
Мимо окон тоска с посиневшею
кожею бродит.
День прошёл, и опять не дождался я
с почтой письма.
Сколько дней в ожиданье твоих
торопливых ответов!
Я тебя не виню, ты меня, дорогая, прости...
Просто дела на почте совсем нет
до наших конвертов,
Почтальонам плевать — принести
или не принести.
Современный эрзац, заменитель
душевной беседы,
Как ты дорог мне всё же
(ах, с портретом Довженко!) конверт,
Почтальонша пришла! Только бросила
снова соседу —
Ну а мне лишь газету, а она без P.S.
на десерт...
Мы не любим писать. Но как любим
писать, если любим!
Эту старую истину вновь мы открыли
с тобой.
И ещё получать! Мы себя ожиданием губим,
А получим — читаем, читаем взахлёб
и взапой!

Никогда не заменят нам письма живого
соседства,
Блеска глаз, цвета губ или
прикосновенья рукой,
Но спасибо за то им, что это старинное
средство
В самой острой разлуке нас так породнило
с тобой...

Красавица, наверное, с опушки,
И я с восторгом на неё гляжу.
Собрал я за год лучшие игрушки
И в них сегодня ёлку наряжу:

Вот дождик шёпота, немых признаний,
Хлопушки слов невдумчивой поры,
Гирлянды голубых воспоминаний
И счастья крайне хрупкие шары...

Раскину — что ж теперь скрывать, дружок,
Размолвок неожиданных снежков,
Витые ленты трудного пути,
Стихов моих цветные конфетти,

Бесценный серпантин твоих волос,
Любовь к тебе — на самую верхушку!
Потом лицо зарою я в подушку,
Чтобы отчаянья не видел Дед Мороз.

ПЯТОЕ ВРЕМЯ

Поймёт, наверно, старец мрачноватый,
И, может быть, не обессудит он,
Что его место на молчанья вате
Бесстрастно занял ждущий телефон...

Вот и настал для тостов час:
«Я пью, чтобы любовь не покидала Вас,
Чтоб ветер не задул надежд огни,
Чтоб в Новый Год, как я, Вы не были одни!»

Мне без тебя сложно.
Тянутся дни тревожно:
Вечер — время без дна,
Ночь, как Луна, бледна,
Утро придёт — тошно,
День пережить невозможно...

Но
Всё равно
Верю в одно,
Что постучится в окно

Пятое время суток —
Слово чести!
Пятое время суток —
Праздник, салют!
Пятое время суток,
Это — когда мы вместе,
Это — когда от счастья
Наши сердца поют.

Пятое время суток —
Глаз сиянье,
Пятое время суток —
Слов — апрель.
Пятое время суток —
Время без расстояний,
Тают снега разлуки,
Снова звенит капель!

Мне без тебя сложно.
Тянется год тревожно:
Даже, когда весна,
Даже зима — черна...
Лето придёт — тошно,
Осень прожить невозможно...

Но
Всё равно
Верю в одно,
Что постучится в окно

Пятое время года –
Слово чести!
Пятое время года –
Звёздный салют!
Пятое время года,
Это – когда мы вместе,
Это – когда от счастья
Наши сердца замрут.

Пятое время года –
Руки – крылья!
Пятое время года –
Губы – мёд!
Пятое время года,
Это когда в бессилье
Тают снега разлуки
И расстояний лёд!

Разбуженный тобой –
 тянусь к восходу солнца,
Посадку объявили, досмотрен дипломат.
Вокруг сибиряки, бичи и смачный мат...
И вот сижу я в «ТУ» у самого оконца.

Разбуженный тобой — в багаж
отправил вещи.
Пристёгнут, как положено.
На спинке голова.
Передо мной лицо прекраснейшей
из женщин,
Поюшей как во сне: «Напрасные слова».

Разбуженный тобой — взлетаю я к рассвету.
Заученно бубнит девица в микрофон:
«Но смокинг», — не курить!
 Про это же — плафон.
А я давно сломал в кармане сигарету...

Разбуженный тобой — я обгоняю время.
В Хохляндии лишь ночь, тревожна и чутка,
А я вот рукава Оби обзираю,
Где в солнечном пруду купается тайга.

ТЫСЯЧНЫЙ ДЕНЬ ОДИНОЧЕСТВА

Зачем лечу, куда? Мне надобно движенье,
Иначе захлебнусь тоскою голубой.
И вот я обогнал седой земли круженье,
Застигнутый врасплох, разбуженный тобой.

Полётным скоростям привыкли не дивится,
Стрелам «Конкордов» с клювами кабин.
Но вижу: впереди твоя несётся «Птица»,
И не догнать её всей мощностью турбин...

Сегодня у меня тысячный день одиночества. Где-то в углу оглушительно поёт сверчок. Никогда раньше я не слышал таких оглушающих сверчков — кажется, он сидит на моей барабанной перепонке. Не думал, что сверчки могут петь так громко...он поёт, как весенняя птица, и вся квартира наполнена его страданием. Я гляжу на твои отсутствующие письма, неполученные мною за эту тысячу дней небывалого одиночества со сверчком. Почерк твой тороплив и размашист, будто ты боялась, что сверчок закончит свою песню до того, как ты не отправишь эти письма мне, а я их — не получу. Никогда ты не была так скупа на слова и время, отведённые мне, как в эту тысячу дней одиночества, когда вокруг на семь тысяч пятьсот километров — ни единой души, кроме сверчка на барабанной перепонке. Зачем ты так жестока? Хотя нет, это не жестокость, просто ты не знаешь, как громко поют сверчки в этой комнате, а знать об этом может только любовь, когда тебе страшно, когда тебе так страшно, что может произойти с человеком, которому поёт сверчок. Письма твои хороши только тем, что их можно читать в темноте, как любые другие, неполученные мной. Зачем же так громко, замолчи, сверчок. Может, тогда и окончится эта тысяча дней одиночества. Но нет, этот сверчок не покинет меня никогда, как и ты. Что же он хочет сказать мне — что ты завтра не позвонишь? И никогда не позвонишь и не напишешь, а всё, что ты мне не хотела сказать, скажет вот этот сверчок. Маленький бессмертный мерзавец на моей барабанной перепонке...

СНЕГ

Мне приснилось, что падает снег,
Он валит без преград и помех,
Он ложится на всё и на всех —
Шапку, ворот, в рукав и перчатки.
На помарки поступков моих,
Кляксы дел и последствия их,
На бесчувственность, грубость и крик —
Белый «штрих» на мои опечатки...

Где-то я недожал, пережал
И от взгляда в глаза убежал,
В малодушии робком дрожал —
Всё страницей чистой покрыто,
Как-то друга ударить посмел,
То поверить любви не сумел,
То бахвал был, то слаб, неумел —
Всё забыто, забыто, забыто...

Я теперь элегантен на вид,
У меня золотой аппетит,
Я уверен, помыт и побрит —
Новый бриг у чужого причала.

Не обижу и не укорю,
Я повсюду улыбки дарю,
Я не пью и почти не курю —
Как легко начинать всё сначала!

Но противен мне новый успех,
Неестествен и жидок мой смех,
Не хочу твоей помощи, снег!
Ты растаешь — и всё обнажится:
А оно — за глухою стеной,
Что когда-то случилось со мной
В этой жизни дурацкой, шальной
Никогда уже не повторится.

Что я стою без прежних затей,
Без моих бескорыстных друзей,
Без стремительных новых идей? —
Дней вагоны проносятся мимо...
Чтоб со мной не бывало тогда —
Суета, беготня, чехарда,
И обида, и даже беда —
Жаль, но всё это неповторимо!

«Хочешь, я тебе ночью приснюсь?»—
 Ты спросила, и очень боюсь,
 Как бы ночь не минула мой дом,
 Зацепившись за тучи крылом.
 Шёпот твой ловлю в проводах,
 Стынет слово «люблю» на губах.
 И в ответ закричал я: «Да!
 Ты приснись мне раз навсегда!
 Ты приснись, как рука в руке
 Мы с тобою бежим к реке,
 В золотых объятьях песка
 Поцелуем касаюсь виска.
 Ты приснись, как в прозрачном лесу
 Серебристую пьём мы росу,
 Как улыбкой ресницы цветут,
 Пятна солнца по лицам бегут.
 И когда, охмелев, соловьи
 Изливают страдания свои,
 И замрём на опушке, когда
 Засчитает кукушка года.
 Ты приснись мне в седых горах,
 Когда властно восторг? или страх? —

Сразу трудно даже понять —
 Может напрочь дыханье отнять.
 Ты приснись за обильным столом,
 Чтоб родные вокруг — весь дом,
 Чтобы вместе с нами — друзья,
 Когда нам не горланить нельзя!
 Когда мы за любовь нашу пьём,
 Когда мы танцуем вдвоём...
 Ты приснись мне с жизнью в ладах,
 Только очень прошу — навсегда
 И назло расстояниям всем.
 Ты приснись мне сейчас — насовсем,
 Чтоб губами — к твоим волосам,
 Чтоб щекою — к любимым глазам,
 Чтоб опухшие губы кусать,
 Чтоб стонала старушка-кровать,
 Чтоб хрустел пересохший паркет,
 Чтобы в миг опрокинулся свет,
 Чтобы с криком всю душу отдать!»

Ах, какое страдание — ждать...

Если станешь в далёкой дали
 Грустных дней перематывать нить,
 Вспомни — сутки прожить не могли,
 Чтобы вновь не писать, не звонить.
 То, что свято с тобой берегли
 В самых дальних заимках души,
 Не щадило шальные рубли:
 «Позвони, позвони, напиши!»
 В этот год неразлучных разлук
 Измеряли мы счастье на дни.
 И, касаясь щекой твоих рук,
 Я шептал: «Напиши, позвони!»
 А потом турбовозная сила
 Унесла меня в дебри глуши,
 Провожая, тихонько просила:
 «Как приедешь, звони, напиши!»
 И помыслишь об этом едва ли,
 Только номер начав набирать,
 Кто придумал, чтоб мы не теряли
 То, что просто преступно терять.
 А когда напоследок решу,
 Что компостером жизнь проколота,
 Кровью сердца тебе напишу,
 Позвоню я в души своей колокол,
 Чтоб в любом, самом дальнем краю,
 Словно взрыв в наступившей тиши,
 Ты услышала просьбу мою:
 «Напиши, радость, мне, напиши!»

Каким торжественным словам
 В среде Инетного бедлама,
 Столь неподвластного умам,
 Где, вроде, властвует программа —
 На самом деле — шум и гам —
 Каким торжественным словам
 Могу доверить, скажем прямо,
 Воспеть достойно славу Даме
 И воскурить ей фимиам?
 Как поэтическим котлам,
 Уже свистящим под парами,
 Поведать неразумным нам,
 Чтоб не взорвать общенья храм,
 О чувствах их к Прекрасной Даме?
 Какой испытываю срам,
 Что до сих пор, как в пошлой драме
 Ни wallk, ни Шеп, ни иже сам
 Не удосужились ни грамма,
 Лишь удивляясь вкусным щам,
 Вознестъ хвалу тебе, о Дама,
 Их приготовившая нам!
 Твоих заслуг обширна гамма —
 Жена, сестра, подруга, мама;
 Ты неподвластна временам,
 Хоть не усеян путь цветами —
 Не в гулком лишь Универсаме —
 Тобою ведь построен БАМ
 И прочих строек панорама.
 Морозом схвачена, ветрами,
 Мужским бушлатом, сапогами,
 Отнюдь не пахнущих духами,
 Диора сделанных руками...

Какими пышными словами
Нам искупить весь этот хлам,
Который мы дарили Вам?
Как мы переживём сей срам,—
Когда любой Прекрасной Даме
Пропитый в усмерть бомж и хам
Могёт похабными словами:
«Парам-пам-пам, парам-пам-пам!»
Послать её к известной маме?

Довольно. Стыдно. Не смешно.
Неужто нам-то всё равно?

Прошу за всех мужчин у Дам
Прощенья благостного нам
За целину, Арал и БАМ,
За БВК,
За ЦБК,
За то, что у родивших мам
Недоставало молока,
За нашу черствость. И ещё
Скажу «спасибо» горячо
За ваше верное плечо,
За ваши руки, губы, смех,
За то, что вы — прекрасней всех!

* * *

«Вздымайся праздник марта выше!»—
Коты весенние поют.
Им кошки на покато́й крыше,
Как могут, создают уют.

Вон та почти в самозабвенье
Шмыгнула с милым за кусты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты!

Когда весенние коты
Заполнят крыши и обрывы,
Мне снятся милые черты,
Души прекрасные порывы,

Я помню, как голодным пища,
Передо мной явилась ты,
И чую — становлюсь я чище,
Когда вокруг поют коты.

Сегодня утром все мужчины
Свои оставили посты
И поздравляют женщин чинно
(Мы все немножечко коты!)

О, Мужичок! Сохой к прогрессу
На дровнях обновляя путь,
Свою подругу и принцессу
Поздравить ты не позабудь!

Мы с тобою — зверьё.
 На пушистых и ласковых лапах
 Мы друг друга искали,
 От тоски завывая не раз,
 Мы друг к другу рвались,
 Реагируя только на запах,
 Это — запах любви,
 Он как компас звериный у нас.
 То ли в мрачных лесах,
 Хоронясь вековым буреломом,
 То ли к чёрной реке,
 На ночной приходя водопой,
 Вдруг дыханье собью —
 И подступит под горло мне комом,
 Атавизмопредчувствие
 Будущей встречи с тобой.
 Я тебя отыскал.
 Ну, а может, и ты отыскала.
 Не жена, не любовница,
 Даже не знаю, кто ты?
 Мой шершавый язык
 Ты своею мне шерстью ласкала,
 Я хвостом шевелил
 Золотые в закате кусты.
 Как с тобою дрались мы
 Из-за старой обглоданной кости!
 Только клочья летели,
 И рык наш ушей не щадил.
 Но потом измотавшись
 От тоски, от потери, от злости,
 Как побитый, скуля,
 Кто мудрей — тот прощенья просил.

Что же делать? Мы круты,
 Мы в звериной воспитаны вере,
 Нам звериных повадок
 Никогда, ни за что не избыть.
 Но не люди, как люди,
 А только такие вот звери
 Могут так беспричинно
 И бескомпромиссно любить.
 И когда я кладу
 Свою пасть у тебя в изголовье,
 То от нежности хрупкой
 Бывает едва не реву.
 Мы с тобою — зверьё.
 Мы с тобою — одной группы крови!
 И любому я глотку
 За тебя на куски разорву!

ВИД НА САНИТАРНУЮ ПЛОТИНУ

(акварельный пейзаж)

И оводы у вод,
И слепни,
И птичий хоровод,
И солнце (хоть ослепни!),
И даже звери-комары
Нам открывали те миры,
Где от зари и до зари
Есть сущности всего лишь три,
Лишь три надежды, три мечты:
Ты, только ты, и снова — ты.
А для меня твои черты —
Извечная загадка...
Но до чего ж у нас хитры
Блюстители порядка!
Неумолим и строг гвардеец,
А сам, небось, эпикуреец.
И снова нас проглотит чаша,
И сердце у меня колотит чаще,
А ритмы у него совсем просты:
«Ты, только ты, и снова — ты!»

Я как во сне,
Боюсь, не смею,
Что делать мне?
С тобой глупею,
Всё уже было, но опять
Я так боюсь терять, терять —
Уж лучше вовсе не найти,
Чем слышать страшное «прости»,
Но поздно. Сожжены мосты...
Ты, только ты, и снова — ты.
Моя — и не моя.
Родная и чужая.
Отчаянье тая,
Себя листаю.
Потёртый переплёт, загнутые углы,
И сброшюрован плохо, без иглы,
С форзаца слезла киноварь,
И вырезан в конце словарь,
Но шелестят ещё листы:
«Ты, только ты, и снова — ты!»

ОХОТА
(масло, холст)

Летит любовь моя — подранок,
Охотник выстрелил в упор —
И дробью перья разорвало,
А он — весь в запахе портянок
Опять стволы наводит рьяно —
Силён охотничий задор!

Его пьянит азарт охоты
И грохот выстрелов бодрит,
Нет в сердце жалости ни йоты,
Псы кровожадны, как койоты,
Нажрались перьев до икоты,
У них прекрасный аппетит!

Тверда охотника рука,
И глаз намётан бить на взлёте,
Мгновенья тянутся пока,
Но бесконечно широка
И глубока моя река,
А силы тратятся в полёте...

Вон там вдали растёт рогоз
Густой спасительной стеною.
Приют для голубых стрекоз —
Его не тронул сенокос,
Он богатырски в берег врос,
Лишь дотянуть — и он прикроет!

Но нет, не хватит сил туда,
Ни сил, ни времени не хватит!
Охотника рука тверда,
Не бил он мимо никогда,
Курками щёлкает беда,
А рана кровь и силы тратит.

А от потери крови — муть
И жёлтый пульс перед глазами.
Нет, не дадут мне продохнуть,
Как неудачно выбран путь!
Осталось выстрелу блеснуть —
И псы вопьются в зоб зубами.

И, кажется, ещё не поздно:
Сказать лишь надо: «Не люблю!»
Стволы, зияющие грозно,
Рука опустит. Одиозно
Завоют псы. Полусерьёзно
Охотник молвит: «Потерплю».

Но я люблю! Люблю неистово!
Тверда охотника рука.
Вот-вот, и прогрохочет выстрел,
Опалят тело дробь искры...
Мгновенья протекают быстро —
Река так жутко широка...

Злую бессонницу стал коротать —
Томик английских поэтов листать.
Шелли, запомнил я строчку твою:
«Without You, Without You...»

В каждом подъезде и в каждом окне
Грустная музыка чудится мне,
В звуке любом я слова узнаю:
«Without You, Without You...»

Горькая строчка на всех языках —
Горькой полыни напиток в руках,
И против воли до дна его пью:
«Without You, Without You...»

Небо моё — всё в сплошных облаках,
Время на сбитых бредёт каблуках,
Мимо проходит, а я отстаю:
«Without You, Without You...»

Есть ли какой-нибудь смысл в заре,
В солнечном дне, в золотом сентябре,
В том, что под окнами птицы поют:
«Without You, Without You...»?

Нужен ли этот багровый закат,
Звёзд полуночных растерянный взгляд?
Нужен ли шар, на котором стою:
«Without You, Without You...»

Что мне веселье, вино и цветы?
Как анекдоты, все книги пусты,
Даже от снов я теперь устаю:
«Without You, Without You...»

Горькую строчку, как боль пронесу —
Выбросить в поле, оставить в лесу...
Сосны застыли в печальном строю:
«Without You, Without You...»

Что мне свобода от прежних забот,
Дел непредвиденных круговорот?
Ныне не мыслю дорогу свою:
«Without You, Without You...»

Горькую строчку, как боль, я ношу,—
Только тобою живу и дышу,
Путы мои, я прошу, разорви:
Мир без тебя — это мир без любви!

Горькой строки очень прост перевод.
Пусть на пути занесёт поворот,
Грохнусь в кювет, все педали отжав:
«Without You, Is Without My Love!»

07.09.84

ВЕЧЕР

(масло, холст)

* * *

Человек никогда не бывает один...
Поглядите, по комнате мечется,
Натыкаясь на стулья, моё Одиночество,
В стиранной-перестиранной пижаме.
Значит, нас двое. С нами,
Расплюшив нос на холодном стекле,
Хочет побыть вечерочек Тоска.
Какая изящная зелёная девочка!
Она сегодня будет моей. Рука
Открывает задвижку, и вот она в комнате.
Со мной и Одиночеством моим в пижаме.
Ну что за компашка! Пора по рублю –
И вот моё Одиночество хватает авоську
И летит в «Гастроном» через десять ступенек.
А Тоска в это время солёный огурчик
Режет на четыре равные дольки.
Братцы, а кто же четвёртый?

Ах да, это Совесть

Вылезит из шифоньера души
И тянется к открытой бутылке,
И опрокидывает её в унитаз...
Снова сидим вчетвером и сучаем.
Я не один – со мной Одиночество,
Совесть моя и моя Тоска...
Да, человек никогда не бывает один...
И пусть нам совсем плохо,
Зато у нас очень здоровый и
высокоморальный
Коллектив...

Потряхивает время гривой,
Неудержимо конь бежит –
В неведомое путь лежит.
Нас в сутолоке суетливой
Сопровождают миражи.
Отождествляем торопливо,
Несоответствия бежим,
И улыбаемся счастливо,
Тому, что просто – миражи.
Потерь неисчислимый стаж,
Несёмся прямо в пустоту.
Реальна горечь лишь во рту.
А остальное всё – мираж.

Они ожидали в засаде её,
 За висящее скрывшись бельё.
 Нападать или не нападать —
 Им двоим надо было решать.
 И тогда удивлённую бровь
 Подняла на восставших Любовь.
 Но не дали ей слова сказать —
 Навалились и стали вязать.
 Как же? Двое против одной?
 И Любовь с рассечённой губой
 Прошептала: «Родные, за что?»
 Ей припомнили это и то,
 Прошлый год, позапрошлый год
 И ещё кое-что наперёд.
 Надоело нам мирно жить,
 Зажелалось душить и крушить,
 Вспомянули жильё и быльё,
 Попрекнули обманом её,
 Два жестоких сердца в крови,
 Продолжается пытка Любви...
 Ночь тягуча и так недобра,
 Доживёт ли Любовь до утра?
 Ей упрёки жгли, как дрова,
 Загонялись под ногти слова...
 А когда забрезжил рассвет,
 Спихнулись: Любви уже нет...
 Трудно строить, сниматься в кино,
 Рисовать, сочинять — всё равно...
 Да, дружище, легко лишь ломать,
 Да Любовь за бельём поджидать...

Часто громыаем барабаном.
 Может, лучше помолчать за чаем?
 Надо, надо поберечь слова нам,
 Ну а мы их щедро расточаем.
 Кто это стоит у изголовья —
 Под глазами синие печати?
 Надо, надо поберечь здоровье,
 Но не бережём, а тратим, тратим...
 В ворохе бумаг почти музейном
 Вдруг открытку друга повстречаем....
 Надо, надо поберечь друзей нам,
 Ну, а мы молчим, не отвечаем...
 На базаре устремлений вечном
 Что-то кланчим, что-то предлагаем....
 Надо б, надо совесть поберечь нам —
 Мы ж её на мелочи меняем!
 Лучшие года промчатся мимо,
 Звякнут за углом ночным трамваем.
 Надо, надо поберечь любимых,
 Мы же их в морщинки одеваем.
 Сигаретой опишу колечко,
 Спичкой на снегу поставлю точку:
 Что-то, что-то надо поберечь нам...
 А не бережём — уж это точно!

**О ПЕРЕИМЕНОВАНИЯХ,
весьма модных в эпоху «перестройки»**

Уехала тёща Мария Петровна,
И сердце, тоскуя, забилося неровно:
О, тёща моя, как забыть нашу встречу?
Как дух этой встречи я увековечу?
Нет, память идейно о ней берегу,
Крещу её именем все, что могу:
Кошку — Марусей, Манькой — козу,
Корове Петровне я сено несу.
А те за овином три кустика тощих
Назвали с женою мы Марьиной рощей.
И кактус колючий, что к стеклам преник,
Теперь называется «тёщин язык».
Потом подрядился почистить коровник —
Сразу табличку прибил вдоль стены:
«Коровник имени Марьи Петровны
Взят под охрану как вид старины».
Подрос незаметно мой старший сынок,
И тещей своей обзавелся он в срок.
Новые веянья — новая драма, —
Марго Николавна — суровая дама.
Немного просохнув от тёщиных клизм,
Потребовал Вася: «Дашь плюрализм!

Тёща твоя, то есть бабка, отец,
Много изъязнов имела отменных,
Култ ее личности мы, наконец,
Должны развенчать непременно!
Мы не позволим историю нашу
Всю подгонять под бабушку Машу!»
Взял он коровник в арендный подряд,
Телок всех заново крестит подряд:
Дойная — Рита, Марита — яловка,
Перед соседями даже неловко:
Дуньку комолую, что без рогов,
Он обозвал «Королевой Марго»!
Лужу, где в детстве проплавал в корыте,
Он окрестил «Залив Маргариты».
Только лишь кактус, что к стеклам преник,
Так и остался — «тёщин язык»,
Ибо по форме, по содержанью
Боле всего отвечал он названью!

Как ни крести ты худого быка,
Толку с него, что с козла молока!

Чтоб покончить поскорее
 С геноцидом навсегда,
 Мы сбегает от евреев
 В декабристов города.
 Счастье — словно в лотерее:
 Здесь клопы, а там евреи,
 Там евреи, здесь клопы —
 Те и эти — не слабы !
 Изя Гринберг там грызет
 Со своею мафией,
 Здесь же клоп тебя сосет —
 Успевай, отряхивай!
 Рано клоп ползет и поздно
 Целиною наших тел.
 Для того хохол и создан,
 Чтобы кто-то его ел!
 Все же счастлив я, ей-богу:
 Как бываем мы слепы —
 Ведь попасть туда бы мог, где
 И евреи, и клопы !

Ну что же, успокоимся на том,
 Что сам, по размышлению когда-то,
 Любовь я сравнивал с Сизифовым трудом,
 Который не под силу слабоватым.
 Неразрешимо сложная задача
 С годами опыта доступней стала мне:
 Быть нелюбимым — только неудача,
 Вот не любить — трагедия вполне.

Усилия любви не скоротечны,
 Уйдем мы, а они переживут века,
 Есть мудрость в том, что наша жизнь
 конечна.

Впитай же с первой каплей молока,
 Наследник, эту истину навечно:
 Всегда к звезде дорога нелегка.

СОНЕТ № 12

Спокойная улыбка перед сном
В Иркутске часто грезилась когда-то:
Я жил среди обоев страшноватых,
Помеченных раздавленным клопом.
На стенке был всего один крючок,
Вонь общежития не ведала границы,
А по ночам скрипели половицы,
Да песни о тебе слагал сверчок.
Так небывало долго письма шли,
Казалось, я на краешке земли —
И Запад отпускать тебя не хочет...

Без сна тоскливо слушал я тогда,
Как в трубах энергичная вода
Сифонам страстные признания бормочет.

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОКЗАЛЕ

(масло, холст)

Была середина лета.
Хлеба наливались зерниной,
И небо калило землю,
Как горн щипцы кузнеца.
А я стоял на перроне,
Держал неумело гвоздики
И жадно ловил в окошках
Черты дорогого лица.

Бывают в жизни несчастья,
Бывают вьюги и смерчи,
Бывают тайфуны и бури,
И с ними справляется люд.
Но это — когда все вместе,
А что одному поделать,
Когда вдруг услышит сердце
Нежданно прощальный салют?

Беды приходят коварно.
Особенно, если счастлив,
Особенно, если боли
Ты вовсе не заслужил.
Но беды всегда уходят,
А человек остаётся.
И важно, каким ты остался,
Когда беду пережил.

И что ещё очень важно:
Понять до конца однозначно,
Куда зовёт тебя сердце
И что ты от жизни ждёшь.

ЖЕМЧУЖИНА
(набросок с натуры)

И нам порой недоступна
Карающая откровенность:
Когда ты лжёшь нелюбимым,
Тогда и любимому лжёшь.

Засело в мозгу как заноза,
Отчётливо, ясно и живо,
Проверенное веками
И не на одной судьбе:
Когда хоть чуть-чуть изменяешь,
Себе иль кому — неважно,
То ты ничего не находишь,
А только теряешь в себе.

Нет, ты судьбу не обманешь,
Мудрейшую, как природа,
И всё сторицей воздастся,
Докатится до тебя:
Ведь если ты сегодня
Любовь украл у кого-то,
То этим ты ограбил,
Считай, самого себя.

Пусть пронесутся ливни,
Я стану лучше и чище,
Посмотрим в глаза друг другу,
Омытые их водой.
Мы это право имеем,
Глядеть открыто и прямо.
Если в борьбе нелёгкой
Подняться смогли над собой.

31.07.1984.

Неверное море стучится мне в борт,
Во мгле безразличный рисуется порт,
В пупырышках кожа, я очень устал,
Но я не сдаюсь, я ещё не достал...
Ныряю, ныряю, ныряю ко дну,
Жемчужину надо мне только одну.
Одну, в перламутра прожилках родных,
Её отыщу среди тысяч других.
Я без акваланга. Страховка — канат.
Там сотни жемчужниц, чернея, лежат.
Вскрываю ножом, но напрасны труды —
В них нет той жемчужины чистой воды.
Ползу и ползу я по зыбкому дну —
Жемчужину надо мне только одну,
Ведь к ней я душою и телом прилип,
И временно ты торжествуешь, Филипп*
Пусть от давленья в ушах моих боль,
Царапины в язвы разъела мне соль,
И от безвоздушья трахею саднит,
Но вновь глубина меня сладко манит.
Ныряю, ныряю, ныряю на дно
И в мыслях стучится лишь слово одно:
«Достану, достану!» Пусть пропаду,
Но эту жемчужину всё же найду!
Она так чудесна, нет в мире иной,
Её я добуду любой ценой,
Какая цена может быть высока,
За то, чтоб мечта оказалась в руках?
Ныряю, ныряю, ныряю ко дну,
Жемчужину надо мне только одну.
Одну, в перламутра прожилках родных,
Её отыщу среди тысяч других.

29.09.84

* Самой крупной в мире и красивой жемчужиной (30,4 карата) обладал испанский король Филипп II.

Ушли в небытие навеки
Социализм, учёт, Госплан,
Моральный Кодекс, стройки века,
Борьба за качество и план.
Ушли собрания, взносы, ...измы,
Соревнования Экран,
Остался лишь от Коммунизма
Один обманутый Иван.
Но этого не так уж мало,
Пока тверда его рука,
Которая всегда держала
Россию, знамя и стакан,
Пускай и легче нам не стало,
Всё будет, был бы жив Иван!

Я – ваш костёр. Не тлею, а горю я,
Сжигая ночь до зыбкого утра.
Подбросьте сушнячка, сидите, не горюя,
Расслабьте мышцы, грейтесь у костра.

Я – ваш костёр. Забудьте ваши муки.
В заснеженных полях вы жаждали меня.
Ко мне озябшие протягивайте руки,
Любуясь волшебством возникшего огня.

Взбудрите тишину мелодией игривой,
Доверившись душой скрипичному ключу.
А я, тряхнувши золотистой гривой,
Одежду высушу и чайник вскипячу.

Под тихий перебор аккордов семиструнной
Залижут раны языки костра.
В пылающих глазах неистового Бруно
Растает Орлеанской Девы страх.

Под ветром – вслушайтесь! –
 во мне ещё гудят
Все помыслы людей, которые сгорели,
Еретиков и ведьм, алхимиков, бродяг.
Они ушли. Во мне живут их цели.

Две формы окисления бывают –
Гореть и гнить. И медленно пока
Один гниёт, другой во всю пылает,
И жизнь его, как спичка, коротка.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

(Сентябрь, 2009)

А рано утром тихо сам угасну,
Осыпавшись золой, тепло своё губя...
Но не печальтесь: я был очень счастлив,
Отдать другим до искорки себя.

Но и бывало так: огня бояться тыщи,
Неблагодарною растоптан я ногой.
От огорчения на седых моих кострищах
Не вырастет трава. Годами — ничего...

Но среди вас всегда один найдётся,
Кто трепетно хранит к огню свою любовь,
И спичка к коробку когда-то
прикоснётся —
Из пепла я, как Феникс, встану вновь!

Когда я обнаружил, что мой сосед и друг Антон проделал такую громадную работу по созданию этой нелепейшей книжонки, далее оставаться в стороне от его работы было просто эгоизмом. Я, насколько сумел, подключился к его трудам, и мы совместно, я надеюсь, вытащили рукопись на белый свет... Я чрезвычайно благодарен Антону за его (трудно преувеличить) благороднейший подвиг, и первый же опубликованный экземпляр по праву будет принадлежать, естественно, ему!

Я уже рассказывал, что мой золотой кроссвордный друг Михаил Александрович Захарчук подарил мне некогда свою книгу «Якубович. Вся жизнь — "Поле чудес"». И вот моя дочь Ольга лежит в больнице, я выхожу на книжные лотки, чтобы купить ей нечто «вкусненькое почитать», накопил штук пять книг, и вдруг вижу на лотке Мишину книгу о Якубовиче...

А тому предшествовал весьма интересный эпизод: я выслал по мэйлу Мише два его портрета, сделанных Ольгой для «Собачьей жизни». И я написал Мишеньке следующее:

«Дорогой мой друг, приветствую тебя!

Должен доложить, что я вступил в новую фазу с этой неожиданной для меня книжонкой о собачьей жизни.

Я её распечатал и завтра сдаю на редактирование и корректуру.

Подобран формат. Ольга рисует героев. Она очень даже неплохой художник, можешь на себя посмотреть: (прицепы).

Вот в таком стиле ты и войдёшь в книгу.

И другие герои будут в этом же духе».

А Миша мне ответил:

«Ты дочери скажи, что Захарчуку очень понравилось. А для тебя сообщу: просто о...тельные картинки! Меня ещё никто так точно не рисовал!»

Возвращаюсь к «Якубовичу». Я спросил о цене, пошарился по карманам, и понял, что мне надо бежать за деньгами домой (благо, недалеко живу — напротив). Цель была одна: когда приедет ко мне Миша, он подпишет свой авторский экземпляр Ольге. За её талант и труд. Продавщица была слегка пьяненькая, и, видимо, не обратила особого внимания на мою скромную просьбу не продавать «Якубовича». Когда я возвратился, книжки на лотке уже не было. «Добавившая» за это время продавщица поцеловала меня в обе щеки и сказала, немного запинаясь:

«Ну, кто же знал? Ничего страшного. Я завтра украду у мужа ещё один экземпляр! Но вам принесу!»

Договорились о времени встречи. На следующий день я прихожу к лотку, а продавщица — то трезвая! И уже меня не целует, и книжки нет. Расстроился я, конечно.

Не так часто можно встретить в Житомире(!) книжку Захарчука (!).

Но я же говорил, что везун! На следующий день безо всякой надежды прохожу мимо этого лотка, а меня цап за руку — та же продавщица! «Есть ваш «Якубович»!

И вот эта драгоценная книга у меня. И ждёт она славной подписи Захарчука для моей дорогой доченьки, которая так прекрасно умеет иллюстрировать книжки...

Нет, не скажите... Всё же, жизнь прекрасна!

СОДЕРЖАНИЕ

Собачья жизнь, или пауза для эстрады с оркестром

Вместо предисловия	5
Глубокое бурение за панской скалой	9
Чебуреки с псиной	32
Немного о собачьей жизни (1970-1985)	36
Братишка	54
Суп, приправленный духами (1943)	57
Эстрадины по ночам (1973)	73
Пташечка и комашечка (1953)	84
Радио (открытие первое) (1953-1956)	94
Электромусыка (открытие второе) (1957) ...	100
Космодромисты (1966)	104
Взятие Киева (1958)	118
В Крым без ошейника и поводка (1971)	120
Художники волею божьей	143
Всесоюзные мальчишники по электромусыке (1971, 1976, 1981)	157
Комната номер 10 (1959-1960)	165
Лещ с «перчиком»	175
Змей Горыныч	181
Баллы	189
Ещё о собачьей жизни (2000-2009)	
Соня	199
Дашка	203
Фроська	207
Сканворды и прочее	211
Иркутская история (1984-2000)	218
Дополнение-эпилог (2000-2009)	223

Щенячьи радости периода перестройки

В оркестровой яме	232
Дети лейтенанта Шмидта	238
Не хочу на пенсию	244
Обмен	247
Один час из жизни женщины	250
Ревность	253
Телемахида	257
Тост	261
Сом	265
Мы общаемся	270
О проблеме рационального питания	272

Вой на луну из-под намордника

«За моею спиною беда...»	278

Раздумье	279
Ночной пейзаж (<i>уголь, сангина</i>)	281
«Никогда бы не стал воздвигать...»	283
Акварель	284
Баллада о награде	286
Конструктор	291
Речка Каменка	292
Мой билет	293
Натюрморт	295
Урок географии	297
Осенний этюд	299
«Оставь на мне свои частицы...»	300
«Ты тропа моя...»	301
Умирающему холодильнику	303
«Как грустный и ласковый шепот деревьев...»	305
Дождь (<i>сангина</i>)	307
«Сверкая сквозь ажурность хвои колкой...»	309
Пятое время	311
«Разбуженный тобой, тянусь к восходу солнца...»	313
Тысячный день одиночества	315
Снег	316
«Хочешь, я тебе ночью приснюсь?...»	318
«Если станешь в далёкой дали...»	320
«Каким торжественным словам...»	321
«Вздыхайся праздник марта выше!...»	323
«Мы с тобою зверьё...»	324
Вид на санитарную плотину (<i>акварельный пейзаж</i>)	326
Охота (<i>масло, холст</i>)	328
«Злую бессонницу стал коротать...»	330
Вечер (<i>масло, холст</i>)	332
«Потряхивает время гривой...»	333
«Они ожидали в засаде её...»	334
По мотивам бардов 60-х годов	335
О переименованиях	336
«Чтоб покончить поскорее...»	338
Сонет № 14	339
Сонет № 12	340
Воспоминание о вокзале (<i>масло, холст</i>)	341
Жемчужина (<i>набросок с натуры</i>)	343
«Ушли в небытие навеки...»	344
Костёр	345
Послесловие (сентябрь, 2009)	347

Літературно-художнє видання

Леонід ФЕДОРЧУК

Содаре життя
чи
ПАУЗА ДІЯ ВСТРАДІНА З ОРКЕСТРОМ

Проза, поезія

Редактор *Л. М. Козак*
Коректор *Н. Н. Д'якова*
Комп'ютерна верстка
та оформлення *О. Л. Федорчук*

Формат 70х90/32. Папір офсетний.
Гарнітура NewtonC.
Усл. друк. арк. 0,00. Обл.-вид. арк. 0,00.
Тираж 300 прим. Зам. 000.

Віддруковано з готових оригінал-макетів
у видавництві «Рута».
10008 Житомир, вул. М. Бердичівська, 18.